

ISSN 2619-1229

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
TURKOLOGICAL STUDIES

Том 2, № 1
Vol. 2, No. 1

2019

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал основан в марте 2018 года

2019, том 2, № 1

ISSN 2619-1229

Международный научный журнал

Учредитель: Фахрутдинов Раиль Равилович

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес издателя: 420111, г. Казань, ул.

Кремлёвская, 10/15.

Почтовый адрес редакции: 420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117. Тел.: +7(843) 221-33-21.

E-mail: turkologstudies@gmail.com

Сайт: <http://turkological-studies.ru>

Подписка и распространение: редакционная подписка

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ. Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Дата выхода выпуска в свет: 19.04.2019.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат

70x108 1/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 500 экз.

Заказ 60/3. Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета.

Адрес типографии: 420008, г. Казань,

ул. Профессора Нужи́на, 1/37.

Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за

содержание публикаций.

Редакционно-издательская группа

Л. Ф. Абзалов (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А. В. Фахрутдинова (научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Е. В. Витоль (ответственный за выпуск) (г. Казань, Россия)

Главный редактор

Р. Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Шеф-редактор

Р. Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии

Э. К. Хабибуллина – кандидат филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Редакционная коллегия

А. Г. Ситди́ков – доктор исторических наук, доцент, член корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

Р. Р. Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

И. Э. Ярма́ев – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор (г. Мадисон, США)

И. А. Ги́лязов – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

И. М. Миргалеев – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)

В. В. Трепавлов – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

И. В. Зайцев – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. Гаркавец – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. В. Сафарян – кандидат исторических наук, профессор (г. Ереван, Армения)

Ильяс Топсакал – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Хайати Девели – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), доцент (г. Стамбул, Турция)

Распространяется бесплатно

© Тюркологические исследования, 2019

TURKOLOGICAL STUDIES

Journal was founded in March 2018

2019. Vol. 2, No. 1

ISSN 2619-1229

International Scientific Journal

Founder: Rail Fahrutdinov

Registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate number: ПИ № ФС 77–73017. Date of registration: 06.06.2018

Periodicity: 4 issues per year (quarterly)

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage".

Address: 10/15, Kremlevskaya street, Kazan, 420111.

Editorial address: 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, M. Mezhlauka str., 3, of. 117, Tel.: (843) 221-33-21.

E-mail: turkologstudies@gmail.com

Website: <http://turkological-studies.ru>

Subscription and distribution: editorial subscription

The journal is indexed by: Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL, Ulrich's Periodicals Directory.

Signed for printing: 19.04.2019. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Conventional printing plates 10. Print run: 500 copies.

Order: 60/3. Printed at Kazan University Press printing house.

Address: 420008, Kazan, 1/37, Professor Nuzhin str. Tel.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.

Editorial office is not responsible for the contents of publications.

Editorial and Publishing Group

L. Abzalov (Executive secretary) – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

A. Fahrutdinova (Scientific editor) – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

E. Vitol (Responsible for the release) (Kazan, Russia)

Depute Editor in Chief

R. Khajrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

Chief-Editor

R. Fahrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

Chairman of the Editorial Board

E. Khabibullina – Ph.D. in Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Editorial Board

A. Sitdikov – Doctor of History, Associate Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

R. Zamaletdinov – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

I. Yarmakeev – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor (Madison, USA)

I. Gilyazov – Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

I. Mirgaleev – Ph.D. in History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

V. Trepavlov – Doctor of History, Professor Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

I. Zaytsev – Doctor of History, Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A. Garkavets – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

A. Safaryan – Ph.D. in History, Professor (Yerevan, Armenia)

Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor (Istanbul, Turkey)

Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor (Istanbul, Turkey)

Ilyas Kemaloglu – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

Distributed free of charge

© Turkological Studies, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
Ушницкий В.В. Центральноазиатские татары: вопросы этнической истории и этногенеза	5
Roman Hautala. Latin Sources on the Missionary Activity of the Franciscans in the Golden Horde in the Reign of Khan Uzbek (1313–1341)	13
Хамидуллин Б.Л. Феномен Золотоордынской цивилизации	36
Зайончковский Ю.В. Политическая карьера конгратского бека Хайдара по нумизматическим данным (середина 1420 – начало 1440-х гг.)	62
Ярков А.П. Кучум и Ермак: два сценария сибирского фронта, и их отражение в судьбах мусульман	76
Шигабутдинов Р. Некоторые аспекты казахской истории (XVI – первая половина XIX вв.). К вопросу о ее «географической оси»	93
Хамидов Е.Н. Настольная книга суфия: о «Ал-фава'ид ал-мухимма» Зайнуллы Расулева	122
Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. История науки таджвид в Татарстане	130
НАСЛЕДИЕ	139
Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис». Раздел 5. Рассказ о чудесах пророка (перевод Ф.Ш. Нуриева, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Галиулина)	139
РЕЦЕНЗИИ	146
Исхаков Д.М. О книге Юлая Шамильоглу «Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде»	146
ХРОНИКА	151
Миргалеев И.М. Международный Золотоордынский форум и празднование 750-летия Таласского курултая в 2019 году	151

CONTENT

ARTICLES	5
Ushnitsky V. Central Asian Tatars: Questions of Ethnic History and Ethnogenesis.....	5
Roman Hautala. Latin Sources on the Missionary Activity of the Franciscans in the Golden Horde in the Reign of Khan Uzbek (1313–1341)	13
Khamidullin B. The Phenomenon of the Golden Horde Civilization	36
Zayonchkovskiy Y. Political Career Kungrat Bey Haydar in Numismatic Data (Mid-1420 – Early 1440's)	62
Yarkov A. Kuchum and Ermak: Two Scenarios of the Siberian Frontier Foundation, and its Reflection in the Fates of Muslims	76
Shigabdinov R. Some Aspects of Kazakh History (XVI – First half of XIX Centuries). To the Question of it's "Geographical Axis".....	93
Khamidov E. The Sufi handbook: about Zahnullah Rasulev's Al-Fawa'id al-Muhimma	122
Safiullina-Al Ansi R. The History of Science Tadjvid in Tatarstan	130
LEGACY	139
Mahmud al-Bulgari "Nahj al-Faradis". Part 5. The Story of the Miracles of the Prophet (Translation by F. Nurieva, E. Sayfetdinova, I. Galiullina)	139
BOOK REVIEWS	146
Iskhakov D. About the Book of Uli Schamiloglu "Tribal Politics and Social Order in the Golden Horde"	146
CHRONICLE	151
Mirgaleev I. International Golden Horde Forum and the Celebration of the 750th Anniversary of the Talas Kurultai in 2019	151

СТАТЬИ

УДК 94 (517)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ТАТАРЫ: ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГЕНЕЗА

В.В. Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация
vota@mail.ru*

Резюме. В данной статье проанализированы сведения о центрально-азиатских татарах, имеющихся в древнетюркских рунических надписях, в китайских источниках династий Тан, Сун, Ляо, Цзинь. В сочинениях Рашид-ад Дина они выступают в качестве могущественного племени, ранее доминировавшего в Центральной Азии. Махмуд Кашгари относит их к тюркоязычным народам, имеющим свой отдельный язык. С.Г.Кляшторный и Ю.А. Зуев изучив сведения рунических памятников и китайских источников различных династий, пришли к выводу, что в этногенезе буир-нурских татар принимали участие еще хэйчэзцы-шивэй т.е. тележные канглы и согдийцы – сог-по.

Ключевые слова: татары, Центральная Азия, племена шивэй, согдийцы, монголы Чингисхана.

Для цитирования: Ушницкий В.В. Центральноазиатские татары: вопросы этнической истории и этногенеза. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 5–12.

В истории Центральной Азии есть исчезнувшие племена, именами которых названы многочисленные народы. Прежде всего, это татары. Вплоть до начала второго тысячелетия н.э. о татарах Центральной Азии мало было сведений, научной информации. Конечно, современные татары всегда интересовались своими предками. Сложилось мнение, что татары – это название монголоязычных шивей, которые потом стали именоваться монголами, названием одного из племен татарского объединения. Имя самих татар сохранилась лишь за одним из племен Монголии, полностью истребленных Чингисханом. Величие и гибель племени татар в своем труде описал Рашид ад-Дин. В конце своего научного пути замечательные советские тюркологи С.Г. Кляшторный и Ю.А. Зуев оставили прекрасные научные труды, посвященные центральноазиатским татарам. Из них перед нами предстает ушедший мир загадочных номадов Центральной Азии – татар.

Историография Рашид ад-Дина согласно которому, татары в древние были «покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом» [15, с. 102], продолжает вызывать постоянные споры среди исследователей. С.Г. Кляшторный предполагает,

что персидский автор имел в виду домонгольский период в истории Центральной Азии, когда татары контролировали обширную зону степей от Монголии до Ганьсу [11, с. 139–147]. В.В. Трепавлов пришел к выводу, что утверждение о прежнем могуществе и известности татар восходит к временам Жужаньского каганата и прочих монгольских кочевых объединений. Этноним татар С.Г. Кляшторный возводит к имени кагана кочевых жужаней Татань, ставшего обозначением нового народа.

По мнению С.Ш. Казиева, часть отуз-татарских племен могла иметь огузо-уйгурское происхождение, а монголоязычные татары, будучи выходцами из сяньбийских племен, испытывать мощное влияние тюрков. Татары, имевшие давние связи с уйгурами и сеяньто, мигрировали на запад и участвовали в образовании кимакской конфедерации. На востоке, в «коренном юрте», татары унаследовали политические традиции уйгуров, противопоставив себя монголам [7, с. 380].

Татары относились к кругу шивейских племен, имевших наиболее интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, и могли общаться на тюрко-монгольском пиджине. Другим аргументом сторонников монгольского происхождения кимаков и кипчаков являются сообщения средневековых мусульманских источников о татарском происхождении кимакского династического рода. С.Ш. Казиев считает не решенным вопрос о том, являлись ли сами татары Восточной Монголии однородной мощностью, или у них присутствовал мощный тюркский компонент [7, с. 378].

Считается, что после ухода основной массы огузо-уйгурского населения на запад территорию Монголии с X–XI вв. постепенно заселяли монголы, вышедшие из своей прародины – Большого Хингана и верховий Амура. Продвижение монголов на запад «сопровождалось вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок» [12, с. 171]. Как полагает китайский исследователь Илинчжэнь, буир-нурские татары управлялись христианизированной тюркоязычной знатью [12, с. 178].

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. С древних времен они кочевали вокруг озер Кулун и Буир по краю современной Внутренней Монголии. Усиление татар приходится в IX в, тогда относится их массовое переселение на Запад, когда они заняли исконно уйгурские земли, образовав союз татарского аймака. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем. Упомянутый в 732 г. союз татарского аймака был первым союзом всех аймаков Монголии. Аймаки соединившиеся с татарами, также себя называли татарами. Этот союз распался под ударами киданей, но среди монгольских племен татары оставались самым сильным племенем [16, с. 90].

Этнонимы «татар» и «тат» считаются словами тюркского происхождения, но они использовались тюрками только для обозначения «чужаков», то есть народов, не говорящих по-тюрки. Так различные тюркские племена своих нетюркских соседей называли словом «тат». Тюркские племена своих

монголоязычных соседей также называли «тат» или «тат-ар» ('тат' – 'чужой', 'не-тюрок', 'ар' – 'мужик').

Согласно реконструкции С.Е. Яхонтова, иероглифическое написание датань приносилось в V в. н.э. как **dadar*/**tatar*. «Отуз татары» – та самая группа племен, входивших ранее в государство жуаньжуаней, которая сплотилась в 20-е гг. V в. вокруг Датаня/Татара. По реконструкции С.Е. Яхонтова, иероглифы жоужань в своем звучании для середины I-го тыс. н.э. должны быть переданы, с некоторыми вариантами, транскрипцией **попог*. Этот термин обозначил племена вождем [10, с. 161].

Китайский автор Ван Мин-цзи писал, что в старину татары были пастухами коров у уйгуров. В конце IX в. кыргызы в верховьях Эдзин-гола подчинили себе татар, и татары согласились платить дань уже кыргызам. В X–XI вв. могло существовать по меньшей мере два татарских анклава – у озера Буир-Нор, где-то в районе западной Ганьсу и к северу от этого района. Тангутскому императору Юань-хао подчинились татары, проживавшие к северу от Сучжоу и в горах Хэланьшань. Однако позже тангутский документ не называет татар в качестве народа, проживавшего в тангутском государстве Великое Ся. На китайской карте государства Ся XI в. татары трижды обозначены как северные соседи Ся [5, с. 66–67].

Согласно С.Г. Кляшторному и М.Горелику, татары с X–XII вв. обитали вдоль Великой Китайской стены от Синьцзяна до Маньчжурии [11, 139–147; 1, с. 51–56].

Спорным является языковая принадлежность буир-нурских татар. Поскольку татары отождествляются с шивеями, то подразумевается их монголоязычие. Но есть и авторы, считающие татар тюркоязычными. Так Махмуд Кашгари относил татар к тюркоязычным этносам, однако указывая, что у них имеется и свой (нетюркский) язык. Татары упоминаются в тюркских рунических надписях с 732 по 760 гг. [8, с. 133–134]. В X–XI вв. под именем цзубу татарские племена осваивают всю территорию Монголии. Недаром, Махмуд Кашгарский – живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [11, с. 144].

По словам С.Г.Кляшторного, ключ к поиску иных территорий расселения татар в X–XII вв. содержится в упоминании Ли Синьчуаня о «границах татар» от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ г.Гуйхуачэн в Суйюани) до киданей на севере [14, с. 51; 11, с. 139–147]. Следовательно, все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид ад-Дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая [14, с. 51; 11, с. 139–147].

Со ссылкой на Рашид ад-Дина, утверждается, что еще в глубокой древности, то есть в дочингизову эпоху, существовало шесть отдельных татарских «государств» [17, с. 131]. Однако Рашид ад-Дин просто говорит о существовании отдельных шести племен татар: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй, имевших каждый своего вождя и войско [15, с. 103]. Здесь интерес представляют этнонимы: алчи и чаган. В Эллэйаде упоминается персонаж по имени Чыкын-Эллэй.

Вообще Алтан Тобчи буир-нурских татар называет могущественным народом, Рашид ад-Дин считает их одним из 15 крупнейших тюркских народов, чей юрт насчитывал 70 тысяч дворов. В целом, наряду с тангутами и чжурчжэнями татары были многочисленным, но почти полностью уничтоженным войсками Чингисхана народом. Но следует полагать, что как и эти многочисленные народы они просто сменили лицо, превратившись в другой этнос, ибо не могли исчезнуть без следа в огне сражений охвативших Монголию и близлежащие страны в пору возвышения Чингисхана.

В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы (чернотележники) шивеи, которых Ю.А. Зуев считает объединением Канцзюй. По утверждению Ю.А.Зуева, область Канцзюй в IX в. продолжал существовать в северной части Внутренней Монголии и востоке Большого Хингана. Следовательно, это область находилась примерно на том самом месте, где позднее фиксируются татары Буир-Нура. Ю.А.Зуев считает шивзев тождественными татарам [3, с. 105], поэтому хэйчэжжи шивзев можно считать тележными татарами. Именно к ним бежал Уцзю-каган, собрав все остатки Уйгурского каганата.

Согласно Ван Го-Вэю, в киданьской империи Ляо термин «татары» считался уничижительным. Вместо него употреблялось слово «цзубу» (по Виттфогелю, он происходит от тибетского «сог-по» – пастухи, кочевники [2, с. 99–100]).

Ли Фанцзюнь предположил, что под названием «сог-по» фигурировали ираноязычные согдийцы, вернее, потомки согдийских колонистов, составлявших значительную часть населения центральноазиатских городов в тюркское и уйгурское время, т.е. те же сартаулы – сортолы. Тибетской передачей термина согдак, было Сог даг, Сог по. В хронике династий Ляо и Цзинь термины Сог по соответствовала китайская запись цзубу, цзупу. Со временем это слово стало названием тюрков-татар и монголов Внутренней Монголии [3, с. 161].

Сайшиял утверждает, что татары были самым сильным племенем Монголии до возвышения Чингисхана. Аймаки, соединившиеся с татарами, тоже назывались татарами. Внутри союза татары постоянно грабили слабые племена, эксплуатировали их [16, с. 90]. В 1195 г. татары и цзиньцы (чжурчжэны) окончательно поссорились из-за добычи, награбленной во время совместного похода против монгольских аймаков. Татары мгновенно двинули войска и окружили императорскую армию. Полководец Ван Чинсэн воспользовался оплошностью татар, глухой ночью вырвался из окружения. Татар стали преследовать войска другого чжурчжэнского полководца Ван Анкуве, именно к этому времени подоспели войска союзников Цзиньской империи Ван-хана и Чингисхана. В лагере убитого ими татарского царя нашли золотую колыбель, покрывало, украшенное дорогими камнями [16, с. 91–92].

Еще два сражения дали неукротимые татары Чингисхану, сражались с ним и в лагере его противника Джамухи. В местности Далан-Нэмургес были разгромлены четыре татарских аймака. Их в бой вел вождь белых татар Алгудор. Третье сражение также происходило в этой местности. Постольку враг был свирепым, то Чингисхан приказал войскам при случае отступления, возвращаться на место в случае контратаки, грозя смертной карой. После

боя, победители всех мужчин убили, женщин и детей отдали в качестве рабов и слуг семьям монголов [16, с. 100].

Татары хоть и были противниками Чингисхана, были насильно включены в его армию и служили в качестве боевого авангарда, отчего в Европе именем татар стали обозначать монгольских воинов и племена. Победное имя татар шло впереди монгольских войск, но со временем татары оказались истреблены, поскольку в сражениях их всегда посылали вперед [17, с. 32]. Это известие укрепилось в Европе, еще со слов папских послов П. Карпини и Г. Рубрика побывавших в Орде и венгерского монаха Юлиана. Они с удивлением поведали, что татары – это не имя завоевателей, а покоренного народа. Так Г. Рубрук узнал, что татары – это было одно из племен, живших рядом с монголами и способствовавших возвышению Чингисхана, которых он «повсюду посылал вперед... и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали “Вот идут татары”. Но в недавних частых войнах все они были перебиты» [4, с. 170].

И.Л. Измайлов заявляет, что внимательное чтение источников заставляет полагать, что даже сам разгром буир-нурских татар не носил такого тотального характера, как пишется в ССМ и в «Сборнике летописей». Есть сведения о тысячах, сформированных из татар, а алчи-татары занимали довольно высокое положение в клановой иерархии. Тот факт, когда имя татар, вырезанных кто был выше колеса вдруг распространилось на всех монголов породил ряд глубокомысленных догадок, как и когда и остатки татар, вдруг стали именоваться монголами. Механизм этого камуфляжа западными путешественниками и современными историками объясняется просто. Татары должны были нападать первыми, поэтому их грозное имя распространилось на все завоеванные монголами страны, так и включенные в состав монгольской армии вспомогательные подразделения из покоренных народов [14, с. 38–55]. Однако и китайские источники говорят о том, что Чингисхан и весь его народ из черных татар, что имя монгол им навязал Чингисхан, в память о уничтоженном им, воинственном народе.

Этническую историю центральноазиатских татар можно разделить на несколько этапов. 1. Шивэй. Общемонгольский период (VI–VII вв.). Предки татар принадлежали к южным шивеям, известным в качестве племени Улухоу. 2. Шивэй-татары (VIII–IX вв.). В рунических надписях были известны в качестве токуз и отуз-татар. В районе Буир-Нура обитали хэйчэжэ-шивэй, тележные шивэй. Ю.А. Зуев их отождествлял с канглами. 3. Татарское великодержавие (X–XI вв.). В киданьских источниках были известны как цзубу, что воспринимается как тибетское сог-по (сак). В начале XI в. часть шивей ушла от киданей на юг, к горам Иньшань, затем распространились на запад до реки Керулен. Татары обитали вдоль всей Китайской стены вплоть до Джунгарии. Сложение отдельного племени татар в территории современной Внутренней Монголии в результате ассимиляционных процессов ими были поглощены ираноязычные согдийцы. В татарский союз племен цзубу входили керейты, найманы и меркиты, возможно и монголы. 4. Буир-нурский период (XII в.). Выделились в результате распада цзубу. Соперничество с монголами привело к катастрофе, хотя именно татары способствовали распаду государства Хамаг-монголов и улуса Есугея.

Список литературы

1. Горелик М.В. Центральноеазиатские татары начала второго тысячелетия (по данным костюма) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 51–56.
2. Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. М.: ТОО "Мишель и К", 1993. 335 с.
3. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
4. Измайлов И.Л. Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усмана. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 38–55.
5. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1056 с.
6. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
7. Казиев С.Ш. Кипчаки: концепция этнической истории // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 282–423.
8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»). 2000. 320 с.
9. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
10. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2010. 328 с.
11. Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию "Сокровенного сказания". М.: Наука, 1993. С. 139–147.
12. Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 176–193.
13. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Вост. литература» РАН, 1997. 320 с.
14. Мункуев Ц. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Перевод Ц.Мункуева. М.: Наука, 1975. (Памятники письменности Востока. С. XXVI). 228 с.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
16. Сайшиял. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2006. 576 с.

17. Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

Сведения об авторе: Василий Васильевич Ушницкий, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии народов северо-востока России, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, (677007, ул. Петровского, 1, Якутск, Республика Саха), e-mail: voma@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

CENTRAL ASIAN TATARS: QUESTIONS OF ETHNIC HISTORY AND ETHNOGENESIS

V. Ushnitsky

*Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples
of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
voma@mail.ru*

Abstract. This paper analyzes the information about the Central Asian Tatars present in ancient Turkic runic inscriptions in the Chinese dynasties of Tang, Song, Liao, Jin. In the writings of Rashid al-Din they act as a powerful tribe, previously dominant in Central Asia. Mahmud Kashgar relates them to the Turkic-speaking peoples, who have their own language. S.G.Klyashtorny Yu.A.Zuev and examining information of runic monuments and Chinese sources of various dynasties, came to the conclusion that even heycheztsy-Shivei participated in the ethnogenesis of Tatars Bulr Nurskoy ie Bogie Kangly and Sogdians - sog-po.

Keywords: Tatars, Central Asia, shivei tribes, Sogdians, Mongols of Genghis Khan.

For citation: Ushnitsky V. Central Asian Tatars: Questions of Ethnic History and Ethnogenesis. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 5–12. (In Russ.)

References

1. Gorelik M.V. Central'noaziatskie tatory nachala vtorogo tysyacheletiya (po dannym kostyuma). *Integratsiya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2013. Vol. 2. S. 51–56. (In Russian)
2. Gumilev L.N. Tysyacheletiya vokrug Kaspiya. M.: TOO "Mishel' i K ", 1993. 335 s. (In Russian)
3. Zuev YU.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 s. (In Russian)

4. Izmajlov I.L. Tatory v imperii CHingiz-hana i ego naslednikov: triumf pobezhdenykh. *Zolotoordynskoe nasledie*. Vol.2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ehkonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A.Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g. Kazan': OOO «Foliant», Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2011. S. 38–55. (In Russian)

5. Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. 1056 s. (In Russian)

6. Iskhakov D.M., Izmajlov I.L. EHtnopoliticheskaya istoriya tatar (III–seredina XVI vv.). Kazan': RIC «SHkola», 2007. 356 s. (In Russian)

7. Kaziev S.SH. Kipchaki: koncepciya ehtnicheskoj istorii. *Tyurkskie narody*. Fragmenty ehtnicheskih istorij. M.: IEHA RAN, 2014. S. 282–423. (In Russian)

8. Klyashtornyj S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Drevnost' i srednevekov'e. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie («Orientalia»). 2000. 320 s. (In Russian)

9. Klyashtornyj S.G. Istoriya Central'noj Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. 560 s. (In Russian)

10. Klyashtornyj S.G. Runicheskie pamyatniki Ujgurskogo kaganata i istoriya Evrazijskih stepej. SPb.: Izd-vo «Peterburgskoe vostokovedenie», 2010. 328 s. (In Russian)

11. Klyashtornyj S.G. Gosudarstva tatar v Central'noj Azii (dochingisova ehpoja). *Mongolica*. K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya". M.: Nauka, 1993. S. 139–147. (In Russian)

12. Kyzlasov L.R. Rannie mongoly. *Sibir', Central'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka*. Novosibirsk, 1975. C. 176–193. (In Russian)

13. Kychanov E.I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. M.: Izd. firma «Vost. literatura» RAN, 1997. 320 s. (In Russian)

14. Munkuev C. Mehn-da behj-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar). Perevod C. Munkueva. M.: Nauka, 1975. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. S.XXVI). 228 s. (In Russian)

15. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. Vol.I, kn. 1–2. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 221 s. (In Russian)

16. Sajshiyal. Skazanie o CHingiskhane. Perevod so staromongol'skogo Norpola Ochirova. Ulan-Udeh: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2006. 576 s. (In Russian)

17. Yurchenko A.G. Hristianskij mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy franciskanskoj missii 1245 g. SPb.: Evraziya, 2002. 478 s. (In Russian)

About the author: Vasiliy Ushnitskiy, Research Fellow, Department of Ethnography of the Peoples in Northeastern Russia, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (677007, Petrovsky st., 1, Yakutsk, Republic of Sakha), e-mail: voma@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

**LATIN SOURCES ON THE MISSIONARY ACTIVITY
OF THE FRANCISCANS IN THE GOLDEN HORDE
IN THE REIGN OF KHAN UZBEK (1313–1341)¹**

Roman Hautala

*Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan*

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

University of Oulu

Oulu, Finland

romanhautala@gmail.com

Abstract. The author of this article examines the details of interaction of a heterogeneous population of the Golden Horde with Catholic missionaries who deployed their most intense activity aimed at converting local nomads to Christianity during the reign of khan Uzbek (1313–1341). The details of this contact come to light by analyzing the little-known missionary reports from the Golden Horde as well as Papal letters to its rulers, and narratives of the Franciscan chroniclers in Europe who received information about the development of missionary work in Jochid ulus from their fellows in the East. These, for the most part, synchronous sources point to a continuation of the policy of religious tolerance traditional for the Chinggisids even during the apparent strengthening of Islam in the Golden Horde. Khan Uzbek's tolerance earned praise from the Avignon curia and promoted active diplomatic relations with Popes John XXII and his successor Benedict XII. A more important consequence of the Golden Horde khan's favor of Christians was an intensification of the missionary activity in his domains leading to close contacts of the Franciscans with the local population, which are reflected in the Latin sources considered in this study. These sources, hitherto known only to a narrow circle of specialists in the history of Catholic missionary work in the Middle Ages, contain valuable information about the circumstances of this contact and deserve a detailed analysis by the researchers of the Golden Horde history, since in contrast to "external" Persian and Arab chronicles (undoubtedly containing important information about internal policy of khan Uzbek) missionary sources reflect the views "from within" of Jochid ulus and contain information about the daily life of its inhabitants.

¹ First published in *Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions*, Victor Spinei (ed.), Florilegium Magistrorum Historiae Archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, XXI, București, Editura Academiei Române; Brăilei, Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I", 2017, no. 11, p. 245–266. I express my special gratitude to Stephen Pow who did not spare his valuable time to carefully proofread the draft of this article. Of course, only the author of this article remains fully responsible for those potential errors that can be identified after its publication.

Keywords: relations between the Mongol Empire and Medieval Europe, Golden Horde history, Catholic missionary work in the medieval East, Franciscan apostolate among nomads, medieval missionary sources, Papal bulls.

For citation: Roman Hautala. Latin Sources on the Missionary Activity of the Franciscans in the Golden Horde in the Reign of Khan Uzbek (1313–1341). *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2019; 2(1): 13–35.

Uzbek Khan's reign in the Golden Horde (1313–1341) coincided with a period that saw the strengthening of Islam in its urban centers. This has been abundantly described in numerous Persian and Arab sources that provide detailed information about internal political developments in the Jochid ulus. This article, in turn, focuses on Latin sources known only to a narrow circle of researchers of Catholic missionary activity in the medieval East. Nevertheless, they contain valuable information about everyday life in the Golden Horde, which is primarily concerned with the authors of these sources – namely, the Franciscan Friars who endeavored to preach the Gospel in the Jochid ulus in parallel with Muslim proselytism. As will be shown below, this activity was connected with the contacts between Golden Horde rulers and the Avignon curia.

However, the most crucial prerequisite for Western missionary activity in the Golden Horde was the policy of religious tolerance practiced by Jochid rulers that did not escape the attention of Catholic authors. In particular, in his “Petition” addressed in 1294 to Pope Celestine V, the famous Catalan theoretician of Catholic missionary activity, Ramon Llull, called on the Roman Pontiff and the Cardinals to make efforts in order to intensify the preaching of the Gospel among “Tartars” and pointed to the likely consequences of what could happen if his appeal was not heard: “Tatars” could adopt “their own law as Mahomet did”, or, even worse, the Saracens or Jews might be able to convert them to their religion which would turn into a “great danger to Christianity”. Llull optimistically preceded this gloomy forecast with assurance that the Tatars’ conversion to Christianity should not cause particular difficulties for Western missionaries owing to the absence of an indigenous religion among Tatars and, more importantly, because they allowed individuals to “preach Christ’s faith in their land” and anyone who would want to become a Christian among them could do so “without fear of the ruler”¹.

In turn, the Hungarian Franciscan Iohanca describing his six-year missionary activity on the territory of modern Bashkortostan, pointed in his letter of 1320 to the absence among the “Tartars” of any particular interest regarding what religion their subordinate nations professed. In Iohanca’s words, “Tartars” allowed the local Christian inhabitants “to remain in compliance with their law and their faith” on

¹ “Etiam esset conveniens, quod Ecclesia faceret suum posse ad conquirendum Tartaros per disputationem; quae conquisitio esset facilis, quia non habent legem, et quia permittunt in illorum terra praedicari fidem Christi, et etiam quicumque vult, potest esse Christianus absque timore dominii: et ista ordinatio est multum necessaria, quia si Tartari faciunt legem sicut fecit Mahomet, vel Saraceni vel Judaei poterunt illos convertere ad illorum legem et tota Christianitas erit in magno periculo” [12, p. 374].

the condition they paid the appropriate tribute and taxes and performed secular and military services¹.

The Franciscans of Caffa, too, pointed out in their letter to Europe in 1323 that “Tartars” complied with the principles of religious tolerance and allowed the existence in their dominions “of all sects, faiths and religious men”². Thirteen years later, the Umbrian Franciscan Giovanni Elemosina noted the same aspect of Uzbek Khan’s domestic policy. In his “Book of Numerous Stories” (*Liber ystorie plurime*) he explained Tatar tolerance by intervention of Divine Providence and perceived their confessional tolerance as a sign of a particularly favorable attitude towards Christianity in comparison to other world religions³.

Of course, the approval of a special predisposition of Uzbek to Christianity and Catholic missionaries gives rise to justifiable doubts, since during the reign of this Golden Horde khan, the spread of Islam was far ahead of the successes of Western missionaries, especially in local urban centers. However, Uzbek’s Muslim sympathies and his personal conversion to Islam did not prevent the Golden Horde ruler from choosing the same line of religious tolerance that his predecessors had adhered to and granting the local Franciscans *yarlik* (literally “privilege”) with the same permission of free movement throughout his domain and unhindered preaching of “Christian law” to his subjects, which had been previously granted to Catholic missionaries by khans Mengu-Timur and Toqta⁴.

Catholic missionaries in the Golden Horde immediately took advantage of Uzbek’s permission. In particular, the Hungarian Franciscan Iohanca reported in his letter to the Minister General of his Order that he went to preach the Gospel in the territory of modern Bashkortostan the very same year that permission was

¹ “Nam diuersas nationes sibi potencia prelii de populis xristianis Tartari subiecerunt, quos permanere sinunt in sue legis et fidei obseruanciis, non curantes vel modicum quis quam sectam tenuerit: sic vt in temporalibus seruiciis, tributibus et vectigalibus ac sequelis bellicis suis faciant dominis, ad que obligantur secundum edictam legis” [4, p. 66].

² “For they tolerate all sects and faiths and religious men among them, so long as in secular things they act as they are bound to do by the custom of the country” (“omnes enim sectas et leges inter se sinunt pacienter et spirituales, ita quod in temporalibus suis faciant in quibus iure terre illius religantur”) [16, p. 365 (English text); 17, p. 111 (Latin text)].

³ “... Deo providente, quadam naturali mansuetudine eis infusa, adeo commutati fuerunt a furia sua et feritate, et in bonitatem conversi, gentes quas submiserant, caritate et curialitate regere et fovere ceperunt. Et libere concesserunt nationibus leges suas servare, et culturam suam agere secundum ritum antiquorum suorum, et terras suas possidere in pace, solum quod domino Tartarorum obedirent et censum ei persolverent. Sed precipue Christianis concesserunt ista, et benignitate multa tractabant eos, concedendo eis ut fidem Yhesu Christi libere predicarent ubicumque, et quicumque christianus vellet fieri, libere possit” [13, p. 120].

⁴ “Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant, vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendo incedant, priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem, priuilegium scilicet quod deum suum orando xristi servi, dicti sacerdotes latini, legem xristianam multis dicendo ambulent” [4, p. 65].

See identification of Usbek’s predecessors mentioned in this charter in: [18, p. 58–60; 19, p. 93, nota 104; 20, p. 350; 10, p. 97].

granted, 1314¹. While describing the circumstances of the deployment of Catholic missionary work throughout the territory of the Jochid ulus, Iohanca extolled those of his Order's fellows who endeavored to preach the Gospel in the steppe following the "camps of Tartars"². At the same time, Friar Iohanca did not mention any obstacles presented by the Golden Horde administration. Also, another Franciscan letter of 1323 pointed to an equally extensive freedom of action and described the significant missionary progress of Minorites in the Crimea and beyond, which was brought about by the daily preaching of the Gospel among the local nomads:

"We believe that nearly a third part of the aforesaid empire (not by our merits, but by the help of God and the interposition of our care, lest we should say it with a certain boasting, which God forbid! but we assert it from a simple zeal for the truth) has received the light of our faith kindly and is daily receiving it ... But often as we follow the camps, from the mere care of so much work there is no time to taste food until the stars are shining"³.

In turn, the Roman Pontiffs did not fail to express their appreciation to Uzbek. In his first letter to the khan of March 28, 1318, Pope John XXII warmly thanked the Golden Horde ruler for the favorable treatment of Christians in his empire and insistently urged him to adhere to this attitude in the future with a special appeal to favorably treat the preachers of "the word of God"⁴. Five years later, Pope John XXII reproduced almost unchanged the content of this letter [7, a. 1323, § 2, p. 202], and 20 years later his successor, Pope Benedict XII, thanked

¹ In his letter written in 1320, Friar Iohanca reported that he remained "in Baschardia continuously for six years": "Cum enim ego frater Iohanca cum duobus fratribus hungaris et vno anglico ascendissemus vsque in Baschardiam, nacionem mangnam Tartaris subiectam, duobus fratribus Hungaris pro fidei negociis a nobis recedentibus, ego cum dicto anglico, nomine Willelmo per 6 annos continue conmorati sumus" [4, p. 67].

² "Nouerit pia paternitas vestra quod pro nomine xristi laborare volentibus, castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus animarum, ita quod baptizando et confirmando, predicando et informando, confessando et confortando quasi continue vacamus, crebribus et comuniter vsque ad profundam noctem, quoniam in aliquibus partibus populus xristianus in tantum multiplicatur, quod vix modo, iudicio nostro, parum vltra medietatem de infidelibus extant" [4, p. 66].

³ "ut credimus, pars tertia fere imperii prelibati non nostris meritis set dei ausiliis et nostris interpositis curie ne iactantia quadam, quod absit, set solo veritatis asserimus zelo, lucem nostre fidei benigne suscepit et indies sic recepit ... set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupationis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas" [16, p. 361 (English text); 17, p. 107 (Latin text)].

⁴ "Laetanter audivimus, quod tu non absque speciali motione divina ob reverentiam Christi Ihesu divini Salvatoris religionis christianae cultores infra imperii tui terminos constitutos benigno favore prosequeris et pertractas ... Celsitudinem tuam in Domino deprecamur, quatenus ad christianae fidei professores, qui dominationis tuae terram inhabitant et maxime qui praedicant inibi verbum Dei, sic tuae benignitatis affectum continues ipsos operosis favoribus prosequendo, quod tua protecti defensionis clypeo cuiuscunque offensionis molimina non formident, quin potius assidue securitatis dulcedine valeant gloriari" [5, no. 318, p. 148].

the khan for the same favorable attitude both in his letter addressed to Uzbek June 13, 1338 [6, no. 91, p. 60] as well as in the bull of October 31, 1338¹.

In his next letter to Uzbek of August 17, 1340, Pope Benedict XII yet again thanked khan for a favorable attitude to the “Catholic Christians obeying the Roman Church” as well as for the permission to “build churches and preach the word of God” granted to missionaries – something which was granted, according to the Pope, in response to his own “exhortations and requests”².

This papal bull contained a response to the only known embassy of Uzbek in Avignon headed by the former consul of Caffa (literally, “lord of Caffa”) Petrano dell’Orto and his companion Alberto, as well as Franciscan Elia from Hungary who acted as a messenger of Uzbek’s eldest son, Tinibek. According to Benedict XII, the Golden Horde ruler’s envoys notified the Pope both about a failed assassination attempt on Uzbek by some “most worthless men” who besieged the khan in his “palace set on fire during the night” as well as about an equally unsuccessful attempt of unnamed conspirators to lay the blame for this attempt on local Christians. Next, the Pope warmly thanked khan for the fact that “inspired by Divine wisdom” he found this accusation “false and defamatory” and released Christians “in peace and freedom as the innocent in this crime” (except for three of them whose guilt was probably proved in the course of investigation)³.

However, a more weighty underlying reason for this embassy was probably the desire of the Golden Horde ruler to peacefully settle the looming conflict with Poland and Hungary caused by the intention of the Polish king Casimir III the Great to attach Galicia to his possessions [14, p. 213–214]. In particular, the Pope mentioned in his bull the khan’s concern about the increased number of clashes

¹ “Dudum ad notitiam nostram placida relatione perducto, quod tu inspiratus a Domino, qui numquam cessat a benedictionibus gratiarum, christianos in tuo degentes imperio et ad illud etiam accedentes favore benignitatis et mansuetudinis pertractabas, multos eis impendendo favores nihilominus et opportuna privilegia concedendo: Nos haec et alia bona per te eisdem christianis gratiose impensa regratiando tuae celsitudini et ad ea continuanda exhortando attentius per litteras nostras magnificentiae tuae scripsisse meminimus” [6, no. 97c, p. 64].

² “exhortationibus et precibus nostris, quibus christianos catholicos et Romanae obediens ecclesiae in tuo degentes imperio benevolentiae tuae commendavimus, favorabiliter annuens, erga christianos eosdem tuae magnitudinis liberalitatem et gratias ampliasti, eis reparandi nihilominus et aedificandi ecclesias et loca ecclesiastica necnon antistitibus et religiosis catholicis praedicandi verbum Dei et sacramenta ecclesiastica iuxta ritum et morem sanctae Romanae ecclesiae, matris omnium fidelium et magistratae, ministrandi licentia liberali concessa” [6, no. 124, p. 78].

³ “cum aliqui nequissimi homines sceleris nefandissimi patratores, proditoriis et temerariis ausibus intentata tibi morte, te in tuo palatio igne supposito nocturno tempore obsedissent et christianis praedictis falso imponere patrationem huiusmodi sceleris niterentur, tu, divino auxilio feliciter ab huiusmodi periculo liberatus et recordatus precum et exhortationumstrarum praedictarum ac impositionem praedictam esse falsam et calumniosam Dei sapientia inspiratus attendens, praefatos christianos tamquam de huiusmodi scelere innocentes (tribus tantum exceptis, qui maligno seducti spiritu se cum nequissimis patratoribus sceleris eiusdem immiscuisse dicebantur) tandem, facta de aliis eiusdem facinoris patratoribus iustitia, sub tuae serenitatis gratia in pacis et libertatis dimisisti quiete” [6, no. 124, p. 78].

between the khan's subordinates and subjects of the kings of Hungary and Poland and he assured Uzbek that he would have use his influence both to pause border conflicts and to compensate the khan's damages if the men of both the Christian monarchs should cause him "injustice or wrong"¹.

Thus, the Franciscan apostolate in the Uzbek's domain developed in parallel with diplomatic relations between the Golden Horde and the Papal curia and Catholic missionaries did not miss the opportunity to emphasize the geopolitical importance of their activities in the East. Already Ramon Llull advised Pope Celestine V in the above-mentioned "Petition" of 1294 to establish a permanent pan-European title for the "conquest of the lands of infidels and ultramarine Holy Land" and he considered missionary activity just as important for European territorial expansion as preparations for a pan-European crusade². In their letter addressed in 1323 to Avignon cardinals and the leadership of their Order, the Franciscans of Caffa pointed to all the strategic benefits that Christianity could derive from the "complete conversion" of Uzbek's empire and the subsequent use of a new ally in the fight against the Saracens:

"Therefore let anyone who is zealous for Christ think how much good may result for the whole of Christendom, if the Lord will continue this grace begun, since, after the complete conversion of that empire, the Saracen power would be of no weight, enclosed and walled in between the Tartar empire on one side and the Greek and Italian, or Latin, on the other side, and other Christian kingdoms"³.

At the same time, the Franciscans emphasized that the conversion of the Golden Horde was something to be expected in the near future thanks to the successes they had already achieved in their missionary activities in Uzbek's domain. The aforementioned Friar Iohanca claimed in his letter in 1320 that the number of Christians "in some parts" of the Jochid ulus amounted to nearly half

¹ "Et insuper, cum, sicut intelleximus, inter tuos et carissimorum in Christo filiorum nostrorum Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos in confiniis imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum et animarum amarius deploranda pericula subsequuntur, velit tua sublimitas ab invasione regnorum praedictorum desistere, quia, si reges praedicti inferrent tibi vel tuis iniurias indebitas vel offensas et id nobis duxeris intimandum, haec per reges ipsos praecabimur facere, quantum cum Deo poterimus, tibi et tuis rationabiliter emendari" [6, no. 124, p. 78].

² "Thesaurus corporalis est, quod vos sancte Pater Papa, et vos Domini Cardinales assignaretis semper decimam Ecclesiae, et quod fieret Decretum ad conquirendum terras infidelium, et Sanctam Terram ultramarinam, et hoc per vim armorum; et de hac decima daretur missio Domino Cardinali, qui tractaret studia, et residuum daretur alteri Domino Cardinali, qui faceret missiones guerris, et hoc continuo, usque dum totus mundus esset Christianorum" [12, p. 374].

³ "Mente igitur quilibet xpisti zelator aduertat, quantum bonum xpistianitati toti proueniat, si dominus hanc inceptam gratiam continuet, cum, illo inperio perfecte conuerso, nullius momenti foret potentia saracenicam, que inter illud ex vna parte et gregum ac ytalicum siue latinum ex alia et regna alia xristiana interclusa est et vallata" [16, p. 363 (English text); 17, p. 109 (Latin text)].

of the local population¹. We ought to compare this claim with the above-referenced letter of 1323 in which the Franciscans of Caffa stated that thanks to their work almost a third of Uzbek's empire "received the light" of the Christian faith².

These statements, of course, contain obvious exaggeration of missionary successes as is indicated by a statement of fact contained in the same letter that the Franciscans had given up "twenty-two stations with residences because of the paucity of Brothers"³.

The shortage of Catholic missionaries in the East was probably the first reason predetermining an ultimate overall failure of the Christian apostolate among the Golden Horde nomads. In 1320, Brother Iohanca confirmed the statement of the Crimean Franciscans⁴ and he encouraged his fellows remaining in Europe to apply their "book wisdom acquired with so many efforts and sleeplessness" in the East, so that it would not seem to "be buried at home" without any benefit⁵.

The weakness of the West's response to Iohanca's call and how few Franciscan reinforcements came from Europe can be judged by the permission of Pope John XXII given in November 1321 to the Latin Bishop of Caffa, Jerome of Catalonia, "to assume three brothers of the Order of Minorites and to take them with him to those parts"⁶. The following year, the Minister General of the Order of Friars Minor Michele da Cesena granted permission to "Friar Henry of Saxony from the Province of Vicariate of Northern Tartary" to take with him "two Italian

¹ "ita quod baptizando et confirmando, predicando et informando, confessando et confortando quasi continue vacamus, crebribus et comuniter vsque ad profundam noctem, quoniam in aliquibus partibus populus xristianus in tantum multiplicatur, quod vix modo, iudicio nostro, parum vltra medietatem de infidelibus extant" [4, p. 66].

² "ut credimus, pars tertia fere inperii prelibati non nostris meritis set dei ausiliis et nostris interpositis curie ne iactantia quadam, quod absit, set solo veritatis asserimus zelo, lucem nostre fidei benigne suscepit et indes sic recepit" [17, p. 107].

³ "Loci autem mansionum viginti et duo dimisimus propter fratrem paucitatem" [16, p. 365 (English text); 17, p. 111 (Latin text)].

⁴ "pauci enim sumus pro locis seruandis et aliqua dimisimus" [4, p. 70].

⁵ "et aduertant hec fratres verissima, et quid pro xristo attemptent illi precipue, qui quanto sunt excellencioris sciencie, qua in suis prouinciis quasi parum curantur, maioris ibi essent vtilitatis et eminencie, qui magis eximie scilicet sunt intelligencie: ideo videant quid facto opus sit, ne eorum literalis sapiencia, tot laboribus vigiliisque conquista, domi rectissime quasi sit sepulta, cum ibi, scilicet apud nos, foret velud ardens lucerna" [4, p. 70].

⁶ "Cum in Aquilonari Tartaria, in qua episcopatus tuus Caphensis constitutus existit, multa sit messis, operarii vero pauci, et propter hoc iuxta desiderii tui fervorem circa salutem proficere nequeas animarum, fraternitati tuae, quod recipiendi tres fratres ordinis Minorum, cuius professor existis, quos de quacunque provincia de consilio [ministri] generalis eiusdem ordinis vel provincialis illius provinciae, de qua fratres ipsi fuerint, duxeris eligendos, volentes ad partes illas accedere, qui sub tua degentes obedientia ministerium praedicationis et alia, quae ad cultum divinum pertineant et profectum respiciant animarum, exercere, tibi in iis, quae pastoralis incumbunt officii, fideliter et solerter assistere valeant (dum tamen ad hoc idonei, in scriptura sacra sufficienter instructi et laudabilis existant conversationis in vitae, super quibus tuam et generalis et provincialis praedictorum intendimus conscientias onerare), recipere et tecum pro praemissis ad partes illas adducere possis, plenam tibi concedimus tenore praesentium postestatem" [5, no. 448, p. 213].

brothers suitable for the parts of said Tartary and four from any Transalpine province”¹.

Undoubtedly, such minimal reinforcements could not meet the increased need for the catechization of neophytes in the East and in 1323 the Franciscans of Caffa clearly pointed to the lack of personnel “for the ministration of the sacraments and teaching of the rudiments, doctrines, and examples of the faith, and for baptising”². It was obviously this consideration which prompted the Franciscans of Caffa to address the cardinals of the Avignon curia with an appeal to promote the influx of new missionaries to the East to look after “the neophytes and their constancy in the faith”:

“We ask you in the Lord, our holy lords the Bishops of the Latin Church, and all religious men and all clerks, that in all your public and private prayers, which you pour forth with sweet tears for us and for all the people, you will think fit to draw attention to the shortness of our life (which we know because we are continuously exposed to numberless dangers, and because of which we are so eager for the arrival of others, that the work begun may not perish), and also to the neophytes here and to their constancy”³.

There is no doubt that one of the main goals of the Franciscan reports on their activities in the Golden Horde was to encourage by all possible means their fellows arriving to their aid. Therefore, their claims of large-scale missionary achievements and rosy prospects for future activity did not necessarily correspond to reality and rather were aimed at prompting the European Franciscans in making decisions to extend their reach beyond the Latin world [14, p. 261]. Thus, the statement on converting “almost the third part” of Uzbek’s empire should be treated with caution. But neither should we underestimate the achievements of Franciscans in the Golden Horde because they achieved some success in earning, in any case, explicit sympathies among Jochid elite and they were even able to convert to their faith some of its representatives.

¹ “In Christo sibi karissimo fratri Henrico de Saxonia in provincia vicarie Tartarie aquilonaris, frater Michael, ordinis fratrum minorum generalis minister et seruus, salutem et pacem in domino sempiternam. Profitibus exaltacionis fidei et diminucioni paganitatis in vicaria ordinis predicta, libenti animo, vt concedet me cooptans, tenore presentis duxi concedendum et volo, quatinus duos fratres ytalicos pro partibus Tartarie predicte ydoneos et quatuor de qualibet montana prouincia, ex deuocionis affectu voluntarios ad eundem possis assumere” [4, p. 70].

² “so that – alas that we are so few! – occupying as yet scarcely a tenth part of it, we, though gathered from many lands, are by no means enough for the ministration of the sacraments and teaching of the rudiments, doctrines, and examples of the faith, and for baptising” (“heu nostre paruitati in decima vix parte nos adhuc ibi existentes, licet multis ex terris collecti, nequaquam sufficimus pro ministrandis sacramentis atque fidei rudimentis, doctrinis et exemplis docendo ac baptizando”) [16, p. 361 (English text); 17, p. 107 (Latin text)].

³ “Vos in domino rogamus, o sancti domini nostri Ecclesie latine prelati et religiosi omnes atque cuncti clerici, ut in vestris puplicis et orationibus secretis, quas cum dulcibus lacrimis pro nobis et toto populo effunditis, breuitatem vite nostre [cogitetis] quam scimus, quia innumeris iugiter exposita periculis, et propter quam aduentum sic affectamus aliorum, ne pereat opus inceptum, ac eciam ibi neoffitos in fide et eorum constanciam dingnemini recomendare” [16, p. 366 (English text); 17, p. 112 (Latin text)].

Thus, in his bull of October 31, 1338, Pope Benedict XII called Franciscan Elia the Hungarian “the approximate of the admirable man, Tinibek, first-born of the magnificent ruler Uzbek, the emperor of Tartars” and praised him for showing to Uzbek’s heir “the way of salvation” while also urging him “to provide protection” to the local Christians¹. Friar Elia still belonged to Tinibek’s entourage two years later when he was sent to Avignon by Uzbek’s eldest son in the capacity of his personal envoy as reported by Pope Benedict XII in his letter to Tinibek of August 17, 1340 which contained an appeal to continue to rely on his “salutary advice and healthful persuasions”².

In turn, Giovanni Elemosina wrote, circa 1335, in his “Book of the Stories of the Holy Roman Church” (*Liber Historiarum S. Romane Ecclesie*) that the Catholic apostolate began to develop promptly in the Golden Horde after the conversion to Christianity “of one great king of Tartars who believed in Christ due to a great miracle operated by God” and who was baptized by Friars Minor along with many other Tartars³. For their part, the anonymous “Reports on the Martyrs and Convents of Friars Minor in the East” (*Relationes de Martyribus et de Conventibus fratrum Minorum in Oriente*), written between 1314 and 1329, called this “king of Tartars” “Coktoganus” and informed that he was baptized by Friars Minor “along with queen, his mother, named Thodothelia and his wife named Kerley as well as three sons, that is, Georgius, Curamas, Abusta”⁴.

¹ “Fide dignorum placido relatu percepimus, quod tu familiaribus spectabilis viri Tynybech, primogeniti magnifici principis Usbech imperatoris Tartarorum et magni filii Chyscam, insistens obsequiis eidem primogenito, quantum potes commode, viam salutis ostendis et ipsum ad favores christianis in partibus illis commorantibus impendendos et alia pia opera exercenda diligentibus studiis et sollicitis curis inducis” [6, no. 97e, p. 65].

² “Cum autem de his tuis virtuosis actibus in Domino exultantes tuam salutem teque illa operari et perficere, quibus in hac vita praesenti gratiam et in futura beatitudinis aeternae merearis gloriam, cupiamus, nobilitatem tuam rogamus attentius et in Domino exhortamus, quatenus circa haec et alia tuae salutis animae utilia vigilanter intendes praefati Eliae nuncii tui, qui te sincere ut intelleximus diligit, salutaribus monitis et persuasionibus salubribus acquiescas, devotionis huiusmodi spiritum, quem dedit tibi virtutum Dominus, non extinguens, christianos vero praedictos opportunis favoribus et benevolentis habeas commendatos, ut ipse Deus, a quo bona cuncta procedunt quique nullum bonum irremuneratum relinquit, te oculo pietatis irradiando verae fidei lumine mentem tuam respiciat et ad ea, quae sibi sunt placita tuaeque salutis utilia, dirigat actus tuos” [6, no. 126, p. 79].

³ “Rex magnus de Tartaris propter magnum miraculum quem Deus ibi operatus est, Christo credidit et baptizatus fuit, et plures alii. Cuius favore fratres muniti, X loca in illa Tartaria construxerunt, V stabilia munita in civitatibus Tartarorum, et V mobilia in papilonibus sive tendis infra multitudines Tartarorum” [13, p. 107].

See also similar fragment from Elemosina’s “Book of the Numerous Stories” of 1336: “Deus autem optimus qui facit mirabilia magna solus, infudit lumen suum in mentibus plurimorum tartarorum, et Rex unus magnus de tartaris Christo credidit et baptizatus fuit, qui multa bona prestitit christianis” [13, p. 120].

⁴ “Isti filii Imperatorum fuerunt per fratres Minores baptizati. Videlicet Coktoganus cum regina matre sua nomine Thodothelia, et uxore nomine Kerley, et tribus filiis videlicet Georgio, Curamas, Abusta qui adhuc vivit, cuius etiam uxores et filios baptizaverunt Minores” [13, p. 73].

Comparison of this information with Rashid al-Din's "Shu'ab-i panjganah" suggests that this "king of Tartars" was a younger brother of Toqta Khan and Uzbek's uncle named Kutukan. While the "Reports" of the anonymous Franciscan informed that "Coktoganus' sons" were named "Georgius, Curamas, Abusta/Abusca", the "Shu'ab-i panjganah" mentions the following names of Kutukan's sons: Kurmas corresponding to Curamas; Kunkiz or Kurkiz, the Turkic and Mongolian equivalent of Georgius; and Apške or Abuške obviously relevant to the Latin spelling of Abusta [15 p. 873; 10, p. 98, nota 65].

According to the same report of the anonymous Franciscan, by the time it was written, that is, during the first half of Uzbek's reign, his son called Abušca was the only one remaining alive from Kutukan's progeny. The Franciscans of Caffa specified in 1323 that two other sons of Kutukan were killed in a succession struggle with Uzbek (in 1312). But Abušca, who remained "a firm and stable Christian" (he apparently did not take part in the struggle), enjoyed the favor of Uzbek and, at the time of the letter's writing, he was considered his potential successor:

"Moreover, how the lately deceased Emperor¹ died a Christian, leaving behind him also three sons who were Christians, and how two of them renounced the faith so that one of them might be elected heir, which thing God did not allow, but they have been killed by the Emperor's successor by the action of God, and the third who remains a firm and stable Christian stands very well with this man and is expected to be Emperor after him – all this we have sent in a separate long letter to the Lord Pope and to the General of the Order, together with the sense of the Decree of protection², granted us by the late Emperor and confirmed by this one although he is still a pagan, carefully translated word for word from Mongol into Latin. The cause, moreover, and reason of the death of the two sons of the Emperor was the setting on foot by them of a conspiracy against the man now elected, and also their insecurity because they left the faith of Christ in their ambition to obtain the imperial honour, the election to which is made by the pagans"³.

For his part, Pope John XXII addressed Abušca with a letter in February 28, 1322, in which, referring to the words of the Latin Bishop of Caffa, Franciscan Jerome of Catalonia, he expressed his joy over both his rebirth "in the source of the holy baptism" and his unity "with the holy Roman, Apostolic and Catholic

¹ Apparently, Kutukan is meant here, although it is unclear why he is called the "emperor".

² Probably, the aforementioned yarlik granted by Uzbek to the Franciscans in 1314.

³ "Quomodo autem inperator nuper defunctus obiit xristianus, relinquens post se eciam tres filios xristianos et illorum duo a fide apostatarunt, vt super unum illorum electio caderet successoris, quod non permisit deus, set ipsis a successore peremptis, agente deo, tertius qui rimanet xristianus constans et stabilis, cum isto stat egregie et creditur post eum fore inperator, [ut habetur] in litera [quam] per se magna domino pape transmisimus et ordini[s] generali simul cum tenore priuilegi protectiui pro nobis a pristino inperatore concessi et ab isto confirmati, licet adhuc pagano, de verbo ad uerbum a tartarico in latinum diligenter translati. Causa autem et oratio perempcionis duorum inperatoris filiorum, erat conspiracionis inpositio eis contra presentem electionem et eciam instabilitas eorundem, quia fidem xristi reliquerunt ex ambitione honoris inperialis; que electio fit a paganis" [16, p. 365 (English text); 17, p. 111 (Latin text)].

church". He called him further to attach his direct subjects "to the living and indivisible body of the same Catholic church and to the knowledge of true faith"¹.

The patronage of the Golden Horde rulers rendered invaluable service to the Franciscans during their frequent conflicts with Muslim residents of Jochid towns, with whom Catholic missionaries' relations had not developed in the best possible way. In particular, in a letter dated April 10, 1287, Ladislaus, the Custodian of Gazaria – that is the leader of the Franciscans in the northern Black Sea region – reported how the prior August the Muslim inhabitants of Solkhat in Crimea attacked a local Franciscan church and demolished its bell, irritated by its ringing. According to Ladislaus, the Franciscans sent a complaint to the Golden Horde rulers (literally "emperors") Tula-Buga and Nogai. In response to the complaint, these rulers sent their representatives to Solkhat who entered the future capital of Crimea with a "military force", severely punished the Franciscans' assailants, and hanged three bells in their church to replace the one demolished².

Later, in his yarlik of 1314, Uzbek strictly forbade attacks on the church of the Franciscans in Caffa and allowed them to ring its bells³. Pope John XXII

¹ "Ingentem, nec mirum, materiam gaudiorum suscepimus quod summus ille lapis angularis Dominus Jesus Christus, in quo omnis aedificatio constructa crescit in templum sanctum in Domino; quodque quos salvos vult fieri, ad cognitionem sui non desinit semper abundantissimo beneficio erudire, per inenarrabilem gratiam suam toto orbe diffusam augens continue familiam Christianam, te sicut venerabilis fratris nostri Hieronymi episcopi Caphensis et socii ejus relatione jucunda perceperimus, verae fidei luce perfusum et sacri Baptismatis fonte renatum, ac imbutum doctrina Apostolicae et Evangelicae veritatis, unitati sanctae Romanae ac Apostolicae et Catholicae Ecclesiae aggregavit. Quia igitur Deo patri aeterno, et Apostolicis votis ad gaudium cedit immensum, si Redemptoris nostri familia in ipsis partibus, quas dudum caecitas errorum obduxerat, dilatetur; nobilitatem tuam rogamus et hortamur in eodem nostro piissimo Redemptore, quatenus prudenter attendens, quod inter caetera, quae de recto calle dirigere poterunt ad vitae gaudia sempiterna, hoc est praecipuum, si subditos tuos vivo et individuo ejusdem Catholicae Ecclesiae corpori, et cognitioni verae fidei aggregabis; ad hoc praestes opem, et ad hoc totis studiis elaboras, ut ejus obtentu, qui fidelibus suis iter aeternae vitae demonstrans, paradisi januas, quas primi parentis inobedientia clauserat, ineffabili misericordia reseravit, eosdem subditos per te et alios cognitione fidei Catholicae illustratos unitati ejusdem fidei studeas aggregare" [7, a. 1322, § 44, p. 186].

² "Imperatores enim Thelebuga et Nohay, et singuli singulos de baronibus suis potiores transmiserunt, et tertium ad hoc ambasiatorem specialem, ut, quoscunque isti pro destructione ecclesiae et campanae depositione condemnassent, ille tertius sine aliqua exceptione et pecuniae interventione manu propria, casu aliquo non obstante, iugularet. Veniens itaque ille tertius secundo die Sancti Dominici de augusto, crucem portans cum insigniis imperatorum et vexillis, potenter intravit civitatem Solhatensem cum comitantibus ipsum omnibus Latinis et aliis Christianis infinitis, cum processione admirabili, fratribus quoque letaniam praecinentibus, pertransiit omnes vicus et plateas civitatis memoratae; et cum esset Sarracenus, faciebat omnes Sarracenos percuti velut canes. Potiores etiam Sarracenorum videntes sibi periculum mortis imminere, dimissis omnibus, quae habebant, ad silvam vicinam civitati confugerunt, ibique bene per septem dies latuerunt. Dictus vero nuntius pro campana, quam deposuerant cum iniuria, suspendit tres campanas cum maxima gloria et Christianorum infinita laetitia" [13, p. 444].

³ "Nemo eis violenciam inferat aut oppressionem, ecclesiam frangendo vel domos aut loca destruendo eorum; set faciendo ecclesiam aut campanas xristiane legis homines regant" [4, p. 65].

apparently believed that Uzbek's permission extended to all the Golden Horde towns in addition to Caffa when he stated in his bull of March 28, 1318 that "out of respect for the divine name he [Uzbek] allowed the said Christians to have bells and freely ring them, on whose ringing they could come together to the divine service". However, according to the Pope, three years after this, Uzbek forbade the Franciscans to ring the bells, "seduced by deceitful vehemence of some enemies of Christ who (as much as they can, though uselessly) do not cease to throw the darts of their iniquities at him"¹.

Probably, this bell ringing prohibition did not affect Caffa, but it extended to Christian churches in Soldaia and was directly related to the confrontation between the local Greek population and Uzbek's governor in Crimea, Tuluk-Timur. Two synchronous entries in the "Sudak Synaxarion" show that this confrontation led to open conflict and that Soldaia was attacked by the military forces of Tuluk-Timur in August 1322 and January 1323 [3, p. 600, 621]. Pope John XXII, being informed about these attacks, was compelled to call on the Golden Horde's khan again, regretting that Christian inhabitants of Soldaia were "driven out of the town by Saracens, and bells were removed from their churches, and churches were turned into mosques". In this connection the Pontiff urged Uzbek to allow local Christians to "have returned to them, for living in the said town, the mentioned churches and bells"².

Nevertheless, the Papal petition on this issue had no effect; according to Ibn Battuta, in 1334 Soldaia was largely populated by "Turks" [21, p. 499] and this indicates that the Papal request was not heard. However, Christians continued to ring the bells in Genoese Caffa as is eloquently demonstrated by the same Ibn Battuta, while in Solkhat, probably influenced by Tuluk-Timur, the ringing of bells was not permitted, since Ibn Battuta never mentions it [21, p. 470–472].

Thus, the controversial issue of the right of Christians to ring the bells was definitely decided on in Uzbek's reign in favor of Muslims, which undoubtedly indirectly reveals the strengthening of Islam in the Golden Horde. According to the

¹ "Ceterum cum, prout accepimus, ob divini reverentiam nominis christianos praedictos campanas, ad quarum pulsationem ad divina convenire possent officia, dudum per aliquod temporis spatium habere ac libere pulsare permisisses, quamvis postmodum inimicorum Christi, qui (quantum possunt, licet supervacue) non desinunt suae iniquitatis iacula iacere contra ipsum, fraudulenta seductus instantia campanas pulsandi praedictas eis interdici fecisti a tribus annis proxime praeteritis facultatem" [5, no. 318, p. 148].

² "Demum quia in Christianorum angustiis, tribulationibus et pressuris non possumus anxie non torqueri, dolenter audivimus, Christianos in civitate Soldaye noviter degentes, esse noviter de civitate ipsa per Saracenos ejectos, et campanis de Ecclesiis ipsorum depositis, Ecclesias ipsas factas esse mesquitas. Nos autem ad Christianos ipsos, tanquam pater ad filios praecordialis habentes compassionis affectum, adhuc preces adjicimus precibus; et a celsitudine tua, quam per hujusmodi pietatis opera penes Deum et homines crescere cupimus, petimus et ob reverentiam ejus, qui bona uniuscujusque opera cum mercede compensat opima, praelibatos Christianos, ut praefertur, ejectos facias in dictam civitatem ad inhabitandum inibi regredi, et restitutis eis dictis Ecclesiis et campanis, ipsos Domino nostro Jesu Christo, quem colimus, intrepide obsequi et servire permittas; sciturus indubie, quod quanto per plura pietatis et charitatis opera ad Christianos ipsos oculos tuae propitiationis extends, tanto suaviores intentiones thurificabis Domino, et gratiora sibi offeres holocausta" [7, a. 1323, § 3, p. 203].

Franciscan Iohanca who described in 1320 the religious situation in the Jochid ulus, faqirs bearing swords and ready “to immediately kill speakers against the law of Mahomet” were widespread in the Golden Horde territory. However, Muslim ascetics tolerated Christians, allowing them, in the words of Iohanca, “to commend our law, Christ, Mary and the saints, provided that they do not defame Mahomet”¹.

Iohanca himself had the misfortune to verify the growing Muslim influence when, during a religious debate organized by the “ruler of Bascardia” (on the present territory of Bashkortostan), with habitual Franciscan fervor he tried to prove that Muslim religion was “silly and profane” as well as to present it as “diabolical and carefully mixing in good and evil in order to remove suspicions and to deceive simpletons in this way more completely”. After that Iohanca was imprisoned on the Muslims’ demand and he escaped death only through the intervention of jaručis, that is, secular Tartar judges appointed from Sarai who sympathized with Christianity².

Probably, the same patronage of secular power of the Golden Horde allowed the Spanish Franciscans Paschal of Vittoria to freely preach in Sarai in 1336 “the word of God both to Saracens and Christians – schismatics and heretics”³. However, this patronage could not save his fellow István of Nagyvárad who was executed by Muslim community of Sarai April 22, 1334⁴ after he initially converted to Islam in order to avoid the punishment of his Order. He later repented of his deed, publicly expressing to Muslims in the local cathedral mosque his intention to return to the Franciscan Order.

¹ “Saraceni autem qui propriam legem makometi habent, sectam quamdam habent religiosam reputatam, cuius fratres falsarios vocant, gladios in promptu ferentes, vt statim interminent contra legem loquentes. Sinunt tamen pacienter xristianos legem nostram et xristum et maria ac sanctos commendare, sic quod makometum non contempnant” [4, p. 66].

² “set principem tocius Bacardie cum maiori parte familie inuenimus errore Saracenorum totaliter infectum. Quibus cum predicarem, dixerunt: si vos vtique primum venissetis, suscepissemus vtique fidem istam, set turpe est principibus cum vnam legem susceperint, ab illa leuiter discedere ad aliam transseundo. Frequentantibus autem nobis fidei doctrinam, et cum totam peritis Saracenorum probauimus omnibus modis nobis possibilibus, scripturis, singnis, racionibus et exemplis, eorum legem friuolam et prophanam, que nulla racione nei euidencia miraculi fulta, sicut est lex xristianorum, cuius in partibus illis, vt cito referam, patuerunt miracula clara, ac ostendimus iam legem esse diabolicam et ab eo cautelose bonis et malis esse admixtam, vt suspicio tolleretur et sic magis simplices deciperet, ipsi in furorem uersi interficere nos querebant. Nobis autem captis et atrociter incarceratis, ferris onustis et fame cruciatis ac carceris sualore, vermium horrore et mortali fetore, mortem cum gaudio prestolantibus, ipsi Tartarorum timore attoniti, presumere non audebant [nos interficere]. Xristianos enim Tartari diligunt et illos odiunt atque persequuntur” [4, p. 67–68].

³ “ex quo scivi linguam per Dei gratiam, saepius praedicavi sine interprete verbum Dei tam Saracenis quam etiam Christianis schismaticis et haeticis” [1, p. 533].

⁴ “... processum gloriosi martyrii fratris Stephani de Hungaria de civitate Narodin oriundi, quod accepit patientissime et constanter anno Domini MCCCXXXIV, XXII. die mensis Aprilis, in civitate Saray imperii magni regis Osbeth, imperatoris Tartarorum in parte aquilonari” [1, p. 515].

The execution of Friar István was recorded by a number of the Franciscan sources¹, and the popularity of his martyrdom in the West can be explained by the possibility inherent in this story of contrasting the weakness of human nature prone to Fall with the irresistible power of Christ in making “saints of sinners” in the words of Aquitaine author of the “Chronicle of the 24 Generals of the Order of the Friars Minor” (*Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum*)².

It should be noted, however, that this was not the only case of apostasy of Catholic missionaries in the Golden Horde as is demonstrated by three simultaneous exemptions from the sentence of excommunication granted July 31, 1334 by Pope John XXII to two Dominicans named Bonacursio and Filippo [7, a. 1333, § 44, p. 528] and to the Franciscan Giacomo of Pistoia. In regard to the latter, in particular, the Pope wrote that Friar Giacomo “as though deprived of humanity by the loss of discerning and mentally blinded” “threw himself into the deadly abyss of despair and transferred to the authority of Saracens”, but later “he came to his senses” and repented, begging to be allowed to return to the unity of the Church³.

¹ As, for example, by “Catalogue of the Saint Friars Minor” (*Catalogus sanctorum fratrum minorum*, c. 1335) [11, p. 41]; by Friar Giovanni Elemosina in his “Book of Numerous Stories” (*Liber ystorie plurime*, 1336) [13, p. 137]; by Friar Paschalis of Vittoria in his letter of 1338 [1, p. 533]; by Swiss Franciscan John of Winterthur in his “Chronicle” composed before 1349 [8, p. 147–149]; by the Aquitaine anonymous author in his long description of martyrdom contained in his “Chronicle of the 24 Generals of the Order of the Friars Minor” (*Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum*, written between 1360 and 1374) [1, p. 515–524]; by Bartholomew of Pisa in his treatise “On the Conformity of the Life of the Blessed Francis to the Life of the Lord Jesus” (*De conformitate vitae beati Francisci ad vitam Domini Iesu*, written between 1385 and 1390) [2, p. 333–334]; by Mariano of Florence in his “Compendium of Chronicles of Friars Minor” (*Compendium Chronicarum Fratrum Minorum*, composed c. 1480) [9, p. 641].

² “volens describere primum audientes et legentes exhortor, ne finem propter principium contemnant, sed Dominum potius glorificent, qui solus de peccatoribus facit sanctos. Aliter propter Ecclesiae illatas persecutiones gentium Doctorem condemnent, Matthaenum Evangelistam propter telonei lucra subsannent, Magdalenam propter prima facinora iudicent, principem Apostolorum propter trinam negationem irrideant et abiiciant propter varia scelera David, eximium Prophetarum; magis tamen altitudinem divinae sapientiae et scientiae et eius incomprehensibilia iudicia admirentur, qui cui vult miseretur et quem vult indurat” [1, p. 515].

³ “Pro parte siquidem Iacobi de Pistorio, fratris tui ordinis eundem ordinem professi, nobis extitit intimatum, quod ipse Iacobus, qui tunc temporis cum aliis fratribus praefati ordinis in imperio Usbechi Tartarorum imperatoris, ut suam et aliorum infidelium illarum partium animas domino nostro Ihesu Christo lucrifaceret, morabatur et nunc etiam inibi commoratur, pro certis culpis tunc ab eo instinctu maligno commissis ob fragilitatem suae carnis eius spiritum superantis, ut evaderet ipsius ordinis disciplinam, in mortiferae desperationis abyssum corruiet et se in Saracenorum easdem partes colentium transtulit potestatem et tanquam exominatus ex privatione nobilis intellectus et mentaliter occaecatus ritum ipsorum Saracenorum abominabilem et obscoenum assumpsit cultumque professus expresse fuit execratissimi Machometi et se more eorundem Saracenorum circumcidi fecit seu permisit, supradicta fide verissima publice abnegata; praefatus quoque Iacobus, qui antea satagebat infideles praedictos rationibus veracissimis superare et ad fidem convertere praelibatam, iacens in volutabro peccatorum, Christi fideles in dictis partibus existentes et

Thus, Catholic missionaries did not feel safe in Golden Horde towns and, in particular, the Franciscans of Caffa believed that “it would have been impossible to explain briefly” in their letter of 1323 “how many others also were given at last to death in their own stations, after the stations had been burnt down and after other tortures, imprisonments, and bonds”¹. However, according to the same message, the Franciscans met with completely opposite treatment in the steppe and found among nomads “an appearance of greater devotion” than even among Christians, because, as the Franciscans of Caffa explained, nomads gladly gave to missionaries “food and suitable clothing such as they possessed, of hemp and linen and mixed with certain waste silk and woven with goats’ hair”².

Franciscan reports from the Golden Horde leave the impression that Western missionaries felt more safety in the steppe than in the local towns. In addition, they considered preaching the Gospel among the nomads the most promising direction of missionary activity. Thus, the Franciscan Iohanca reported in 1320 to the general Minister of his Order that “following Tartar camps brought the greatest harvest of souls for those who wished to work in the name of Christ”³. Describing, three years later, the achievements of their daily preaching of the Gospel among nomads, the Franciscans of Caffa mentioned the success of one unnamed German Franciscan who, in their words, “snatched ninety-three idols⁴ of the pagans from their hands, and baptized all the families and taught them as fully as was possible in the faith”⁵.

According to Giovanni Elemosina, the Franciscans established “five mobile headquarters in tents covered with felt” among nomads and they preached Christianity to them all year round, baptized those who were not baptized and

ad eas etiam attendentes suis falsis et sophisticis argumentis confundere ac prosequi coram ipsis infidelibus dampnabiliter est molitus, ex quo fideles ipsi multas et diversas contumelias pertulerunt. Nuper autem praedictus Iacobus ad cor suum rediens et poenitens etiam de commissis a nobis fecit humiliter postulari, desiderans reincorporari sanctae ecclesiae unitati, de qua sicut membrum putridum est praecisus, ut sibi misericordis indulgentiae aperire ianuam dignemur” [5, no. 1069, p. 573–574].

¹ “Quot etiam alii in suis locis, et locis combustis, et aliis cruciatibus, carceribus et vinculis et tandem sunt morti commodati, per alios breue non foret explicare” [16, p. 362 (English text); 17, p. 108 (Latin text)].

² “you may know that we often find an appearance of greater devotion among the pagans themselves than we do in many Christians; and they gladly give us food and suitable clothing such as they possess, of hemp and linen and mixed with certain waste silk and woven with goats’ hair” (“sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident de canabe et lino et quibusdam a serico relictis mixta ac pilis caparum texta”) [16, p. 362 (English text); 17, p. 108 (Latin text)].

³ “Nouerit pia paternitas vestra quod pro nomine xristi laborare volentibus, castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus animarum” [4, p. 66].

⁴ That is, *ongons*.

⁵ “set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas. Nec mirum, cum exitu vno frater quidam almannus 93 paganorum ydola de eorum manibus surripuit et omnes familias baptizauit et in fide quo potuit plenius instruxit” [16, p. 361 (English text); 17, p. 107 (Latin text)].

performed the sacraments to those who had already been baptized, “transporting headquarters, books and utensils on the carts”¹.

In the words of the Franciscans of Caffa, the language barrier was a major obstacle in the deployment of an apostolate among nomads. Despite the availability of local interpreters and their willingness to provide assistance to the Minorites, ignorance of the Kipchak language by a number of missionaries (especially of Mediterranean origin) prevented the adequate teaching of Christian doctrine, although the Crimean Minorites also pointed out that “certain Hungarian Brothers, and also some Germans and English got a sufficiently good and competent knowledge of the language in a little time”:

“And so they are always at war here one with another, with armies and camps, in which our men make great profit by following them diligently, preaching many times every day; even those who do not yet know the language preaching through the ever ready interpreters of Latin – and small progress do they make thus in being instructed in the native or popular speech. We have, nevertheless, certain Hungarian Brothers, and also some Germans and English, who have got a sufficiently good and competent knowledge of the language in a little time; but the French or Italians scarcely ever learn the language well, prevented we know not how”².

Obviously, therefore, the Franciscan Iohanca called on the general Minister of his Order to send to the Golden Horde “especially English, Hungarian and Teutonic brothers” who learned the language of local nomads with greater ease³.

As is clear from these reports, Western missionaries came to the Golden Horde without prior language training and they began to study the Kipchak language on arrival. In particular, Paschal of Vittoria, while describing in detail in 1338 his journey from Spain to the Golden Horde, pointed out that before starting to preach the Catholic faith to local Muslims and Christians he spent considerable time in Sarai learning the “Camanic language and Uighur script”, because, according to him, the Kipchak language and Uighur script were widely used “in the empires of Tartars, Persians, Chaldeans, Medes and Cathay”⁴.

¹ “Inter istos Tartaros pastores gregum, fratres Minores Sancti Francisci habent quinque loca mobilia in papilonibus filtro coopertis, et cum Tartaris moventur de loco ad locum, in curribus portantes loca et libros et utensilia, qui Tartaris predicant et baptizant et administrant credentibus sacramenta” [13, p. 125].

² “Quare et ibi bella sunt continua mutue exercitus et castra, in quibus nostri summe prosunt, illos sequendo sedule, cotidie pluries predicando, eciam per semper promptos interpretes ex latino qui adhuc illam linguam non norunt, et parum refert sic in profectu vel in propria seu populari ydiomate doctrinare. Sunt tamen apud nos fratres quidam Hungari, aliqui etiam Teutonici et Anglici, qui infra modicum tempus bene satis et competenter iam linguam didicerunt. Set Gallici et Ytalici vix vnquam linguam illam bene discunt, quo nescimus prepediti” [16, p. 363 (English text); 17, p. 109 (Latin text)].

³ “conuenit vestri paternitati et prudencie prouidere, quo cicius valueritis, pro provinciis Tartarorum et exercitibus variis, de diuresis rengnis et multis, fratres ydoneos prouidere ad hoc inspiratos et ibidem destinare, de Anglicis, Hungaris et Teutonicis precipue, qui leuius linguam scient” [4, p. 67].

⁴ “Ego vero volebam secum ire, sed consilio habito, prius linguam terrae illius volui addiscere et per Dei gratiam didici linguam Camanicam et litteram Vinguricam, qua quidem lingua et littera utuntur communiter per omnia ista regna seu imperia Tartarorum,

Judging by the description of the martyrdom of Friar István of Nagyvárad in April 1334, the Franciscans of Sarai quite freely communicated with the local “Saracens” in their language¹. However, not all the missionaries could learn the local language and the Franciscans of Caffa suggested in 1323 a more efficient way of overcoming obstacles in communicating with the local nomads by the purchase of local boys “who were for sale” in order to “make the boys clerks”. This measure, undoubtedly, was to partially solve the extremely important problem of personnel shortages. Indeed, the Crimean Minorites indicated in the same letter that many of these trained boys “became Brothers and very good converters” because they knew local language better than missionaries from the West².

It is possible that some success which Catholic missionaries achieved among a part of the Golden Horde nomads was due to the fact that they professed Christian religion before the arrival of missionaries from the West. At all events, Friar Iohanca explained the favor “of Tartar judges of Baschards” (in the territory of modern Bashkortostan) by the fact that they were “filled with Nestorian heresy” and gladly accepted the faith of Franciscan missionaries because they obviously were deprived of a competent clergy³.

It is possible that the warm reception with which nomads welcomed the Franciscans was directly linked with the fact that Catholic missionaries filled the lack of Nestorian clergy for the consecration of the essential rituals of local Christian communities. Thus, Giovanni Elemosina indicated in his “Book of Numerous Stories” that from the beginning of their appearance in the Jochid ulus, Friars Minor began to consecrate marriages of local nomads, contributing to a marked increase in “devotion among Tartars”⁴. Also, according to his earlier

Persarum, Chaldaeorum, Medorum et Cathay... Idcirco patres mei, ex quo scivi linguam per Dei gratiam, saepius praedicavi sine interprete verbum Dei tam Saracenis quam etiam Christianis schismaticis et haeticis” [1, p. 532–533].

¹ “Tunc frater Gulielmus de Aquitania dixit: ‘Forte non vos bene intelligit, sed si quis sibi in lingua propria loqueretur, melius responderet’. Et tunc idem frater Gulielmus conversus ad fratrem Stephanum dixit sibi: ‘Quare non respondes eis?’. Ille vero vocem intelligens respexit eum iuxta portam existentem et Guardianum magis sibi propinquum. Et tunc frater Stephanus respondit Saracenis: ‘Quid me interrogatis? Ego maioribus vestris dixi, quod estis damnati cum vestro iniquo Machometo et quod lex vestra est falsa et sola lex Christianorum suis observatoribus dat salutem’” [1, p. 521].

² “And with the alms which they give we have bought children of either sex who are for sale, and we are slowly teaching them the faith and to read; and we make the boys clerks, and some of them are now Brothers, and they make very good converters as knowing the language, while we are learning it” (“Cotidie multos baptizamus atque confirmamus ac de elemosinis datis pueros emimus venales sexus vtriusque, et in fide ac literis leniter instruimus, et masculos clericos facimus, quorum aliqui sunt modo fratres et optimi conuersores, ut pote linguam scientes et nos illam addiscentes”) [16, p. 363 (English text); 17, p. 109 (Latin text)].

³ “Et ibi erant Tartari iudices Baschardorum, qui licet baptizati non essent, heresi tamen nestorianorum inbuti, cum eis fidem nostram predicarem, cum gaudio susceperunt” [4, p. 67].

⁴ “Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare” [13, p. 125].

“Book of the Stories of the Holy Roman Church”, the Franciscans had to consecrate a lot of weddings “multiple times a day”, but especially weddings of those “who had already become Christians”¹.

Be it as it may, the result of close contact between European missionaries and Golden Horde nomads is valuable, despite the fragmentary nature of information about the daily life of the latter preserved in the Franciscan reports. For example, a letter of the Franciscans of Caffa reported in 1323 some details about their diet and in particular the fact that local nomads did not bake bread, but kneaded and cooked it “mixed with eggs”. In addition to mentioning mead prepared by confection “of water, wheat, and various fruits”, Franciscans give relatively detailed description of koumiss preparation calling it “a wholesome, nice, and very refreshing drink, something like cheap wine”:

“But that we may satisfy some persons’ curiosity (which is not wholly vain) with regard to the end of their journey, you must know that where we are is a land of pastures and meadows, prolific of flesh and fish; only half cultivated though suitable for cultivation, so that there is not much cornland. Yet there is bread here well kneaded and prepared, mixed with eggs and likewise very wholesome. The wines here are imported from Italy, Greece, and the Land of Promise, the wines of the country being but few owing to the high latitude of the region. But the common people of the country use certain confections of water, wheat, and various fruits, like beer or mead, and especially of the mixed milk of cows, sheep, goats, does, hinds (which are here domesticated), buffaloes, and above all of donkeys and mares, which is first fermented, and then by the addition of certain grains a wholesome, nice, and very refreshing drink is made, something like cheap wine”².

Regarding the clothing worn by nomads, the same Franciscan report included that the Tatars themselves wore the famous silk “Tartar stuffs”, which were very appreciated in Europe, but had “little value” in the Golden Horde:

“You may know that we often find an appearance of greater devotion among the pagans themselves than we do in many Christians; and they gladly give us food and suitable clothing such as they possess, of hemp and linen and mixed with certain waste silk and woven with goats’ hair. But they themselves dress in silk

¹ “Quando faciunt nuptias, celebrant magna festa et convivia. Et propterea oportet fratres Minores, qui inter eos morantur, ad nuptias sepius ire et comedere cum eis, aliquando pluries in die in pluribus nuptiis, et maxime illorum qui facti sunt christiani, quorum sponsum et sponsas benedicunt fratres. Et sic Tartari assueti in hoc, semper fratres vocant ad nuptias” [13, p. 107].

² “Vt autem curiositati quorundam non penitus vane, quia scitius termini vie, placeamus; sciatis quod ubi sumus, est terra pascuosa et paludosa, carnibus et piscibus fecunda, semiculta, licet culture apta, vnde non multum blasosa; ibi tamen panis [cum] bone pynsacionis et parature cum ouis mixtus et similiter multum nutritiens. Ibi vina sunt aduenticia de Ytalia, Grecia et terra promissionis, set pauca de terra propria propter regionis severa clymata. Set terre communitas quibusdam utris confecturis ex aqua blado et fructibus variis ad modum ceruisie uel medonis, et precipue ex lactibus mixtis vaccarum, ouium, carparum, capriolarum, ceruarum ibi domesticarum, bubalorum et potissime asinarum et iumentorum; set primitus expumantur et admixtura seminum quorundam tritorum efficitur potus sanus et sapidus ac multum resumptiuus, vt quasi vinum vernacinum” [16, p. 364 (English text); 17, p. 110 (Latin text)].

stuffs and cloth of gold, such as we call Tartar stuffs, which, though they may be very expensive with you, are of little value here; together with fur coats of different valuable skins”¹.

Obviously, in the latter case, the Franciscans of Caffa allowed some distortion of reality with respect to price for expensive brocade clothes in the Golden Horde. Probably, in such a way the Crimean Minorites tried to present in a more favorable light the conditions of their stay in the Jochid ulus. However, Giovanni Elemosina refutes this assertion of Franciscans of Caffa in his “Book of the Stories of the Holy Roman Church” and makes it clear that in the Golden Horde only “nobles and those wealthy enough” could afford to dress themselves in “silk clothes embroidered with gold and warmed with furs of foxes and squirrels, and ermines, and sables”². The Umbrian Minorite adds to this a short description of nomadic dwellings, their daily activities and nutrition, along with the statement that nomadic women were “the most faithful to their husbands and very industrious”³. So, among many other interesting details, Friar Giovanni argues that death penalties imposed in the Golden Horde for murder or stealing horses were carried out by the half-dissection of criminals “along the navel”⁴.

Summarizing this description of Latin sources on the activities of Western missionaries in the Golden Horde, it should be stated here that there is definite value in their information about contacts of the Papal curia with Jochid rulers, as well as that regarding relations of the Franciscans with both Muslim residents of Golden Horde towns and nomads of the steppe regions. Obviously, the Latin sources reflecting the circumstances of these contacts and relations do not provide similarly detailed information about the internal politics of the Golden Horde;

¹ “sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident de canabe et lino et quibusdam a serico relictis mixta ac pilis caparum texta, set ipsimet pannis sericis et aurifrigiatis, quales nos vocamus pannos Tartarorum, qui licet apud vos sint presiosissimi, apud nos tamen valoris exigui, quod cum pelliceis variis ex preciosis pellibus sunt induti” [16, p. 362–363 (English text); 17, p. 108 (Latin text)].

² “Nobiles et divites tantum vestiuntur pannis sericis, et auratis, foderatis pellibus vulpium et variorum, et armelinorum et gamberlinorum” [13, p. 107].

³ “Et propterea Tartari semper morantur in campestribus ubicumque inveniunt pascua meliora. Et faciunt domos de perticis rotundis politis, et cooperiunt filtro bene condempato, et sunt portatiles. Et habent careptas cum rotis, ubi portant superlectiles et familiam debilem. Viri occupantur in venationibus et preliis, et uxores faciunt omnia facta domus. Omnem carnem comedunt preter quam humanam. Et bibunt lac yumentorum. Cavent sibi bene et sollicite, et custodiunt ne unus offendat alium, vel iniuriam faciat uxoribus et filiabus propriis. Femine eorum sunt fidelissime viris suis et bene industrie. Tot habent uxores, quot possunt regere, sed prima est domina” [13, p. 107].

⁴ “Iustitiam servant ita. Homicida nunquam potest redimi, sed occiditur. Minans alteri [mortem] ... d... ut percutiat, manum perdit. Pro vulnere illato, vulnus simile recipit a percusso. Pro levibus furtis, recipit fur vii percussiones cum baculo a curia, et sicut furtum maius, ita percussiones multiplicantur. Si autem furatur equum, vel rempre tiosam, occiditur fur. Si autem velit reddere, novo addens tantum quantum rapuerat, liberatur. Occidendus, per medium scinditur per umbilicum. Isti videntur servare quasi legem nature, sicut dicit Apostolus: Cum enim gentes que legem non habent, naturaliter ea que legis sunt faciunt” [13, p. 107].

the Oriental sources fortunately do. Nevertheless, details of these Latin sources, written within the Golden Horde, or on the basis of synchronous Franciscan reports, reflect the conditions of everyday life in the Jochid ulus and the religious policy of its rulers – topics to which “external” Persian and Mamluk chroniclers did not pay particular attention.

References

1. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Tomus III: *Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae*. Firenze, Quaracchi, Collegii S. Bonaventurae, 1897. xxvii + 748 p. (In Latin)

2. *Analecta Franciscana sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Tomus IV: *De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Iesu auctore Fr Bartholomaeo de Pisa. Liber I, Fructus I–XII*. Firenze, Quaracchi, Collegii S. Bonaventurae, 1906. cxxviii + 558 p. (In Latin)

3. Antonin, arkhimandrit (Kapustin). Zametki XII–XV veka, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare [Notes of the 12th–15th centuries related to the Crimean city of Sugdeya (Sudak), added to the Greek Synaxarion]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, v gorodskoy tipografii, 1863, vol. 5, pp. 595–624. (In Russian)

4. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1924, vol. 17, pp. 55–71. (In Latin)

5. *Bullarium Franciscanum sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Tomus V: *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta*. Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p. (In Latin)

6. *Bullarium Franciscanum sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Tomus VI: *Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta*. Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p. (In Latin)

7. *Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici*. Tomus XXIV: *1313–1333*. Rinaldi O., Laderchi G. (eds). Barri-Ducis, Parisiis, Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880. vi + 540 p. (In Latin)

8. *Chronica Iohannis Vitodurani = Die Chronik Johannis von Winterthur*. Baethgen F., Brun C. (eds). Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p. (In Latin)

9. Compendium Chronicarum Fratrum Minorum scriptum a patre Mariano de Florentia. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1909, vol. 2/4, pp. 626–641. (In Latin)
10. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 p.
11. *Fragmenta Minora. Catalogus Sanctorum Fratrum Minorum*, quem scriptum circa 1335 edidit notisque illustravit fr. Leonardus Lemmens O.F.M. Romae, typis Sallustianis, 1903. xvi + 54 p. (In Latin)
12. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. I: *Il secolo decimoterzo (1215–1300)*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906. vii + 479 p. (In Italian, Latin)
13. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. II: *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. iv + 641 p. (In Italian, Latin)
14. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p..
15. Khamidova Ch.I., Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (2) [Rashid al-din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and the Turks (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, vol. 4/4, pp. 868–880. (In Russian)
16. Moule A.C. Fourteenth Century Missionary Letters. *The East & the West: A Quarterly Review for the Study of Missionary Problems*. Westminster, Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1921, vol. 19, pp. 357–366.
17. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1923, vol. 16/1–2, pp. 104–112. (In Latin)
18. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*. Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p. (In French)
19. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p. (In French)
20. Richard J. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries. *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions*. Ryan J.D. (ed.). Farnham, Ashgate Publishing, 2013, pp. 343–356.
21. *The Travels of Ibn Battūta, A.D. 1325–1354*. Vol. II. Gibb H.A.R. (tr.). Cambridge, Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1962. xii + 271–537 p.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str.,

Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>**, **ResearcherID: H-9114-2016** (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

ЛАТИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦИСКАНЦЕВ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ПРАВЛЕНИЕ ХАНА УЗБЕКА (1313–1341)¹

Р. Хаутала

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Университет Оулу

Оулу, Финляндия

romanhautala@gmail.com

Автор настоящей статьи рассматривает подробности взаимодействия разнородного населения Золотой Орды с католическими миссионерами, развернувшими свою наиболее интенсивную деятельность по обращению местных кочевников в христианство в период правления хана Узбека (1313–1341). Подробности этого контакта выявляются при анализе малоизвестных миссионерских отчетов из Золотой Орды, как и папских посланий ее правителям и повествований францисканских хронистов в Европе, получавших от своих собратьев с Востока сведения о развертывании миссионерской деятельности в улусе Джучи. Эти, по большей части, синхронные источники указывают на сохранение традиционной для Чингизидов политики конфессиональной терпимости даже в период очевидного усиления ислама в Золотой Орде. Толерантность хана Узбека вызвала похвалу со стороны Авиньонской курии и способствовала завязыванию активных дипломатических отношений с папами Иоанном XXII и его преемником Бенедиктом XII. Более важным следствием благосклонности золотоордынского хана к христианам была интенсификация миссионерской деятельности в его владениях, приведшая к тесным контактам францисканцев с местным населением, которые отразились

¹ Впервые опубликовано в Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions / Victor Spinei (ed.) // Florilegium Magistrorum Historiae Archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, XXI. București: Editura Academiei Române; Brăilei: Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2017. No. 11. P. 244–266. Я выражаю мою особую благодарность Стивену Поу, кто не пожалел своего ценного времени для тщательной проверки макета данной статьи. Разумеется, только автор настоящей статьи несет полную ответственность за любые потенциальные ошибки, которые могут быть выявлены после ее публикации.

в латинских источниках, рассматриваемых в настоящем исследовании. Данные источники, известные до сих пор только узкому кругу специалистов по истории католического миссионерства в Средневековье, содержат ценные сведения об обстоятельствах этого контакта и заслуживают подробного анализа со стороны исследователей истории Золотой Орды, поскольку в отличие от «внешних» персидских и арабских летописей (несомненно, содержащих важнейшие сведения о внутренней политике хана Узбека), миссионерские источники отображают взгляд «изнутри» улуса Джучи и содержат информацию о повседневной жизни его жителей.

Ключевые слова: взаимоотношения между Монгольской империей и Средневековой Европой, история Золотой Орды, католическое миссионерство на средневековом Востоке, францисканский апостолат среди кочевников, средневековые миссионерские источники, папские буллы

Для цитирования: Roman Hautala. Latin Sources on the Missionary Activity of the Franciscans in the Golden Horde in the Reign of Khan Uzbek (1313–1341). *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 13–35.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия), e-mail: romanhautala@gmail.com

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

ФЕНОМЕН ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Б.Л. Хамидуллин

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

bulat.antat@mail.ru

Резюме. В результате целого комплекса политических, социальных, экономических и природно-климатических причин во второй трети XV в. Улус Джучи перестал существовать как единое государство. Распад Золотой Орды привёл к появлению целого «созвездия» государств, продолжавших золотоордынские традиции и представлявшие из себя вполне целостную средневековую конфедерацию. На основе золотоордынских улусов возникли новые государства-«юрты» – Улуг Улус (Большая Орда, 1441–1502), Крымское (1441–1783), Казанское (1445–1556), Касимовское (1445–1681), Тюменское/Сибирское (1446–1598), Астраханское (1459–1556), Узбекское (1469–1510) и Казахское (1469–1718) ханства Джучидов, Ногайская Орда (Мангытский юрт, 1480–1613) Идегеидов, а также иные более мелкие государственные образования потомков золотоордынских татар на территории от Южной и Центральной Европы до Центральной Азии и Сибири, в разной степени унаследовавшие традиции золотоордынской политической системы, экономики и культуры. И сегодня уже мало кто спорит с тем, что Золотая Орда и напрямую, и опосредованно оказала огромное влияние на становление российской государственности. Более того превращение Московского княжества в Московское царство, а затем в Российскую империю произошло после распада Золотой Орды именно в ходе борьбы за её политическое и территориальное наследство. Всё это рождает огромный интерес к феномену Золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: Золотая Орда, цивилизация, феномен, татары, казахи, ногайцы, узбеки, наследие, Россия.

Для цитирования: Хамидуллин Б.Л. Феномен Золотоордынской цивилизации. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 36–61.

В 2019 г. Россия и Казахстан планируют отметить 750-летие основания Золотой Орды (Улуса Джучи) как суверенного государства. Ведь как мы знаем, окончательное отделение Улуса Джучи от Монгольской империи произошло в 1269 г. при хане Менгу-Тимуре, внуке Бату, – юридическое оформление независимости Золотой Орды получила на проведённом в Средней Азии на берегу реки Талас курултае представителей Чингизидов и татаро-монгольских нойонов. Указанная юбилейная дата сподвигла меня написать обзорную статью о феномене Золотоордынской цивилизации, являющейся историческим достоянием/наследием многих тюркских народов, и оказавшей огромное влияние на становление и развитие многих государств Центральной Евразии.

...Степи Евразии, бескрайние, раскинувшиеся на многие тысячи километров... В течение десятков веков выплескивали они в западном и южном направлениях многолюдные волны бесчисленных номадов – «сотрясателей Вселенной»: скифов, сарматов, гуннов, «небесных тюрков», хазар, болгар, гузов, печенегов, кыргызов, кимаков, кыпчаков и других племён, периодически создававших гигантские либо «просто» очень большие по своим территориальным масштабам государственные объединения¹...

В XIII в. степные просторы Евразии вновь стали ареной, на которой разыгрались грандиозные исторические события, по своему размаху и последствиям сравнимые разве что с Великим переселением народов. В центрально-азиатских степях состоялось объединение многочисленных тюрко-монгольских племён в единое государство под властью волевого и харизматичного монгольского вождя Тэмуджина/Темучжина (1155/1162–1227), получившего впоследствии титул-имя «Чингиз-хан» и давшего своей царствующей династии и всем своим сторонникам и подданным имя «монгол», а государству – название «*Yeke mongol ulus*» («Да мэн-гу го» по-китайски, или «Великое монгольское государство» по-русски) в память о «*Qamıq mongqol ulus*» («Хамаг монгол улус») своего прадеда Хабул-кагана. Доведя путём комплекса реформ до наивысшего совершенства эффективность методов объединения кочевников, Чингиз-хан и его наследники Чингизиды в первой половине XIII в. приступили к осуществлению многолетней программы завоевательных походов и войн. Я не стану подробно описывать ход этих завоеваний, которым в историографии посвящён огромный пласт литературы. Отмечу только, что такого размаха и таких темпов мировая военная история, по существу, ещё не знала никогда. Монголо-татарское нашествие было подобно лавине, усиливающейся за счёт покорённых народов. Оно настолько поражало современников своим напором и неотвратимостью, что те сравнивали его разве что с природными катаклизмами, и как христиане, так и мусульмане, относились к нему не иначе, как к Божьей каре за людские прегрешения, «ветру Божественного гнева», развеивающему подобно соломе целые народы. В результате возникла гигантская Монгольская суперимперия (1206–1269), по своим размерам (около 40 млн км²) не имевшая прецедентов в истории человечества. Во второй половине XIII в. она охватывала невообразимо обширные территории: собственно Монголию вплоть до Байкала на севере, Северный и Центральный Китай до реки Янцзы, Корейский полуостров, Центральную, Среднюю и Переднюю Азию до реки Инд, Закавказье, Ближний Восток до Палестины, а также Восточную Европу до реки Дунай с общим населением не менее 160 млн человек.

Ещё в процессе формирования своего огромного государства Чингиз-хан поделил страну на улусы, главный из которых оставил себе, а два периферийных отдал в вассальное управление сыновьям Джучи и Чагатаю. Уже после его смерти возник ещё один улус – внука Хулагу. К моменту завершения формирования Монгольской империи улус кагана (хана ханов; великого

¹ Письменные источники об этих и других тюркских племенах и государствах представлены мной в нескольких сборниках: [10; 13; 39].

хана) включал Монголию и Китай, Улус Чагатая – территорию нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан), Улус Хулагу – Иран, Афганистан, Южное Закавказье и Месопотамию. Улус Джучи, основанный в период 1219–1224 гг. из первоначального удела Джучи (возникшего из покоренных земель енисейских кыргызов и «лесных народов» юга Сибири в 1207–1208 гг.), составлял западную часть государства, с учётом зависимых территорий охватывая с востока на запад земли от Алтая до Дуная, и с юга на север – от Арала до Урала (Прииртышье, Саяно-Алтайское нагорье, Западную Сибирь, Приаралье и Приуралье, Нижнее и Среднее Поволжье, Северный Кавказ, Подонье, Северное Причерноморье, Приднестровье, а также северо-восточную часть Восточно-Европейской равнины).

Консолидация в рамках единой Монгольской империи была необходима в первую очередь для продолжения широкомасштабных завоеваний. Но после их завершения и наступления мирной жизни единое управление и контроль над столь огромными и разнородными порабощёнными территориями оказались весьма проблематичны. По ходу развития мирных хозяйственно-общественных процессов, культурного сближения завоевателей с завоёванными, возрождения и усиления местных домонгольские традиции, к которым приходилось приспосабливаться пришлым правителям, возникали локальные специфические формы политической, хозяйственной и культурной жизни. Нити управления всё больше сходились на уровне отдельных улусов, власть же и опека кагана из имперской столицы Кара Хорума (Кара Корыма, Каракорума) становилась фактически бесполезной обузой, всё больше связывала по рукам, тяготила улусных правителей и региональную знать. Ослабление центральной власти и междоусобная распря за карахорумский престол привели к тому, что в 1269 г. главы улусов Джучи, Чагатая и Хулагу отказались признавать самопровозглашённого Великого хана Хубилая, разграничили свои владения, подведя черту под существованием единой Монгольской империи и узаконив её окончательный распад [41; 42].

В Юаньском Китае (Хубилай основал новую династию Юань, перенёс свою столицу из Кара Хорума в Ханбалык – совр. Пекин) и Хулагуидском Иране довольно быстро, в Средней Азии (Улус Чагатая) немногим позже (в общей сложности через 90–120 лет) чингизидские династии были свергнуты, политические и общественные институты монгольского происхождения практически полностью искоренены, бывшие мощь и влияние утрачены. У Джучидов же всё это сохранилось; к тому же по размаху территории, достигавшей в разные периоды истории 6–8 млн км², их улус был крупнейшим. Поэтому именно Улус Джучи, на мой взгляд, следует считать основным наследником Монгольской империи, сохранившим её могущество, и последним в череде великих степных империй, начиная от скифской. Она осталась в общественной памяти под рядом принятых в различных национальных и исторических традициях названий: Улус Джучи, Улуг (Великий) Улус, Улуг Орду, Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь), Великая Тартария, и, наконец, Золотая Орда. Последнее наименование является, пожалуй, наиболее распространённым в отечественной и зарубежной науке и публицистике

и, на мой взгляд, наилучшим образом отражает величие и могущество этого государства.

Безусловно, что как и Монгольская империя, Золотая Орда была создана на основе военной силы. Стремительные завоевания и покорение монголо-татарами множества стран и народов сопровождалось уничтожением и пленением огромного числа людей – воинов и мирных жителей, страданиями оставшихся в живых. Были разрушены многие города, сожжены деревни. Но, как гласит древнее изречение китайского оратора Лу Цзя (III–II вв. до н.э.), приписываемое, в том числе, и советнику Чингиз-хана Елюй Чуцаю (1189–1243), «Сидя на коне можно завоевать империю, но нельзя ею управлять, сидя на коне». Империи, построенные исключительно на насилии, не могли существовать долго, быстро распались. Вряд ли и Золотая Орда смогла бы держаться лишь на силе оружия и жестоком подавлении всякого сопротивления и недовольства, на слабости покорённых после завоевательного удара, на их страхе перед повторными карательными экспедициями и возможным истреблением (хотя унаследованная от монголо-татар военная сила Улуса Джучи была действительно велика и внушала, по истине, мистический страх, а акции против непокорных проводились молниеносно и неотвратно). Процесс возникновения и существования мегаимперий, как правило, гораздо более сложен, чем просто завоевание и порабощение. Они строятся на сочетании как принуждения, так и благ, которое даёт объединение, то есть на определённом взаимовыгодном консенсусе. Имперское государство становится устойчивым, когда делается полезным обществу, является гарантом порядка, производства, инфраструктуры. Так и создание Золотой Орды привело к появлению, в частности, намного более устойчивой и стабильной политической ситуации в Центральной Евразии и Восточной Европе. Народы и государства, завоёванные и вошедшие сначала в Монгольскую империю, а затем и в Улус Джучи, в основной своей массе в предшествующий период находились в условиях постоянных междоусобиц и распрей, внутренних и внешних конфликтов. Здесь шли частые и кровопролитные междоусобные войны, во время которых также разрушались города, приходили в запустение поселения. Включение же в состав империи Джучидов дало относительно твёрдый государственный порядок, резко отличающийся от предыдущих неустойчивости и раздробленности. В окружении ослабленных войнами, междоусобицами и внутренними противоречиями соседей Золотая Орда стала выглядеть великолепным «островом стабильности».

Монголо-татары принесли идею централизованной власти, благодаря которой объединили прежде слабоорганизованные степные племена Дешт-и Кыпчака. Уже триумфатор западного похода Бату (сын Джучи, «Батый» русских летописей), пересев из седла на трон (а первой его столицей-резиденцией стал город Болгар на территории Татарстана), сменил амплуа полководца на амплуа строителя государства. Он и последующие правители Улуса Джучи создали стройную, сложно-разветвлённую, но, не смотря на это, довольно устойчивую систему управления страной. В бывшем кыпчакском «Диком поле» на смену постоянным межплеменным распрям и вражде

пришла стройная и твёрдая государственная система улусов с чётким десятичным делением населения. Более того, здесь произошла подлинная социальная революция, когда на смену родоплеменным отношениям пришёл военно-феодальный строй на основе условных (суйургал) и безусловных (тархан) пожалований. Был выстроен эффективный государственный механизм. Неразбериха, внесённая военными действиями, уничтожением либо отстранением от власти прежней кыпчакской элиты, со второй половины XIII в. почти на сотню лет уступила место относительно мирной, стабильной жизни в могущественном государстве. Об уровне безопасности свидетельствует, например, тот факт, что города во внутренних районах Золотой Орды до второй половины XIV в. не имели крепостных стен и иных укреплений.

Старые тюркские племенные союзы были раздроблены и включены в военно-административную и клановую структуру Улуса Джучи; их племенная знать частью была истреблена, частью влилась в состав новой аристократии. Джучидское правительство установило своеобразное «крепостное право» в интересах удобства сбора налогов и осуществления военной мобилизации, запретив самовольные переходы жителей между улусами. Многие близкородственные тюркские племена, ранее раскиданные по разным этнополитическим формированиям, впервые были собраны в общем территориально-политическом пространстве. Исчезновение государственных границ и межплеменных перегородок, преодоление распрей и политическое единство дало толчок их сближению и запустило важные этнические процессы, создав предпосылки слияния разрозненных тюркских племён в единые народности [33]. В результате всего этого, Золотая Орда стала «этнической колыбелью» для многих современных тюркских народов Евразии, чей этногенез, как правильно отметил В.В. Трепавлов, происходил на основе населения различных провинций этого государства [8, с. 923].

Так, именно в Джучиевом улусе во многом берёт своё начало и происхождение современных субэтнических сообществ, определяемых этнонимом «татары» (волго-уральские, крымские, сибирские, астраханские и др.). Само это слово, ныне являющееся обозначением двух наций (крымско-татарской и татарской) и двух этнических групп (буджакских и литовских татар), стало широко известно именно в период Золотой Орды. Будучи именем одного из племён (а чуть позднее – союза племён) востока Центральной Азии, оно уже задолго до татаро-монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением совокупности центрально-азиатских народов – в том числе и собственно монголов. Поэтому в большинстве средневековых источников полиэтнические монгольские войска назывались не «монголы», а «монголо-татары» либо просто «татары». Тюркские же народы Золотой Орды, по известной в истории традиции приняв на себя имя народа-завоевателя и одновременно употребляя собственные племенные наименования, стали называть себя «татарами» [16].

Таким образом, в эпоху Золотой Орды понятие «татары», употреблявшееся и как этноним, и как политоним, и как соционим, впервые получило этноинтегрирующий смысл. В западной её части (часто именуемой «Ак

Ордой»), являвшейся основным ядром государства, началось объединение тюрков в единую татарскую этническую общность. Из-за распада Джучиева улуса формирование единой татарской народности приостановилось. Позднее в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Сибирском ханствах, на территории современных Румынии, Польши, Литвы и Белоруссии на её основе стали складываться локальные этнические татарские общности (астраханские, казанские, касимовские, крымские, сибирские татары, татары-мишаре, добруджские и польско-литовские татары и т.д.), прекрасно осознающие своё этническое единство. Процессы этнической истории татар разных регионов продолжились в рамках Российского и иных государств.

В тоже время, ставить знак абсолютного равенства между понятиями «золотоордынский» и «татарский», на мой взгляд, всё-таки не совсем корректно. Этнополитическими наследниками Золотой Орды, кроме собственно современных татарской и крымско-татарской наций, следует считать большинство тюркских народов России и постсоветского пространства, ибо из неё произрастают корни их этногенеза и национальной государственности. Прямыми потомками татар Золотой Орды являются балкарцы, башкиры, казахи, каракалпаки, карачаевцы, кумыки, ногайцы, часть узбеков и др. Как правильно писал в 2011 г. Ж.М. Сабитов, «золотоордынские татары были предковым этносом для всех групп современных татар (казанских, сибирских, астраханских, крымских, польско-литовских татар), ногайцев, башкир, казахов, каракалпаков, узбеков, ушедших с Шейбани в Среднюю Азию и др.» [27, с. 173].

В пользу такого подхода говорит отчасти и то, что в последнее время в республиках Центральной Азии изучению Золотой Орды, как важному периоду в истории народов, в становлении и развитии государственности на этих территориях, стало уделяться значительное внимание. Например, исходя из того факта, что географически около трети Золотой Орды приходилось на территорию нынешней Республики Казахстан, ряд современных казахских историков предложил новый взгляд на происхождение казахского народа и его государственности. В соответствии с ним Казахстан является непосредственным и едва ли не основным историческим преемником Золотой Орды, а её история – частью национальной истории казахов, а не только «внешней» для них истории, как она рассматривалась ранее [28]. Эта точка зрения поддерживается и на политическом уровне – президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. Но я лишь подчеркну своё собственное мнение: Золотая Орда – это общее историческое достояние/наследие многих тюркских (и не только) народов, в первую очередь татар.

Наряду с положительными политическими и этническими последствиями соединение огромных территорий в составе Джучидской империи, исчезновение между ними границ и таможенных преград создало предпосылки для складывания также и единого экономического пространства, дававшего доступ к огромным материальным ресурсам в гораздо большем масштабе, чем ранее, и создававшего возможность их аккумуляции. В конкретном случае Золотой Орды особенно значимо стало то, что в рамках

одной социально-политической системы оказались объединены многочисленные группы людей, проживавшие в различных природных зонах с разнообразнейшим растительным и животным миром (пустыни и полупустыни на юге, степи и лесостепи, широколиственные леса, сибирская тайга на севере, а также горы и субтропики в Крыму и на Кавказе) и принадлежавшие к различным хозяйственно-культурным типам. Основную часть территории Золотой Орды, её ядро, составляли степи, население которых продолжало вести кочевую и полукочевую скотоводческую жизнь (в основном разводя овец и лошадей), перемещаясь с юга на север летом и в обратную сторону зимой. Количество скота в Орде поражало впечатление путешественников: так итальянец Иосафат Барбаро в течение шести дней наблюдал не прекращающееся перемещение стад, занимавших в степи всё обозримое пространство до горизонта. Одновременно, в периферийных районах и зависимых территориях (Волжско-Камская Булгария, Хорезм, Крым, Северный Кавказ, русские княжества) основой хозяйства являлось осёдлое земледелие (в т.ч. на основе трёхполья и перелого), садоводство (в т.ч. бахчевое), огородничество и стойлово-пастушеское скотоводство. Большую роль среди хозяйственных занятий населения играли бортничество, рыболовство и охота. Всё это сделало экономику Золотой Орды многоукладной, и, в конце концов, привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов между территориями, особенно в Поволжье, являвшимся центральным регионом. Огромное значение для поддержания и укрепления единства экономического пространства имело то, что на подвластных Джучиевому улусу землях была создана на более глобальном уровне общая система монетно-денежного обращения. Это было тем более важно, что многие территории, включённые в Орду, ранее не имели собственной развитой чеканки монет. Постепенно монетная система страны, состоявшая из ряда региональных монетных дворов, подвергалась всё большей унификации. В ходе нескольких денежных реформ она была упорядочена и приведена к единой стройной структуре, включавшей золотые динары, серебряные дирхемы, медные пулы, которые стремились чеканить по единой весовой норме.

Но ещё более важную роль, чем для развития внутреннего товарообмена, Золотая Орда сыграла в развитии международной торговли. Благодаря своему исключительно выгодному географическому положению она стала узлом, где пересекался целый ряд трансконтинентальных караванных торговых магистралей. Важнейшей из них служило северное ответвление знаменитого Великого Шёлкового пути, начинавшееся в Китае и через Восточный Туркестан, Семиречье, Хорезм проходившее в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачной конъюнктуре, обусловленной войнами и нестабильностью на Среднем и Ближнем Востоке, товарный поток из Китая (пряности, шёлк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы) хлынул в Европу именно через более спокойную Золотую Орду [7; 19]. Не многим уступал по своему значению поволжский «Пушной» путь (с севера на юг), который связывал мусульманский Восток с Северо-Восточной и Северной Европой и Балтикой. Также в Золотой Орде брали своё начало пути

черноморско-волжский (соединявший Причерноморье с Нижним Поволжьем и далее через Среднюю Азию в Китай и Индию) и транскавказский (связывавший Ближний Восток с Юго-Восточной Европой).

Сложно переоценить важность разнообразного товарообмена со странами Европы и Азии в хозяйственной жизни Золотой Орды. Он наполнял ханскую казну торговыми пошлинами, обогащал всевозможных посредников и многочисленную службу. Кроме того, наряду с транзитом непосредственно из подвластных самой Золотой Орде территорий в значительных количествах экспортировались зерно, пушнина, кожевенные товары, невольники. Главную же статью экспорта составлял всевозможный скот, пользовавшийся огромным спросом на внешних рынках в Западной Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке, где особенно ценились породистые поволжские скакуны. В Золотую Орду импортировалось много предметов роскоши, дорогое оружие, ткани, пряности и пр., первоочередными потребителями которых были ханский двор и знать. В силу всего вышеназванного, купечеству в Золотой Орде в соответствии с традициями, заложенными еще Чингиз-ханом, оказывалось особое покровительство. Для поощрения торговли государство старалось удерживать низкий уровень таможенных сборов, не превышавший 3–5% от стоимости товаров. Установленные в империи порядки защищали жизнь, честь и имущество торговцев, а сильная власть обеспечивала достаточный уровень безопасности перемещения караванов с товарами.

Баснословные выгоды и доходы, которые приносила трансконтинентальная торговля высшим слоям Золотой Орды, в значительной степени определяли международные амбиции ханов и их окружения, толкая их к продолжению внешней экспансии. Стремление захватить важные торговые города и распространить свой контроль на балканский и малоазиатский отрезки Великого Шёлкового пути делало Улус Джучи стратегическим противником Улуса Хулагу / государства Ильханов (с которым Орда на протяжении 1262–1390-х гг. с переменным успехом воевала на территории нынешнего Азербайджана), Византии и королевств крестоносцев, созданных на землях арабов, и, в тоже время, – союзником мамлюкского Египта и малоазиатских турок-сельджуков. Наиболее тесными были ордынско-египетские связи, благодаря кыпчакским корням правивших с середины XIII до конца XIV в. мамлюкских султанов и переносу в Египет из Багдада центра мусульманского халифата. Вообще внешняя политика и связи Золотой Орды отличались размахом, а интенсивность контактов показывает, как тесно она была связана с миром. Авторитет Джучидов на международной сцене необычайно возрос. Улус Джучи стал весомым игроком на международной политической арене, а его правители, осваивая новую роль вершителей судеб Центральной Евразии, начинают активно влиять на политические события в ближних и дальних странах: Китае, Афганистане, Индии, Средней Азии, Руси, Литве, Польше, Апеннинском и Балканском полуостровах. Благодаря широкоразветвленной системе союзов, косвенное влияние Золотой Орды «простиралось вплоть до земель Тевтонского ордена и даже до самой Испании» [40, с. 18].

В результате всего, по справедливому замечанию М.Фаверо, «Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII – середины XIV века, и её экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света... После завершения чингизидских завоеваний феноменальный торговый бум преобразовал человеческое общество и культурный ландшафт Евразии... Золотая Орда выступала сценой для этого драматического обмена. Джучидские ханы и беки играли ведущую роль в новом международном распорядке» [8, с. 4].

Именно торговля, в первую очередь внешняя, также стала одним из факторов, обусловивших другой ярко выделяющийся исторический феномен, связанный с Золотой Ордой, – превращение её из страны кочевников в страну городов. Наглядно роль торговли в этом процессе показывает география городского населения, наибольшая плотность которого наблюдалась именно в районах пересечения и на всём протяжении караванных путей с севера на юг и с запада на восток [37; 8, с. 455]. По средневековым письменным историческим источникам и картам, а также данным археологических исследований на территории Золотой Орды известно почти 150 городов и городищ. К числу крупнейших относились Сарай ал-Махруса и Хаджитархан, находившиеся на нынешней территории Астраханской области, Сарай ал-Джадид и Бельджамен (Волгоградская область), Укек (Саратовская область), Азак (Ростовская область), Болгар (Татарстан), Маджар (Ставропольский край), Дербент (Дагестан), Кырк-Ер и Солхат (Крым), Сарайчик, Сыганак (Казахстан), Аккерман (Украина), Ургенч (Узбекистан) [1; 18] и др. В этом перечне можно увидеть как старые города, сожжённые и разграбленные, пришедшие в упадок и запустение во время татаро-монгольского нашествия, чьё население частью погибло, частью было пленено и уведено в рабство, но которые быстро возродились и продолжили своё развитие в золотоордынское время, так и новые, активно возникавшие во всех частях страны [26; 6; 4; 22]. Кроме торговли появление и рост городов были вызваны необходимостью создания сети опорных пунктов для управления подчинёнными территориями. Поэтому многие золотоордынские города также выполняли функции центров крупных административно-территориальных единиц. К тому же, если ханы и высшая знать предпочитали большую часть времени находиться в своих кочевых ставках, отправляясь в города лишь на зимовки, то для возникшего многочисленного бюрократического аппарата профессиональных чиновников требовалось постоянное размещение. Постепенно и элита, аккумулировавшая огромные ресурсы и доходы, выкачиваемые с зависимых земель, продолжая вести традиционный и считавшийся престижным кочевой образ жизни, также стала испытывать стремление к приобщению к удобствам, комфорту и роскоши оседлой жизни в городах. Всё это в совокупности объясняет активную целенаправленную градосозидательную политику правителей Орды, начатую ещё Бату и достигшую наивысшего размаха в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и его сыне Джанибеке.

Первыми строителями и работниками во вновь создаваемых городах стали невольники, насильственно согнанные из завоёванных земель и жившие

на положении рабов и полурабов. Как писал посетивший в середине XIII в. Монгольскую империю Плано Карпини, татаро-монголы забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Развитие рабовладельческого уклада привело даже к организации рабских предприятий, типа мануфактур-карханов. Но уже в первой половине XIV в., когда Улус Джучи при Узбеке и Джанибеке вступает в период наивысшего расцвета и достатка, высококвалифицированные мастера из подчинённых, сопредельных и дальних стран сами начинают весьма охотно переселяться в золотоордынские города, где для них всегда находился высокий, устойчивый и хорошо оплачиваемый спрос на их труд и изделия. Как следствие здесь быстрыми темпами развиваются металлообрабатывающее, кожевенное, оружейное, деревообрабатывающее, стекольное, гончарное, ювелирное, косторезное ремесла, производство строительной керамики и многие другие отрасли. Высокого уровня достигают архитектура и строительное дело – возводятся капитальные белокаменные и кирпичные (из обожжённого и сырцового кирпича) дворцы и общественные здания (мечети, бани, караван-сарай, мавзолеи и др.), стены которых могли облицовываться расписной штукатуркой, резным ганчем и полихромными поливными изразцами. Высокий уровень благоустройства и комфортности обеспечивали системы подпольного отопления.

Города имели плотную усадебно-квартальную планировку. Знатные кочевники, переходя к полу- или полностью оседлой жизни, массово строили в городской черте и в пригородах крупные (площадью до полугектара) усадьбы, включавшие окружённые стенами многокомнатный господский дом, жилища прислуги и хозяйственные постройки, водоёмы, иногда с фонтанами, которые перемежались с садами и огородами. Простые же люди жили в юртах, землянках, наземных однокомнатных домах с деревянными и глинобитными стенами. Отдельные кварталы формировали ремесленники, специализировавшиеся на каком-либо определённом производстве, колонии армян, греков, евреев, итальянцев, русских. Роль центров притяжения, информационного обмена и связей горожан, кочевников, иностранцев и т.д. играли многочисленные базары.

Золотоордынские города, возникшие как наследие длительного исторического развития, так и в короткие сроки по повелению ханов, буквально за считанные десятилетия достигли небывалого расцвета, впечатляя своей красотой, размерами и благоустройством. Они впитали в себя градостроительные традиции многих народов, приобретя благодаря этому исключительно своеобразные и ни с чем несравнимые черты.

Быт золотоордынских городов с их благоустройством, водоснабжением, удобными и красивыми зданиями, банями и каналами, садами и дворцами, мечетями и стройными минаретами соответствовал самым высоким стандартам своего времени. Свидетельствами этого являются сохранившиеся либо найденные археологами предметы и восторженные рассказы иностранных путешественников, которых привлекали и удивляли благополучие, процветание, интенсивная городская жизнь. Буквально поражал посещавших его своим великолепием и размахом Сарай ал-Махруса (Дворец

Богохранимый) – вторая (после Болгара) столица Улуса Джучи, заложенная повелением Бату в 1240-х гг. По средневековым меркам это был настоящий мегаполис, сравнимый с Багдадом и Каиром, Константинополем и Римом того времени: его общая площадь (с пригородами) достигала 36 км², число жителей (по оценкам современников) – 75 тысяч человек. В первой трети XIV в. столица переносится в Сарай ал-Джадид (Новый Дворец), построенный в правление хана Узбека и достигший наибольшего расцвета при его сыне хане Джанибеке, переведшим сюда ханский двор¹.

По мнению авторитетных специалистов-исследователей в результате урбанизации в Улусе Джучи «отдельные районы государства превращаются в многокилометровые поселения сплошной осёдлости, состоящие из небольших городков, посёлков и замков аристократии, окружённых возделанными полями» [5, с. 13]. Крупнейшая цельная непрерывная городская агломерация от Сарая ал-Махруса до Сарая ал-Джадид сложилась в центральном районе Золотой Орды – Нижнем Поволжье, где сочетались благоприятные природные условия (плодородные пойменные низины, степные скотоводческие угодья, Волга, как важнейшая судоходная артерия) и пересекались основные караванные маршруты.

В этой области, кроме обоих Сараев, находились и другие крупные города – Хаджитархан, Бельджамен, Укек, Гюлистан и Сарайчик, которые вместе с десятками соседних поселений образовывали густонаселённый земледельческий регион. Аналогичная агломерация помещалась в междуречье Волги и Дона.

Возникновение и существование подобных гигантских урбанистических организмов было бы невозможно без одновременных преобразований окружающей среды, связанных с решением проблем ирригации в засушливых районах и снабжения многочисленных горожан продукцией растениеводства: продовольствием и техническими культурами. Задача водоснабжения решалась путём создания разветвлённой системы искусственных озёр-водохранилищ и сложных гидротехнических сооружений, с помощью которых вода поступала в города: плотин, шлюзов, дамб, арыков, подземных водопроводов и канализации из глиняных труб. Для решения второй задачи понадобилось «поднятие целины» – массовая земледельческая колонизация степи и окружение городов полосой сельскохозяйственных поселений. Механизм того, как это происходило, ещё не изучен до конца подробно, но размах проекта говорит, как минимум, о высочайшем организационном потенциале золотоордынского государства. Таким образом, в период и в результате существования Золотоордынской империи произошёл, пожалуй, невиданный ранее в истории цивилизационный сдвиг – страна (в т.ч. малолюдное ранее степное Нижнее Поволжье), большинство населения которой составляли кочевники, буквально лишь за несколько десятилетий превратилась в развитой «оазис»

¹ Отождествление Сарая ал-Махруса с Селитренным городищем в Астраханской, а Сарая ал-Джадид с Царевским городищем в Волгоградской областях является в историографии традиционным. Однако согласно ряду новых гипотез они имели иное местонахождение либо вообще были разными названиями одного города.

городской и номадо-земледельческой культур. Почти на пустом месте появились не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром яркой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и осёдлую культуры. Возникновение большого количества городов в степях за столь короткий срок – явление уникальное в истории средневековья [45; 35].

Роль городов в истории Золотой Орде особенно велика ещё и в силу того, что они становились главными центрами сосредоточения не только торгово-ремесленной и политической, но и интеллектуально-духовной жизни, местами формирования и функционирования золотоордынской культуры. Культура кочевников благодаря их высокой мобильности всегда обогащалась сильнее в результате более частых пересечений и контактов с многочисленными соседями. Монголо-татарские завоевания и возникновение Улуса Джучи привели в действие ещё более широко охватывающие культурно-исторические процессы. Как империя Золотая Орда соединила в единую политическую плоскость земли, населенные носителями самых разнородных культур, что обусловило не только взаимообмен социально-политическим опытом и усиление торгово-хозяйственных связей, но интенсивное межкультурное взаимодействие. Золотая Орда, впитав в себя культурные традиции многочисленных народов и племён Евразии, синтезировала новую культуру, ставшую ярчайшим самобытным феноменом! Её складывание происходило со второй половины XIII в. в основном путём смешения местных восточно-европейских (булгарских и кыпчакских) и пришлых центрально-азиатских (киданьско-чжурчжэньских и татаро-уйгурских) традиций. Пришельцы-завоеватели восприняли культуру подчинённых народов, одновременно привнеся в неё множество черт собственного наследия, а также влияние древнейших цивилизаций Востока (например, Китая и Персии).

Наиболее выраженное и заметное культурное смешение, взаимопроникновение и взаимообогащение можно лицезреть на примере золотоордынского художественного искусства. Для раннего периода его развития (вторая половина XIII в.) характерно проникновение в его стиль дальневосточных и центрально-азиатских традиций, которые переплетались с местными мотивами. Его стилевому синкретизму способствовал симбиоз степной кочевнической, осёдлой и городской изобразительных традиций. Также оно оказалось наполнено восточным и европейским колоритом. Позднее – на рубеже XIII–XIV вв. – на него всё больше начинают влиять ислам, ставший официальной религией в Золотой Орде, и искусство мусульманских стран. Ислам привносит свой колорит и особенности: теперь художественная стилистика попадет под регламентацию мусульманских канонов, стремящихся свести изобразительность к рамкам каллиграфии и орнамента. Хотя в народно-бытовом творчестве намного дольше сохраняется использование образов, шедших от доисламской традиции. В возникшем новом искусстве «тюркские художественные традиции... вступили в творческий диалог с художественными приёмами Монголии, Китая, Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, России и Восточной Европы», что «отражает живые материальные и духовные связи, существовавшие у Золотой Орды со всем миром» [23, с. 14].

Художественное изобразительное творчество развивалось в основном в декоративно-прикладном жанре (что, в принципе, типично для средневекового искусства). Украшения, детали костюма, посуда, предметы быта и культа, оружие, воинское и конское снаряжение – всё это пышно декорировалось благородными металлами, драгоценными камнями и самоцветами, чеканкой, гравировкой, полихромной росписью и резьбой с растительными, геометрическими, зоо- и антропоморфными и арабесковыми изображениями и орнаментами. Многие изделия, вышедшие из-под рук золотоордынских творцов, являются подлинными шедеврами искусства и на сегодняшний день по достоинству занимают место в экспозициях и фондах ведущих музеев мира, как в России (в частности, в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге), так и за рубежом.

Активное градостроительство в Золотой Орде стало основой развития ещё одного изобразительного жанра – монументально-декоративного и появления его шедевров в виде мозаичных, майоликовых и резных терракотовых облицовок, фресковых росписей, орнаментальной резьбы по камню и гипсу, гипсового литья и пластики. Особого расцвета достигла расписная декоративная майолика с богатым полихромным и орнаментальным декором, золочением, которой облицовывали фасады и интерьеры зданий, надгробия. В конструктивно-декоративных деталях, композиции орнамента, красочной многоцветности сохранившихся архитектурных памятников Болгара, Солхата, Кырк-Ер (Чуфут Кале), Эски-Юрта (Бахчисарая), Ургенча и прочих городов отразилось влияние архитектуры мусульманских стран Средней Азии, сельджукской Малой Азии, мамлюкского Египта, хулагуидского Ирана.

Как уже было отмечено выше, искусство Золотой Орды впитало традиции множества народов, и исследователи справедливо отмечают его синкретичный характер. Но и говорить об исключительно заимствованном извне характере искусства Золотой Орды также было бы в корне не правильно, поскольку, по правильной оценке Э.Д. Зиливинской, «произведения золотоордынского искусства достаточно яркие, выразительны и хорошо узнаваемы» именно в силу своей уникальности, что свидетельствует не просто о синтезе традиций, но и выработке на его основе «определённого и во многом единого стиля» [8, с. 499–500]. Как точно подчеркнул в своё время Г.А. Фёдоров-Давыдов, «разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве – главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического» с сильной тенденцией к «живописности»...» [35, с. 209]. Благодаря этому, высокохудожественные произведения мастеров Золотой Орды получили широкую известность далеко за её границами; например, встречались в дворцовом обиходе русских правителей, церковных иерархов. Более того, по мнению искусствоведов, они оказали заметное влияние, особенно в области художественной обработки металла и ювелирного дела, на творчество средневековых мастеров в соседних и дальних странах, в частности, русских и западноевропейских.

Культурный прогресс, вызванный возникновением Золотой Орды, нашёл отражение не только в изобразительном искусстве – не менее мощный импульс развития получила духовная, гуманитарная культура. В результате образования единого государства у тюркских народов сложилось и единое культурно-языковое поле, следствием чего явились коренные подвижки в лингвистической ситуации. На почве местных огузо-кыпчакских и болгарских диалектов в городах вырастает общенародное разговорное койне, а на его основе, в свою очередь, общий литературный тюркский язык (= общетатарский язык), впоследствии ставший основой для старотатарского и других тюркских литературных языков. Большое значение имело начало использования единой письменности сначала на основе уйгурского алфавита, а по мере распространения ислама – арабской графики. Высшие и средние слои населения страны получили возможность глубже изучать грамоту и основные каноны ислама, благодаря широкой сети мектебов и медресе, при которых работали библиотеки, школы каллиграфов и переписчиков. На значительный уровень грамотности среди жителей указывают находки многих бытовых предметов с надписями, а также многочисленные надмогильные эпитафии.

Наличие письменности и литературного языка стало фундаментом для развития многожанровой литературы, являющейся ещё одним индикатором высокой культуры и цивилизованности в Золотой Орде. Это хорошо показано в обобщающих работах современных исследователей [20]. В средние века мыслители, писатели, духовные деятели, как правило, могли существовать и работать только лишь благодаря поддержке и благотворительности сильных мира сего, что считалось богоугодным делом. В Золотой Орде науке и литературе особое покровительство оказывали ханы Берке, Узбек и Джанибек: при их дворах и покровительстве жили и творили многие крупные учёные, писатели из различных стран мусульманского Востока – Египта, Сирии, Малой и Средней Азии. По словам средневекового арабского историка Ахмеда ибн Арабшаха, столичный Сарай «сделался средоточием науки», за короткий срок собрав столько «учёных и знаменитостей, словесников и искусников», сколько не собиралось и в Каире [29, с. 463]. В тоже время, говоря о весомом вкладе и положительном влиянии выходцев из-за границы, необходимо отметить, что не меньшую роль в расцвете литературы золотоордынской эпохи сыграли местные представители (о чём свидетельствуют нисбы, т.е. части имён, многих деятелей духовной культуры, указывающие на место их рождения: -Булгари, -Кыпчаки, -Сараи, -Хорезми и т.д.). «Академическая мобильность» проявлялась и в том, что ордынские интеллектуалы выезжали в другие мусульманские страны [24, с. 90–91].

Золотоордынская литература органично соединила раннетюркские, в том числе болгарские традиции, восходящие к Ахмаду Югнаки, Юсуфу Баласагуни, Ахмеду Ясави, Сулейману Бақыргани, Кул Гали и др., с письменной культурой арабо-персидского мусульманского Востока (Фирдоуси, Газали, Низами, Аттара, Руми, Саади, Маарри, Абу Хамида, Навои и пр.). Значительная часть произведений создавалась путём компиляций сочинений известных арабских и персидских авторов, после перевода на тюркский язык

и адаптации к тюркской культуре вошедших в местный фольклорный и литературный канон. Большинство памятников письменности создано на тюркском языке; учёными также широко использовался арабский язык, поэтами – фарси. Литературные памятники Золотой Орды отличаются богатством идейного содержания и художественных форм, утончённость речевой стилистики, многообразие поэтических и прозаических жанров: газели, дастана, касыды, кыйссы, мадхьи (оды), марсии (элегии), повести, рубаи (четверостишия), стихотворного романа, фарда, хикаята, «ящичной композиции» и др. В силу средневековой специфики между религиозными и светскими, художественными и научно-философскими произведениями, как правило, сложно провести чёткую грань, в них сочетаются эстетические, познавательные, этико-поучительные смыслы. Основными мотивами сюжетов писателей Золотой Орды, как поэтов, так и прозаиков, были различные вопросы человеческого бытия, смысла жизни, отношения к Богу, справедливого устройства общества, взаимоотношений правителей и подданных, любви, морально-этические проблемы и др. [20, с. 678].

Без преувеличения, в сокровищницу мировой литературы вошли такие созданные золотоордынскими писателями религиозно-нравоучительные произведения, как «Кысас ал-анбия» («Сказание о пророках») Бурхан ад-дина Рабгузи (1310 г.), «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара (1320–1340-е гг.), «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда Булгари (1358 г.), «Джумджума султан» («Царь-череп») Хисама Кятиба (1369 г.), «Кисекбаш» («Отсечённая голова») неизвестного автора; произведения светского характера: «Мухаббат-наме» («О любви») Хорезми (1353 г.), «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») Кутба (1383 г.), «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан на тюрки») и «Сухаиль и Гульдурсун» Саифа Сарай (1391 г.), лирические стихи Ахмада Ходжи ас-Сарай, Мавля Казыя Мухсина, Мавляна Исхака, Факиха Берке и др. Грандиозные исторические события золотоордынской эпохи нашли отражение в таком эпическом сказании, как дастан «Идегей» [9; 31], национальные версии которого имеются у башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, татар, туркмен, узбеков и других народов. Эти произведения стали классикой тюрко-татарской литературы, заложив её основы и определив направления бытования вплоть до современности.

Наряду с художественной литературой, местными и приезжими авторами в городах Золотой Орды создаются и научные трактаты по риторике, теософии, шариатскому правоведению, естествознанию (как прикладному, так и теоретическому), медицине; здесь расцветает «культура... арабских звездочетов... мусульманской духовной учёности, толкователей Корана, математиков и астрономов» [36, с. 118]. Уместно привести такой интересный пример: Саиф Сарай в поэме «Сухаиль и Гульдурсун» в образной форме упоминает о вращении Земли вокруг Солнца, примерно на 150 лет раньше появления научной гелиоцентрической концепции Николы Коперника. Также известны относящиеся к Золотой Орде сочинения о путешествиях, словари, формирующаяся официальная, в том числе придворная, историографическая и генеалогическая традиция, дошедшая до нас в более поздних сочинениях.

Говоря о развитии сложной многослойной золотоордынской культуры, нельзя не упомянуть о крайне специфической религиозной ситуации в государстве (также религиозный фактор, естественно, имел большое значение и для политики, идеологии, экономики). Для Монгольской империи была свойственна веротерпимость, закреплённая на уровне закона. Среди первых Чингизидов и их подданных были распространены и тенгрианство, и христианство (несторианство), и ислам. В начальную эпоху в Орде Джучиды также продолжали политику равенства представителей различных религий: идолопоклонников, иудеев, буддистов, христиан несториан, григориан и православных, мусульман и др., оставляя их в одинаковом положении. В этот период «веротерпимость и симбиоз различных конфессиональных элементов стали основой для складывания имперской надэтнической культуры» [12, с. 17].

Постепенно на господствующие позиции в золотоордынском обществе выдвинулась одна из мировых религий – ислам. Выбор ислама был обусловлен как внутренними факторами – его исповедовали в Хорезме и Волжско-Камской Булгарии уже с VIII и X вв. соответственно, так и внешними – дружественными связями с египетским султанатом мамлюков, культурно-экономическим влиянием среднеазиатской мусульманской торгово-городской элиты. Ислам стал ещё одним фактором, помогавшим соединению разнородных социокультурных и этнополитических элементов в более монолитную общность. Замена племенных языческих культов монотеистической религией духовно сплачивала население, сближало с другими мусульманскими странами, включая в культурное пространство общемировой мусульманской цивилизации. Провозглашение его в 1313 г. официальной государственной религией Улуса Джучи способствовало дальнейшей интеграции тюркоязычных народов, формированию единого тюркского этноса и оставило глубокий отпечаток на всей последующей истории тюркских народов Евразии. Многие мусульманские народы, проживающие в Российской Федерации и постсоветских республиках, рассматривают это время как период их становления, поскольку исламизация тюркских народов стала одним из важнейших элементов именно золотоордынского наследия.

Правители Золотой Орды приняли ислам под влиянием проповедников из Средней Азии, где доминировал менее ортодоксальный и более мягкий и толерантный ханафитский мазхаб. Он был более лоялен к сохранению доисламских обычаев. Поэтому долгое время не происходило глубокого проникновения нового вероучения в общественное сознание, повсеместного и полного восприятия шариатской правовой и обрядовой практики. Сам хан Узбек, по свидетельству Ибн Баттуты, злоупотреблял вином, из-за чего нередко даже опаздывал на пятничные молитвы [29, с. 300–301]. В среде кочевой знати мусульманство часто оставалось лишь внешней обрядовой оболочкой, прикрывавшей воинский кодекс чести и традиционный образ жизни. Сложный период взаимодействия ислама с традиционными верованиями проявлялся в параллельном сосуществовании и переплетении мусульманских и языческих погребальных обрядов и традиций [2, с. 125]. Новообращённые привносили в золотоордынский ислам остатки языческих суеверий, поэтому

в степи господствовал «народный ислам», воспринявший многие языческие ритуалы. Став мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков, сохраняя многие религиозные и юридические нормы монгольской «Ясы», освященной именем Чингиз-хана. В отношении культа Тенгри в Золотой Орде распространилась тюркомодернизированная форма ислама, вобравшая в себя элементы тенгрианства, как реликтовую форму исконной религии древних тюрков и монголов.

В правление ханов Узбека и Джанибека ислам стал определяющей силой в политическом и культурном развитии Улуса Джучи, стержнем имперской идеологии. Немусульмане больше не допускались к престолу и административным должностям. Более того, были казнены все знатные вельможи, отказавшиеся принять ислам, шаманы и буддийские ламы, разрушены все языческие капища. Однако, несмотря на явное доминирование ислама, в Улусе Джучи государственная политика в отношении «людей Книги» (т.е. представителей авраамических религий, не язычников) продолжала строиться с учётом принципа веротерпимости – они имели широкие права, находились под защитой и сохраняли своё самоуправление. Так, с начала 1260-х гг. действовала православная Сарайская епархия. Известны многочисленные ханские ярлыки русским православным иерархам, карающие смертной казнью за оскорбление церквей и уничтожение церковного имущества, освобождающие от всех податей и налогов и дающие им иммунитет от произвола ордынских чиновников (однако, естественно, не защищавшие ни храмы от разрушения, ни жизни священников во время боевых действий при подавлении антиордынских выступлений). Аналогичным образом выстраивались взаимоотношения правителей с монофизитами, католиками и иудеями. В городах наряду с мечетями возводились и вели службы церкви всех ветвей христианства и синагоги, имелись их отдельные кладбища [3].

В результате пересечения (и, в определённом смысле, переплетения) ислама с другими религиями и верованиями в Золотой Орде создалась своеобразная ситуация особого межконфессионального взаимодействия; Орда «стала пристанищем различных религиозных общин, которые не просто сосуществовали, но и сотрудничали друг с другом», где «забота о международной торговле подразумевала общую идеологическую терпимость, заботу о представителях разных этнических общин, представленных в многонациональном населении Золотой Орды. Тюрки, персы, генуэзцы, русские, хорезмийцы, литовцы, армяне жили под единым правлением и перемещались по большому разнообразному миру. Это был большой исторический опыт международной глобализации» [8, с. 5].

В немалой степени причина успешного развития Золотой Орды состояла в том, что на её обширной территории сосуществовали, взаимодействовали, взаимопроникали и взаимообогащали друг друга различные народные обычаи и традиции. Однако отчасти именно такая «лоскутность», то есть слишком большое политическое, этническое, экономическое, религиозное, социокультурное многообразие, привела в итоге к тому, что Золотая Орда,

в конце концов, не выдержала испытаний, которые на неё обрушились, и распалась. Различия между её регионами вызвали различие и противоречие интересов, что, по словам М.А. Усманова, было «миной замедленного действия, которая должна была неминуемо привести к распаду империи» [32, с. 38].

Первая половина XIV в., особенно правление Узбека и Джанибека, была временем наивысшего расцвета Золотой Орды. Но уже во второй половине столетия Улус Джучи оказался перед одновременным вызовом целого ряда тяжелейших испытаний, в числе основных среди которых можно назвать следующие. Прежде всего, это экологическая катастрофа, связанная с планетарными климатическими изменениями. Глобальное похолодание вызвало в XIV–XV вв. резкое усыхание западной части евразийских степей, уменьшение количества осадков, установление малоснежных зим, постепенное наступление песков на некогда благоприятные пастбища. Одновременное повышение уровня Каспийского моря затопило значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, солёные воды вплотную подступили к нижневолжским городам. Все это нанесло сильнейший удар как по животноводческим, так и по земледельческим угодьям, спровоцировав упадок народного хозяйства Улуса Джучи. Стабильная и сытая жизнь на протяжении предшествующих десятилетий привела к демографическому росту и миграциям населения в южные зоны страны, вызвав, по мнению некоторых учёных, даже их перенаселение. Теперь же, в условиях ухудшения природно-климатических условий, это привело к участвовавшим продовольственным кризисам, периодически выливающимся в страшный голод, который заставлял людей в поисках спасения бежать из обжитых мест, вынуждая даже, по свидетельству ал-Омари, продавать своих детей.

Практически одновременно на Европу и Азию обрушилась «чёрная смерть» – страшнейшая пандемия бубонной чумы. В середине и второй половине XIV в. она несколько раз прошла по Дешт-и Кыпчаку, буквально выкашивая население, особенно в перенаселённых областях и, что ещё страшнее, городах, бывших связующими административными, экономическими и культурными центрами. Поэтому, для Улуса Джучи этот удар оказался особенно ощутимым. По словам современников, в нём от эпидемии чумы «обезлюдели деревни и города». По сообщению Бадр ад-дина ал-Айни, каждый день только в Крыму умирало почти по тысяче жителей [29, с. 530]. Можно представить, какие потери понесла страна в целом. Последствия прокатившейся по Золотой Орде «чёрной смерти», по истине, оказались ужасными [38]. Именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье.

Упадку Улуса Джучи способствовал также кризис евроазиатской торговли. Спад международного товарообмена по знаменитому Шёлковому пути, стартующему в Китае и проходящему частично через Золотую Орду, начался ещё в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй его половине. Среди вызвавших его причин были освободительное движение против династии Юань в Китае, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане,

эпидемия чумы, смута в Малой Азии после распада государства Ильханов, война между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, также резко подорвав положение золотоордынских городов и всей экономической системы.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и внутривосточные процессы, проявлявшиеся с 1360-х гг. в перманентном внутреннем социально-политическом кризисе. Сначала он выражался в постоянной борьбе за ханский престол, но к XV в. перерос в постоянное нарастание центробежных тенденций и сепаратизма.

Обессиленной эпидемией чумы, экологическими катаклизмами, экономическим кризисом, внутривосточными распрями Золотой Орде удар, от которого она уже не смогла оправиться, нанёс самаркандский эмир Тимур (Тамерлан). Нашествие его армий в 1391 и 1395 гг. охватило наиболее развитые и значимые регионы Золотой Орды – Северный Кавказ, Кубань, нижнее левобережье Днепра, Крым, среднее течение Дона, Нижнее и Среднее Поволжье, в которых были разрушены все важнейшие города, такие как Укек, Бельджамен, Гюлистан, Сарай, Хаджитархан, Маджары, Азак, Солхат/Крым [21]. Разрушение основных городских центров привело к окончательному упадку торговли и экономики в целом, фактически уничтожило чиновничество и административную систему [24, с. 122–123], и предопределило в итоге судьбу Золотой Орды. Всей совокупности обрушившихся испытаний Золотая Орда выдержать не смогла и от этих ударов уже не оправилась. Попытки вернуть стабильность Улусу Джучи реформами (укрепление централизации, денежная реформа, активное распространение ислама) и рядом военных внешнеполитических успехов, предпринятые Идегеем в начале XV в., стали, по сути, лишь агонией великой империи, к середине столетия окончательно распавшейся на ряд независимых государств.

Золотая Орда, несмотря на относительно небольшой по глобальным историческим меркам период существования – немногим более 200 лет (из которых уже примерно через 100 лет после возникновения она вошла в состояние нестабильности и распада, и ещё через 100 лет распалась окончательно), смогла оставить заметный исторический след [25; 14]. Она обладала огромной территорией, военным могуществом, широким международным влиянием, мощным государственным аппаратом, развитой многоукладной экономикой, богатой культурой, оказала глубокое и многовекторное влияние на политическую, экономическую и культурную карту Евразии. В совокупности, всё это позволяет с полной уверенностью использовать в её отношении эпитет мировой сверхдержавы средневековья. А высокий уровень развития единого комплекса оригинальных политических, хозяйственных, культурных, социальных институтов позволяет говорить о существовании особой «Золотоордынской цивилизации», как локализованной и устойчивой во времени и пространстве целостной общественной системы. При вхождении в состав Золотой Орды различные народы находились на разных стадиях своего развития: кто-то имел многовековую государственность, разделение труда

и классовое общество, кто-то стоял на родоплеменной стадии и вёл натуральное хозяйство; кто-то имел высокоразвитую культуру, кто-то не знал даже письменности. Поэтому, изначально возникнув путём завоеваний и насилия, Золотая Орда в дальнейшем играла, безусловно, огромную цивилизующую роль.

Прекратив своё существование, Золотая Орда не канула в Лету. Осталось её громадное наследие. Как я уже писал выше, это две татарские нации и иные народы, зародившиеся в золотоордынской «этнической колыбели», это широкое распространение ислама, это тюркский литературный язык, ставший основой при формировании татарского и других современных литературных языков тюркских народов, это литература, предопределившая развитие татарской и других литератур, это и искусство, это и новый уровень развития государственности, и многое-многое другое¹. Кроме того, именно Золотая Орда впервые собрала в единое целое тюркские, монгольские, финно-угорские, восточнославянские, сибирские, кавказские и других народы Евразии, впоследствии вошедшие в состав России, тем самым дав им первый опыт «сближения, взаимопроникновения и взаимообогащения культур», «порождая, среди прочего, сходство жизненного уклада и менталитета» [17, с. 57]. Родившись и окрепнув под крылом Золотой Орды, Московская Русь вскоре перехватила у неё эстафету собирания земель Евразии. А опыт (как положительный, так и отрицательный), полученный в период взаимосуществования с Золотой Ордой, позволил Руси–России превратиться со временем в крупнейшее государство мира.

Русь стала полиэтничным государством с многочисленным мусульманским населением, унаследовала многие традиции Орды и достаточно большую часть её правящего слоя. В Великом княжестве Московском и на последующих этапах истории Руси–России явные следы золотоордынского наследия можно увидеть в военной организации, денежно-фискальной системе, придворном и дипломатическом протоколе, государственной канцеляристике, аристократической титулатуре, практике государственного строительства и управления в целом, в частности в важнейшем принципе централизации государственного управления. На многие века сохранилась ямская почтово-транспортная система. Истоки формирования многих российских княжеских и боярских родов тюркского происхождения относятся ко времени Золотой Орды. Принадлежность к роду Чингизидов и другим ордынским родам ценились настолько высоко, что иногда представители московского боярства даже искусственно приписывали себе золотоордынские корни [30, с. 17]. Так что мы вполне можем говорить об исторической преемственности великих евразийских сверхдержав – Золотой Орды, Российской империй, СССР, Российской Федерации, последовательно передававших друг другу миссию «собирания» народов в общих границах. Именно поэтому Золотая Орда является частью истории современной России не только как часть истории её тюркских народов, но и как неотъемлемая часть истории всей страны в целом...

¹ О значении Золотой Орды, как ключевого этапа истории татар, см., в частности: [43; 44; 34; 11; 15].

Список литературы

1. Бартольд В.В. Золотоордынские города (Астрахань, Дербент, Кафа, Крым, Сарай, Сибирь ва Ибир, Сугдак, Хорезм) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 336–552.
2. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. 170 с.
3. Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 15–25.
4. Волков И.В. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа, 1996. Ч. II. С. 89–91.
5. Егоров В.Л. Золотая Орда. М., 2005. 70 с.
6. Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1, март. С. 113–122.
7. Зимони И. Историческая роль Золотой Орды на Шёлковом пути и в Восточной Европе // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 143–147.
8. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань, 2016. 968 с.
9. Идегей: татарский народный эпос / Пер. с татар. С. Липкина; науч. ред. М.А. Усманов. Казань, 1990. 256 с.
10. Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2000 (2004). 271 с.
11. Измайлов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. 1993. № 7, 8.
12. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. Казань, 2008. 62 с.
13. История «скифов» глазами современников / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2001. 175 с.
14. История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. 1080 с.
15. Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. 1997. № 3. С. 14–19.
16. Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань, 2009. С. 58–65.
17. Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. К вопросу об исторических премниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М., 2017. С. 54–64.
18. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 567–589.

19. Лушников О.В. Золотая Орда на Великом шёлковом пути: экономическое и культурное взаимодействие, как основа евразийской мир-системы средневековья // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 148–151.
20. Миннегулов Х.Ю. Литература // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 676–680.
21. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007. 108 с.
22. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.
23. Пиотровский М.Б. Красивая память об общем прошлом // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 14–15.
24. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб., 2017. 206 с.
25. Почекаев Р.Ю., Ускенбай К.З. Улус Джучи и его наследие // Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы, 2008. С. 248–251.
26. Руденко К.А. Развитие городской культуры болгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 333–340.
27. Сабитов Ж.М. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 166–173.
28. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. О новой парадигме истории происхождения казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана. Астана, 2014. С. 274–283.
29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 588 с.
30. Трепавлов В.В. Золотая Орда в общественном сознании и историографии // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М., 2017. С. 14–21.
31. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань, 1999. 200 с.
32. Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. С. 26–46.
33. Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 101–109.
34. Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 5–17.
35. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 229 с.
36. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. 228 с.

37. Фёдоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1. С. 38–59.

38. Хайдаров Т.Ф. Природные и социально-экономические кризисы в Золотой Орде // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 639–657.

39. Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. Казань, 2014. 280 с.

40. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань, 2016. 500 с.

41. Энхчимэг Ц.Ц. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 152–155.

42. Энхчимэг Ц.Ц. К изучению истории Таласского курултая // Материалы международной научной конференции «Монгольская империя (образование, расцвет, распад)». Улан-Батор, 2004. С. 327–335.

43. Госманов М.Г. Алтын Урда: тарих һәм мирас // Мирас. 1993. № 8. 37–47 б.

44. Фәхретдинов Р. Алтын Урда һәм татарлар. Чаллы, 1993. 32 б.

45. Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated by H. Bartlett Wells. Oxford, 1984. 278 p.

Сведения об авторе: Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, e-mail: bulat.antat@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

THE PHENOMENON OF THE GOLDEN HORDE CIVILIZATION

Bulat Khamidullin

Institute of Tatar encyclopedia and area studies,

Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

bulat.antat@mail.ru

Abstract. The result of the whole complex of political, social, economic and natural-climatic factors in the second third of the XV century the Ulus of Jochi ceased to exist as a unified state. The collapse of The Golden Horde led to the appearance of a whole "constellation" of States that continued the Golden Horde traditions and represented a complete medieval Confederation. On the basis of the ulus of the Golden Horde, a new state-"the Yurt" – Ulug Ulus (Great Horde

1441–1502), Crimean (1441–1783), Kazan (1445–1556), Kasimov (1445–1681), Tyumen/Siberia (1446–1598), Astrakhan (1459–1556), Uzbek (1469–1510) and Kazakh (1469–1718) khanate descendants of Juchi Khan, the Nogai Horde (Mangitski Yurt, 1480–1613) Imageicon, as well as other smaller state formations descendants of the Golden Horde of the Tatars in the territory of Southern and Central Europe to Central Asia and Siberia, to varying degrees, has inherited the tradition of the Golden Horde's political system, economy and culture. And today, few people argue that the Golden Horde directly and indirectly had a huge impact on the formation of Russian statehood. Moreover the transformation of the Moscow Principality in Muscovy and then the Russian Empire occurred after the collapse of the Golden Horde in the struggle for its political and territorial legacy. All this creates a huge interest in the phenomenon of the Golden Horde civilization.

Keywords: Golden Horde, civilization, phenomenon, Tatars, Kazakhs, Nogais, Uzbeks, heritage, Russia.

For citation: Khamidullin B. The Phenomenon of the Golden Horde Civilization. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 36–61. (In Russ.)

References

1. Bartol'd V.V. Zolotoordynskie goroda (Astrahan', Derbent, Kafa, Krym, Saraj, Sibir va Ibir, Sugdak, Horezm). Bartol'd V.V. Sochineniya. Vol. III. M., 1965. S. 336–552. (In Russian)
2. Vasil'ev D.V. Islam v Zolotoj Orde: istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Astrahan', 2007. 170 s. (In Russian)
3. Volkov I.V. Zolotaya Orda i hristianskij mir (arheologicheskie svidetel'stva istoricheskikh yavlenij). *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2001. № 4. S. 15–25. (In Russian)
4. Volkov I.V. Predposylki vzniknoveniya zolotoordynskih gorodov (Azak i okruga). XIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie. Tezisy dokladov. Ufa, 1996. CH. II. S. 89–91. (In Russian)
5. Egorov V.L. Zolotaya Orda. M., 2005. 70 s. (In Russian)
6. Zeleneev YU.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya: vzniknovenie, vremya sushchestvovaniya i ehtnokul'turnaya harakteristika. *Istoriya i sovremennost'*. 2010. № 1, mart. S. 113–122. (In Russian)
7. Zimoni I. Istoricheskaya rol' Zolotoj Ordy na SHyolkovom puti i v Vostochnoj Evrope. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 143–147. (In Russian)
8. Zolotaya Orda v mirovoj istorii. Kollektivnaya monografiya. Kazan', 2016. 968 s. (In Russian)
9. Idegej: tatarskij narodnyj ehpos. Per. s tatar. S. Lipkina; nauch. red. M.A. Usmanov. Kazan', 1990. 256 s. (In Russian)
10. Iz glubiny stoletij. Sost. B.L. Hamidullin. Kazan', 2000 (2004). 271 s. (In Russian)
11. Izmajlov I.L. Ulus Dzhuchi: vzglyad na istoriyu srednevekovoj imperii. *Tatarstan*. 1993. № 7, 8. (In Russian)

12. Izmajlov I.L., Hamidullin B.L. Islam v Zolotoj Orde. Kazan', 2008. 62 s. (In Russian)
13. Istorija «skifov» glazami sovremennikov. Sost. B.L. Hamidullin. Kazan', 2001. 175 s. (In Russian)
14. Istorija tatar s drevnejshih vremen: V 7 t. T. IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. Kazan', 2014. 1080 s. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Klyuchevoj ehtap tatarskoj istorii. *Tatarstan*. 1997. № 3. S. 14–19. (In Russian)
16. Iskhakov D.M. Ulus Dzhuchi: tatarskaya ili mongol'skaya derzhava? Iskhakov D.M. Istoricheskie ocherki. Kazan', 2009. S. 58–65. (In Russian)
17. Kadyrbaev A.SH., Syzdykova ZH.S. K voprosu ob istoricheskikh preemnikah Zolotoj Ordy. XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoj Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnyh tradiciyah narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g. M., 2017. C. 54–64. (In Russian)
18. Kramarovskij M.G. Gorod i gorodskaya zhizn' v Zolotoj Orde // Istorija tatar s drevnejshih vremyon: V 7 t. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. S. 567–589. (In Russian)
19. Lushnikov O.V. Zolotaya Orda na Velikom shyolkovom puti: ehkonomicheskoe i kul'turnoe vzaimodejstvie, kak osnova evrazijskoj mir-sistemy srednevekov'ya. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 148–151. (In Russian)
20. Minnegulov H.YU. Literatura. Istorija tatar s drevnejshih vremyon: V 7 t. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. S. 676–680. (In Russian)
21. Mirgaleev I.M. Materialy po istorii vojn Zolotoj Ordy s imperiej Timura. Kazan', 2007. 108 s. (In Russian)
22. Nedashkovskij L.F. Zolotoordynskij gorod Ukek i ego okruga. M., 2000. 224 s. (In Russian)
23. Piotrovskij M.B. Krasivaya pamyat' ob obshchem proshlom. Sokrovishcha Zolotoj Ordy. SPb., 2000. S. 14–15. (In Russian)
24. Pochekaev R.YU. Zolotaya Orda. Istorija v imperskom kontekste. SPb., 2017. 206 s. (In Russian)
25. Pochekaev R.YU., Uskenbaj K.Z. Ulus Dzhuchi i ego nasledie. Bol'shoj atlas istorii i kul'tury Kazahstana. Almaty, 2008. S. 248–251. (In Russian)
26. Rudenko K.A. Razvitie gorodskoj kul'tury bulgarskoj oblasti Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv. (po dannym arheologii). *Zolotoordynskoe nasledie*. Kazan', 2011. Vyp. 2. S. 333–340. (In Russian)
27. Sabitov ZH.M. O proiskhozhdenii ehtnonima «uzbek» i «kochevye uzbeki». *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2011. Vyp. 4. S. 166–173. (In Russian)
28. Sabitov ZH.M., Kushkumbaev A.K. O novoj paradigme istorii proiskhozhdeniya kazahskogo naroda. Vtoroj kongress istorikov Kazahstana. Astana, 2014. S. 274–283. (In Russian)
29. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. SPb., 1884. 588 s. (In Russian)

30. Trepavlov V.V. Zolotaya Orda v obshchestvennom soznanii i istoriografii. XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoj Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnyh traditsiyah narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g. M., 2017. C. 14–21. (In Russian)
31. Urmanche F.I. Narodnyj ehpos «Idegej». Kazan', 1999. 200 s. (In Russian)
32. Usmanov M.A. Zolotaya Orda: istoki i nasledie. Sokrovishcha Zolotoj Ordy. – SPb., 2000. S. 26–46. (In Russian)
33. Usmanov M.A. Ob osobennostyah rannego ehtapa ehtnicheskoy istorii ulusa Dzhuchi. *Tyurkologicheskij sbornik*. 2001. Zolotaya Orda i eyo nasledie. M., 2002. S. 101–109. (In Russian)
34. Fahrutdinov R.G. Zolotaya Orda i eyo rol' v istorii tatarskogo naroda. Iz istorii Zolotoj Ordy. Kazan', 1993. S. 5–17. (In Russian)
35. Fyodorov-Davydov G.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya. M., 1994. 229 s. (In Russian)
36. Fyodorov-Davydov G.A. Iskusstvo kochevnikov i Zolotoj Ordy: Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evrazijskih stepej i zolotoordynskih gorodov. M., 1976. 228 s. (In Russian)
37. Fyodorov-Davydov G.A. Torgovlya nizhnevolzhskih gorodov Zolotoj Ordy. Materialy i issledovaniya po arheologii Povolzh'ya. Joshkar-Ola, 1998. Vyp. 1. S. 38–59. (In Russian)
38. Hajdarov T.F. Prirodnye i social'no-ehkonomicheskie krizisy v Zolotoj Orde. Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dnej). Almaty, 2016. S. 639–657. (In Russian)
39. Hamidullin B.L. Hazary i ih vassaly glazami sovremennikov. Kazan', 2014. 280 s. (In Russian)
40. SHpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. / Perevod s nemec. yaz. i komment. M.S. Gatina. Kazan', 2016. 500 s. (In Russian)
41. EHNhchimehg C.C. Vzaimootnosheniya CHagatajskogo ulusa i Zolotoj Ordy. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 152–155. (In Russian)
42. EHNhchimehg C.C. K izucheniyu istorii Talasskogo kurultaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Mongol'skaya imperiya (obrazovanie, rascvet, raspad)». Ulan-Bator, 2004. S. 327–335. (In Russian)
43. Gosmanov M.G. Altyn Urda: tarih h em miras. *Miras*. 1993. № 8. 37–47 b. (In Tatar)
44. F hretdinov R. Altyn Urda h em tatarlar. CHally, 1993. 32 b. (In Tatar)
45. Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated by H. Bartlett Wells. Oxford, 1984. 278 p.

About the author: Bulat Khamidullin, Cand. Sci. (History), the head of the Center for the study of the Tatar diaspora, Institute of Tatar encyclopedia and area studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan), e-mail: bulat.antat@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА КОНГРАТСКОГО БЕКА ХАЙДАРА ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ (СЕРЕДИНА 1420 – НАЧАЛО 1440-Х ГГ.)

Ю.В. Зайончковский

*Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры
г. Харьков, Украина
zyvkharkov@gmail.com*

Резюме. В данной статье предпринимается попытка реконструировать политическую карьеру конгратского бека Хайдара на основании информации письменных источников и позднеджучидских серебряных монет, несущих на аверсах имена ханов Давлат-Берди, Мухаммад и Саид-Ахмад. Фотоизображения отдельных монет этих эмиссий были ранее опубликованы, но с неправильным, по мнению автора, прочтением легенд реверса.

Предлагаемая реконструкция легенды оборотной стороны как «Хайдар-бек базар» (на других штемпелях – «Хайдар базар» или «Хайдар базари») позволяет персонифицировать монетный двор, указанный на них, именем главы конгратов Хайдара и, таким образом, значительно дополнить информацию, сообщаемую о нем письменными источниками.

Предположительно в середине 1420-х гг. Хайдар-бек (в Крыму или в Северном Причерноморье) становится беклербеком хана Давлат-Берди, а когда последний в 831 г.х. захватил центральный улус Золотой Орды, предает его, перейдя на сторону Улу-Мухаммада. Можно допустить, что именно это предательство послужило причиной смерти Давлата-Берди и обусловило возвышение Хайдар-бека при дворе Улу-Мухаммада.

Через некоторое время Хайдар предал и Улу-Мухаммада, посадив на престол (около 1433 г.) хана Саид-Ахмада II и занимал при нем должность беклербека до своей смерти в 1441 году. Смерть Хайдар-бека способствовала восхождению на престол в Крыму в 1442 году Хаджи-Гирея и ослаблением позиций хана Саид-Ахмада II.

Ключевые слова: Золотая Орда, нумизматический материал, беклербек, бек Хайдар, Улу-Мухаммад, Саид-Ахмад II.

Для цитирования: Зайончковский Ю.В. Политическая карьера конгратского бека Хайдара по нумизматическим данным (середина 1420 – начало 1440-х гг.). *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 62–75.

В политической истории Золотой Орды XV века, несмотря на достигнутые в последние десятилетия определенные успехи в ее изучении, до сих пор остается немало «белых пятен» и лакун, что обусловлено скудостью доступных исследователям письменных источников. Нельзя не согласиться

с уже высказывавшимся в научной литературе тезисом, что в этих условиях огромное значение приобретают нумизматические памятники [13, с. 151].

Предлагаемая работа имеет целью использование данных нумизматики для реконструкции политической карьеры (в контексте бурного политического процесса того времени) главы конгратов Хайдара, бывшего беклербеком при нескольких джучидских ханах.

Краткое изложение историографии вопроса целесообразно начать с констатации, что впервые один тип дангов хана Саид-Ахмада II с прочтением места выпуска как Хайдар-Базари был представлен в июне 2018 года Ю.В. Зайончковским и В.Е. Тишкиным на V международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы нумизматики в системе специальных отраслей исторической науки» [22].

Соавторы подготовили на английском языке и сдали в печать англоязычную статью, посвященную анализу эмиссий этого кочевого двора. Кратко изложим для русскоязычного читателя содержание и выводы упомянутого исследования.

На настоящий момент автору известно 59 монет этой эмиссии. Применительно к позднеджучидским выпускам – это достаточно большой массив материала, который позволил эффективно применить метод поштемпельного анализа.

Соавторами была реконструирована сетка штемпельных связей, включающая в себя прорисовки оттисков 4 штемпелей аверса и 7 штемпелей реверса, работали 10 штемпельных пар (Рис. 1 [22]).

Фотоизображения некоторых из монет этой эмиссии были ранее опубликованы, но с неправильным, по мнению автора, прочтением легенд реверса [19, с. 62, 42; 7, с. 161, 162, 142, 155].

На аверсах прорисованных дангов размещены имя и титулы джучидского хана Саид-Ахмада II.

Легенды оборотных сторон публикуемых дангов могут быть реконструированы следующим образом (начало легенды расположено в разных местах по окружности).

R1. ضرب حيدر بيك بازار
ЧЕКАН ХАЙДАР-БЕК БАЗАР

R3. ضرب حيدر بازار
ЧЕКАН ХАЙДАР БАЗАР

На других штемпелях (отмечу, что конец легенды на R4 фактически не виден):

ضرب حيدر بازارى
ЧЕКАН ХАЙДАР-БАЗАРИ

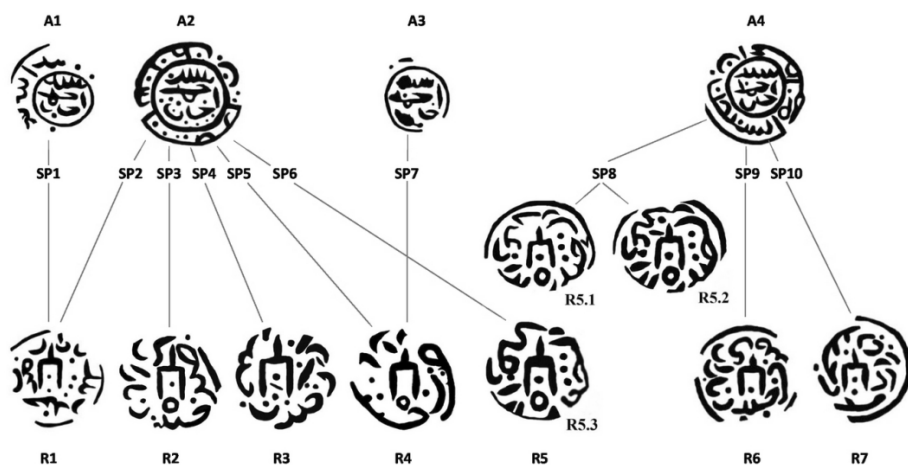

Рис. 1. Штемпельная сетка дангов с обозначением места выпуска как Хайдар-Базари

По информации, любезно сообщенной соавторам Н.С. Сейтягьевым, переводчиком сочинения «Умдет ал-Ахбар» крымско-татарского историка XVIII века Абдулгаффара Кырыми [1], имя конграта Хайдар-бека передано там как قونگرات حيدر بك. Хорезмский историк Утемиш-хаджи в своем труде «Кара таварих», написанном в середине XVI века, также рассказывает о Конграте Хайдаре حيدر ونگرات [17, с. 169]. Соавторы пришли к выводу о персонализации базара, указанного на реверсах прорисованных дангов именем именно этого эмира.

При ханских ставках-ордах в степях, как писал В.П. Юдин, обычно находились большие группы торговцев, ремесленников и прочих представителей средневековой «сферы обслуживания» вместе со своими семьями, прислужниками, юртами, всем своим хозяйством. Они постоянно кочевали вместе с ханской ставкой-ордой и образовывали при ней «кочевой город», иногда очень большой. Такие кочевые города назывались орда-базар, буквально «орда-рынок», естественно в восточном смысле этого слова. Ведь на Востоке рынок был не только торжищем, но и местом производства разнообразной продукции [20, с. 22].

Учитывая тот факт, что значение термина «Орда» – «ставка хана правителя» [20, с. 22], указание места выпуска на реверсах позднеджучидских дангов «Чекан Орду-Базара» можно понимать как констатацию выпуска этих монет в кочевых ставках ханов-джучидов, при которых находился, в том числе, и монетный двор.

Можно согласиться с А.В. Пачкаловым, который в 2007 году правильно предположил, что чеканка монет с указанием места выпуска «Бек-Базар» «производилась в базарах беков (биев), бывших преемниками Едигея при ханах Джучидах» [11, с. 129].

Таким образом, обозначение места выпуска на публикуемых монетах «Хайдар-бек базар», «Хайдар базар» или «Хайдар базари» означает чеканку этих дангов на монетном дворе при кочевой ставке конграта Хайдар-бека.

Информация о персоне конграта Хайдара содержится в дошедших до нас письменных источниках.

Абдулгаффар Кырыми сообщает, что «конграт Хайдар бег, оказавший неповиновение из-за борьбы между вступившим на престол в Крыму Улуг Мухаммад-ханом и Кучук Мухаммадом, в конце концов восстал и посадил на престол сына Джелаледдин-хана – Сейид Ахмада» [8, с. 45].

Произошло это, наиболее вероятно, в 1433 году [2, с. 23] – именно с осени этого года этот джучид упоминается в документах переписки литовского князя Свидригайло как правящий хан [18, с. 177]. А.В. Якушечкин утверждает, что Саид-Ахмад пришел к власти в Крыму на рубеже 1433 – 1434 годов [21, с. 593].

Хайдар находился при Саид-Ахмаде II до самой своей смерти.

В бухгалтерской книге генуэзского казначейства Кафы в записи, датированной 29 марта 1441 году, упоминаются «Saitmacmet» (Саид-Ахмад) и «Audarbi» (Хайдар-бек) [21, с. 587]. На основании этой информации В.П. Гулевич утверждает, что Хайдар в марте 1441 года пребывал в Крыму вместе с Саид-Ахмадом [3, с. 126–127].

А.В. Якушечкин логично (учитывая последующие события) полагает, что «приблизительно в 1441 году умирает Айдар» [21, с. 594].

По В.Д. Смирнову, «предание, которое повторяется всеми турецко-татарскими источниками» [16, с. 212] сообщает: «Затем могущественнейший из эмиров того времени и сторонник Сейид-Ахмед-хана Кункрат-Хайдэр-мурза умер; тогда престиж перешел к Ширин-Тэгенэ-мурзе. А так как у этого Тэгенэ-мурзы была вражда к Сейид-Ахмед-хану, то он, чтобы найти одного из двух пропавших ханычей, поставить его ханом, стал делать розыски и разспросы. Один разумный человек из подданных Гыяс-эд-Дина, отца Хаджи-Герая, знавший о Хаджи-Герая, известил Тэгенэ-мурзу. Тэгенэ-мурза тотчас же отправил упомянутого человека с подвоею к Хаджи-Герая. Хаджи-Герай немедленно по прибытии вошел в общество Тэгенэ-мурзы. Все мурзы, присягнув ему, сделали его ханом. Затем, когда оба хана вступили друг с другом в бой, Хаджи-Герай-хан одолел, а Сейид-Ахмед-хан, будучи побежденным, бежал на Волгу» [16, с. 216].

Таким образом, есть основания утверждать, что конграт Хайдар был беклербеком хана Саид-Ахмада приблизительно в 1433–1441 годах. В силу приведенных выше фактов авторы склонны датировать публикуемую группу монет началом правления хана Саид-Ахмада II, временем когда конграт Хайдар был беклербеком этого хана и когда Хайдар-Базар существовал как таковой.

Завершив обзор статьи Ю.В. Зайончковского и В.Е. Тишкина и переходя к изложению предмета данной работы, приведем фотоизображение (Рис. 2) впервые публикуемой монеты, отчеканенной штемпельной парой 9 (Рис. 1).

Рис. 2. Данг Саид-Ахмада II с обозначением места выпуска как Хайдар-Базари, 0,72 г.

Легенда реверса на ней дана как

ضرب حیدربازاری

ЧЕКАН ХАЙДАР-БАЗАРИ

На Рис 3 воспроизведены также впервые публикуемые изображения дангов хана Улу-Мухаммада.

Рис. 3.1. 0.92 г.

Рис. 3.2. 0.9 г.

Рис. 3. Данги хана Улу-Мухаммада с обозначением места выпуска как Хайдар-Базари

Легенда аверса репродуцированных выше монет может быть реконструирована следующим образом.

السلطان/محمد خان / [الاعظم]

СУЛТАН/МУХАММАД ХАН/ [ВЕРХОВНЫЙ].

Вероятно, рисунок именно этого монетного типа был опубликован (Рис. 4) А.Г. Мухаммадиевым в 1966 году [10, с. 265, рис. 2.66].

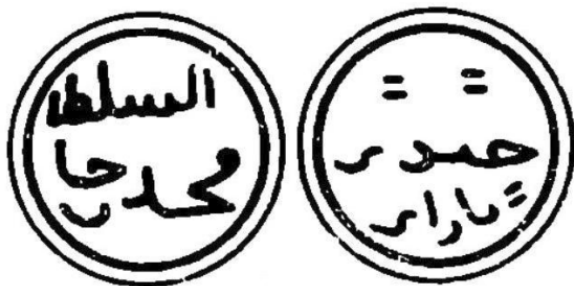

Рис. 4. Рисунок данга Улу-Мухаммада, выполненный А.Г. Мухаммадиевым

Нумизмату были известны два экземпляра таких дангов весом 0.88 и 0.97 г [10, с. 267]. Название центра чеканки монет, указанное на их реверсах А.Г. Мухаммадиев реконструировал (без какой-либо аргументации) как جندی بیک بازاری - «Джиди(?) бик базари» [10, с. 273].

В монографии «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.», изданной в 1983 году, А.Г. Мухаммадиев реконструирует название монетного двора как جیدی بیک بازاری и высказывает предположение, что «судя по весу монет (0.88–0.97 г), Джидибик-Базари находился в Нижнем Поволжье, и, видимо, являлся, ставкой, т.е. ордой, Улу-Мухаммеда. Такие орды часто были полукочевыми» [9, с. 128–129]. Исследователь датирует эти монеты 1421 – 1422 гг., «ибо это название встречается также на монетах хана Барака» [9, с. 128].

Вопрос о названии «Джидибик-Базари» на монетах хана Барака будет рассмотрен ниже, все же сказанное выше позволяет автору не согласиться с

мнением А.Г. Мухаммадиева и предложить прочтение легенды реверса монет на Рис. 3 как:

ضرب حيدر بيك بازار

ЧЕКАН ХАЙДАР-БЕК БАЗАР.

Необходимо прокомментировать написание буквы ح в конце слова во второй строке (которую А.Г. Мухаммадиев ошибочно принял за س). На Рис. 5 приведены примеры подобного написания литеры ح на дангах Дервиша в имени хана аверсе и Абдаллаха в обозначении места выпуска на реверсе.

Рис. 5.1. 0.87 г.

Рис. 5.2. 1.42 г.

Рис. 5. Данги ханов Дервиша и Абдаллаха

Из письменных источников известно, что в начале 1430-х годов конграт Хайдар занимал очень высокое положение при дворе хана Улу-Мухаммада. В послании великого литовского князя Свидригайло «приятелю нашему, милому Князю Павлу, Мистру Прусскому» [6, с. 175], опубликованному Н.М. Карамзиным, говорится, что «царь Магмет» сообщал о «Князе Айдаре» как о своей «правой руке, зяте» [6, с. 176]. Н.М. Карамзин датирует это послание 1432 годом [6, с. 177], В.П. Гулевич – 1431 годом [3, с. 120].

Затем Хайдар предал Улу-Мухаммада. Утемиш-хаджи рассказывает, что когда Улу-Мухаммад пошел войной на Мухаммада б. Тимура и Наврузбека, «Конграт Хайдар обиделся на хана, собрал три тумена кунгратов и отделился от хана и не подчинился ему. Он не пришел на это сражение. После упомянутого сражения силы хана иссякли. Хайдар пошел и поднял ханом Сейид Ахмада, сына Джаббарберди, а Мухаммад хана прогнал» [17, с. 80].

Представляется возможным утверждать, что данги, воспроизведенные на Рис. 3 чеканились в кочевой ставке Хайдар-бека в период пребывания его на должности беклербека хана Улу-Мухаммада. О датировке этой эмиссии будет сказано ниже.

На Рис. 6 воспроизведены данги с именем хана Давлата-Берди на аверсе.

Рис. 4.1.

Рис. 4.2. 0.76 г.

Рис. 6. Данги хана Давлата-Берди с обозначением места выпуска как Хайдар-Базари

Этот монетный тип также был введен в научный оборот А.Г. Мухаммадиевым (Рис. 7 [10, с. 266. Рис 2.80]). Место выпуска было прочитано им как «Джидибик-Базари»; в кладе из деревни Караульная Гора было 136 монет этой группы (с разбросом веса от 0.58 до 1.22 г) [10, с. 267].

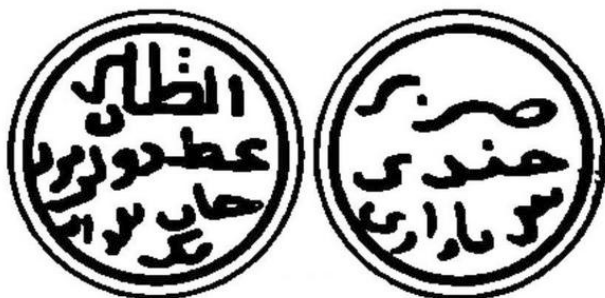

Рис. 7. Прорисовка данга Давлата-Берди, выполненная А.Г. Мухаммадиевым

Позже А.Г. Мухаммадиев предположил, что эти данги были отчеканены «видимо, в бывшей ставке Улу-Мухаммеда, находящейся, судя по весу монет, в Нижнем Поволжье» [9, с. 132].

Согласиться с этими тезисами А.Г. Мухаммадиева не представляется возможным.

Начнем с реконструкции монетных легенд.

На аверсе размещены имя титулы и благопожелание хану Давлат-Берди.

Р.: ... ضرب حيدر بيك بازار...

ЧЕКАН ХАЙДАР-БЕК БАЗАР...

Переходя к рассмотрению исторических обстоятельств осуществления данной эмиссии, и не вдаваясь в изложение перипетий политической карьеры хана Давлата-Берди, констатирую общеизвестные факты.

Арабский историк аль-Айни, занимавший государственные должности при султанах Египта, сообщает, что в марте 1427 года (830 г.х.) в Египет «прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Даулетбирди, состоявшее из прекрасных фраз... Привезший это письмо сообщил, что в землях Дештских большая неурядица и что три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулетбирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем, другой, Мухаммедхан завладел Сараем и принадлежащими

к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [15, с. 533–534].

831 год хиджры (22.10.1427–10.10.1428) стал кульминацией политической карьеры Давлата-Берди – он «захватывает центральный улус, чеканит монеты в Хаджи-Тархане и Сарае» [5, с. 718]. Можно согласиться с М.Г. Сафаргалиевым, утверждавшим, что «вскоре после этого он исчез с политической арены, уступив все занятые им земли Улук-Мухаммеду. Ко времени написания письма Улук-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (14 марта 1428 г.) Давлет-Берди уже не было в живых, в противном случае в письме упоминалось бы о нём» [14, с. 234].

Рис. 8. Данг Давлата-Берди, чеканенный Хаджи-Тархане в 831 г.х., 0.70 г.

Принимая во внимание хаджи-тархановский данг, датированный 831 г.х. (Рис. 8) и помня о том, что 831 год начался в конце октября 1427 г., конец царствования Давлат-Берди можно (с определенной степенью вероятности) отнести к первым месяцам 1428 года. Информация летописного «Евреиневского списка» в целом подтверждает такую датировку, относя смерть «Довледберди на црствъ» за некоторое время до кончины Витовта в октябре 1430 года (после смерти Давлат-Берди к Витовту «пришли... кнзи ординские в Киев со многими дарми и просили себе инога цря и он дал им цря Махмета») [4, ст. 395].

Об обстоятельствах, приведших к смерти Давлат-Берди, случившейся на взлете его политической карьеры, как и о его беклербеке в то время, никакой информации в письменных источниках автору обнаружить не удалось.

Однако существуют нумизматические источники – данги, воспроизведенные на Рис. 6. Обозначенное на них место выпуска «Хайдар-бек Базар» позволяет обоснованно предположить, что Хайдар-бек занимал при дворе Давлат-Берди такую же должность как и при ханах Улу-Мухаммаде и Саиде-Ахмаде. Датировать начало его беклербекство можно приблизительно серединой 1420-х гг.

В 831 г. (1428, возможно также – в самом конце 1427 года) Давлат-Берди внезапно сходит с политической арены, «практически все государство достается Улук-Мухаммеду» [5, с. 718]. И, как уже говорилось, конграт Хайдар становится «правой рукой» и зятем последнего.

Пять лет спустя глава конгратов предал Улу-Мухаммеда и посадил на престол хана Саид-Ахмада.

Подобное поведение татарских эмиров XV века, регулярно предававших ханов, которым они служили, было обычным делом. Так, например, Р.Ю. Рева полагает, что внук Идегея Ваккас был беклербеком ханов Абу-л-хайра, затем – Махмуда б. Мухаммада б. Тимура, снова Абу-л-хайра, Мустафы и опять Абу-л-хайра [13, с. 155].

Итогом сказанному будет предположение, что причиной гибели хана Давлат-Берди был его беклербек Хайдар, устроивший заговор по устранению хана-триумфатора в интересах его основного политического противника на тот момент – Улу-Мухаммада. Результатом убийства Давлата-Берди стало возвышение Хайдара при дворе Мухаммада и чеканка монет на Рис. 3.

Предваряя выводы данной статьи, необходимо рассмотреть вопрос о дангах хана Барака, приписываемых А.Г. Мухаммадиеву к чекану «Джидибик-Базари». Нумизмату были известны «семь монет, чеканенных в Джидибик-Базари, в котором, как было отмечено, выпускались монеты и от имени Улу-Мухаммеда» [9, с. 132], вес которых колебался в пределах 0.51 – 0.88 г [9, с. 125]. А.Г. Мухаммадиев опубликовал «легенду» этого «дирхема» (Рис. 9) [9, Таб. XIX, №7].

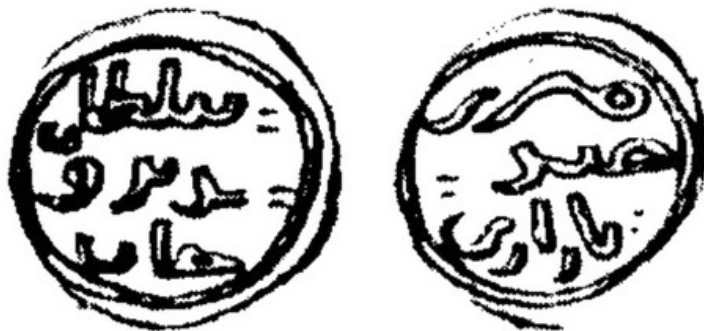

Рис. 9. Рисунок данга Барака, выполненный А.Г. Мухаммадиевым

Автору не известен такой монетный тип. В статье Р.Ю. Рева, посвященной монетам Барака, также отсутствует упоминание дангов, на реверсе которых размещена легенда, которую А.Г. Мухаммадиев читал как «Джидибик-Базари». На Рис. 10 приведена прорисовка монеты, выполненная Р.Ю. Ревой [12, с. 86, №45], и условно атрибутированной как продукция двора «Джидибик» Базари? с комментарием «написание монетного двора разнится с приведенным у Мухаммадиева» [12, с. 85].

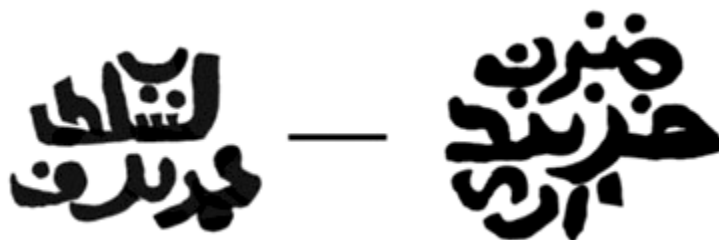

Рис. 9. Прорисовка данга Барака, выполненная Р.Ю. Ревой

Таким образом, необходимо констатировать, что на настоящий момент не представляется возможным рассматривать существование серебряных монет Барака с обозначением места чеканки «Джидибик-Базари» как установленный факт и, следовательно, подвергать их анализу, учитывать при реконструкции политического процесса. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Достоверно известные же нумизматические памятники позволяют реконструировать основные этапы политической карьеры главы конгратов Хайдара.

Приблизительно в середине 1420-х гг. Хайдар-бек (в Крыму или в Северном Причерноморье) становится беклербеком хана Давлат-Берди, а когда последний в 831 г.х. захватил центральный улус Золотой Орды, предает его, перейдя на сторону Улу-Мухаммада. Можно предположить, что именно это предательство послужило причиной смерти Давлата-Берди и обусловило возвышение Хайдар-бека при дворе Улу-Мухаммада.

Затем Хайдар предал и Улу-Мухаммада, посадив на престол (ок. 1433 г.) хана Саид-Ахмада II и занимал при нем должность беклербека до своей смерти в 1441 году. Смерть Хайдар-бека способствовала восхождению на престол в Крыму в 1442 году Хаджи-Гирея и ослаблением позиций хана Саид-Ахмада II.

Список литературы

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. II. Из истории крымских ханов (правление Хаджи Гирия, Менгли Гирия, Мухаммед Гирия I и Саадет Гирия I): Пер. с османско-турецкого Н.С. Сейтягьева // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 207–213.
2. Гайваронский О. Повелители двух материков. Т. 1. Крымские ханы XV – XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. К.: Майстерня книги, 2010. 400 с.
3. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 110–146.
4. Евреиновский список. Книга Великого Княжства Литовскага и Жемоицкаго // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. Ст. 357–412.
5. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
6. Карамзин Н.М. История Государства Российскаго. – Издание второе, исправленное. Т. 5. СПб.: В типографии Н. Греча. Изданием братьев Слениных, 1819. 412, 284 с.
7. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. К.: Академперіодика, 2007. 190 с.
8. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 35–60.
9. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 166 с.
10. Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века // Советская археология. 1966. № 2. С. 259–273.
11. Пачкалов А.В. О монетах «Бик-Базара» и «Тимур Бик-Базара» (Джучиды, XV в.) // Российская археология. 2007. № 2. С. 128–133.

12. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. 2015. № 5. С. 80–104.

13. Рева Р.Ю., Недайвода А.В. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большой Орды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.16. № 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2017. С. 151–159.

14. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.

15. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / [сост. В. Тизенгаузен]. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб: Типография ИАН, 1884. 563 с.

16. Смирнов В.Д. Крымское ханство под веховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб: Университетская типография в Казани, 1887. 769 с.

17. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

18. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М.: Наука, 2001. С. 172–196.

19. Хромов К.К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в Нижнем Поднепровье // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Часть I. Монеты Джучидов XIII–XV вв. К., 2004. С. 34–57.

20. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме/ Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.

21. Якушечкин А.В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. Т.4. № 3. С. 580–601.

22. Zayonchkovskiy Yuriy, Tishkin Vladimir Regarding the Issue of Personified Names of Mints on the Late Jochi Silver Coins // Актуальні проблеми нумізматик у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей V міжнародної науково-практичної конференції, 21–22 червня 2018 р. – Меджибіж – Переяслав-Хмельницький – Кропивницький – Київ, 2018. С. 72–75.

23. Zayonchkovskiy Yuriy, Tishkin Vladimir New Non-Jochi Name On Late Jochi Coins: Dangs Of Khan Said-Ahmad Ii With The Designation Of Haydar-Bazari As The Place Of Coinage. [В печати].

Сведения об авторе: Юрий Валентинович Зайончковский, доцент кафедры украиноведения Харьковского национального университета строительства и архитектуры (61002, ул. Сумьска, 40, Харьков, Украина), e-mail: zuykharkov@gmail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**POLITICAL CAREER KUNGRAT BEY HAYDAR
IN NUMISMATIC DATA (MID-1420 – EARLY 1440'S.)**

Yu. Zayonchkovskiy

National University of Construction and Architecture Kharkov

Kharkov, Ukraine

zyv_kharkov@mail.ru

Abstract. This article attempts to reconstruct the political career of the kongrat's Bek Haidar on the basis of information from written sources and late-juchid silver coins bearing the names of the khans Davlat-Berdi, Muhammad and Said-Ahmad on the obverse. Photo images of individual coins of these issues were previously published, but with the wrong, according to the author, reading the legends of the reverse.

The proposed reconstruction of the legend of the reverse side coin as "Haidar-Bek Bazaar" (on other coin stamps – "Haidar Bazaar" or "Haidar Bazaar") makes it possible to personify the mint indicated on them by the name Haidar of the head of kongrats and, thus, significantly supplement the information reported about it by written sources.

Presumably in the middle of the 1420-ies. Haidar Bey (in the Crimea and Northern black sea region) becomes beklerbegi of Khan Dawlat-Birdie, and when the last in 831 H. H. seized the Central ulus of the Golden Horde betrays him, turning to the side of the Ulu Muhammad. It can be assumed that it was this betrayal that caused the death of Davlat-Berdi and led to the rise of Haidar Bek at the court of Ulu Muhammad.

After some time, Haidar betrayed Ulu Muhammad, placing on the throne (about 1433) of Khan said-Ahmad II and held the post of beklerbek until his death in 1441. The death of Haidar-Bek contributed to the ascension to the throne in the Crimea in 1442 of Haji Giray and the weakening of the position of Khan said-Ahmad II.

Keywords: Golden Horde, numismatic material, beklerbek, Bek Haidar, Ulu-Muhammad, Said-Ahmad II.

For citation: Zayonchkovskiy Y. Political Career Kungrat Bey Haydar in Numismatic Data (Mid-1420 – Early 1440's). *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 62–75. (In Russ.)

References

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-ahbar. II. Iz istorii krymskih hanov (pravlenie Hadzhi Giraya, Mengli Giraya, Muhammed Giraya I i Saadet Giraya I): Per. s osmansko-tureckogo N.S. Sejtyag'eva. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015. № 4. S. 207– 213. (In Russian)

2. Gajvaronskij O. Poveliteli dvuh materikov. T. 1. Krymskie hany XV–XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy. K.: Majsternya knigi, 2010. 400 s.

3. Gulevich V.P. Severnoe Prichernomor'e v 1400–1442 gg. i vozniknovenie Krymskogo hanstva. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2013. № 1. S. 110–146. (In Russian)
4. Evreinovskij spisok. Knga Velikogo Knyazhstva Litovskag i ZHemoickago // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 17. Zapadnorusskie letopisi. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1907. St. 357–412. (In Russian)
5. Zolotaya Orda v mirovoj istorii. Kollektivnaya monografiya. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2016. 968 s. (In Russian)
6. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossijskago. Izdanie vtoroe, ispravlennoe. T. 5. SPb.: V tipografii N. Grecha. Izhdiveniem brat'ev Slyoninyh, 1819. 412, 284 s. (In Russian)
7. Majko V.V. Kyrk-Erskij klad gorodishcha CHufut-Kale v YUgo-Zapadnom Krymu. K.: Akademperiodika, 2007. 190 s. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Obzor sochineniya Abdulgaffara Kyrymi «Umdet al-ahbar». *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2014. № 2 (4). S. 35–60. (In Russian)
9. Muhamadiev A.G. Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv. M.: Nauka, 1983. 166 s. (In Russian)
10. Muhamadiev A.G. Dva klada tatarskikh monet XV veka. *Sovetskaya arheologiya*. 1966. № 2. S. 259–273. (In Russian)
11. Pachkalov A.V. O monetah «Bik-Bazara» i «Timur Bik-Bazara» (Dzhuchidy, XV v.). *Rossijskaya arheologiya*. 2007. № 2. S. 128–133. (In Russian)
12. Reva R.YU. Muhammad-Barak i ego vremya. Obzor numizmaticheskikh i pis'mennyh istochnikov. *Numizmatika Zolotoj Ordy*. Nauchnyj ezhegodnik. 2015. № 5. S. 80–104. (In Russian)
13. Reva R.YU., Nedajvoda A.V. Monety s imenem amira Vakkasa i dva pravleniya Mahmuda, hana Bol'shej Ordy. *Vestnik NGU*. Seriya: Istoriya, filologiya. T.16. № 7: Arheologiya i ehtnografiya. Novosibirsk, 2017. S. 151–159. (In Russian)
14. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 278 s. (In Russian)
15. Sbornik materialov, odnosyashchihsy k istorii Zolotoj Ordy / [sost. V. Tizengauzen]. T.1. Izvlecheniya iz sochinenij arabskikh. SPb: Tipografiya IAN, 1884. 563 s. (In Russian)
16. Smirnov V.D. Krymskoe hanstvo pod vekhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII v. SPb: Universitetskaya tipografiya v Kazani, 1887. 769 s. (In Russian)
17. Utemish-hadzhi. Kara tavarih / Transkripciya I.M. Mirgaleeva, EH.G. Sajfetdinovoj, Z.T. Hafizova; perevod na russkij yazyk I.M. Mirgaleeva, EH.G. Sajfetdinovoj; obshchaya i nauchnaya redakciya I.M. Mirgaleeva. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2017. 312 s. (In Russian)
18. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoj Evropy v seredine XV veka (1430–1460). Slavyane i ih sosedi. Slavyane i kochevoj mir. Vypusk 10. M.: Nauka, 2001. S. 172–196. (In Russian)
19. Hromov K.K. Monetnyj dvor vtoroj chetverti XV veka «Orda Bazar» v Nizhnem Podneprov'e. Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikacij. CHast' I. Monety Dzhuchidov XIII–XV vv. K., 2004. S. 34–57. (In Russian)

20. YUdin V.P. Ordı: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya // Utemish-hadzhi. CHingiz-name/ Faksimile, perevod, transkripciya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie V.P. YUDina. Kommentarii i ukazateli M.H. Abuseitovoj. Alma-Ata: Gylym, 1992. S. 14–56. (In Russian)

21. YAKushechkin A.V. K voprosu ob obstoyatel'stvah prihoda k vlasti Hadzhi-Gireya. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2016. T.4. № 3. S. 580–601. (In Russian)

22. Zayonchkovskiy Yuriy, Tishkin Vladimir Regarding the Issue of Personified Names of Mints on the Late Jochi Silver Coins // Aktual'ni problemi numizmatiki u sistemi special'nih galuzej istorichnoï nauki: tezi dopovidej V mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferenciï, 21 – 22 chervnya 2018 r. – Medzhibizh - Pereyaslav-Hmel'nic'kij – Kropivnic'kij – Kiïv, 2018. S. 72–75.

23. Zayonchkovskiy Yuriy, Tishkin Vladimir New Non-Jochi Name On Late Jochi Coins: Dangs Of Khan Said-Ahmad Ii With The Designation Of Haydar-Bazari As The Place Of Coinage. [V pechatı].

About the author: Yuriy Zayonchkovskiy, Associate Professor, Department of Ukrainian Studies, Kharkov National University of Construction and Architecture (40, Sumska Str., Kharkov 61002, Ukraine), e-mail: zvykharkov@gmail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

КУЧУМ И ЕРМАК: ДВА СЦЕНАРИЯ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА, И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СУДЬБАХ МУСУЛЬМАН

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет

г. Тюмень, Российская Федерация

ayakov@rambler.ru

Резюме. Мусульмане во фронтире времени Кучума и Ермака выступали как *subjectum*, так и *object* действия. Все зависело от роли, которую им отводили, или которую они сами хотели сыграть в той или иной исторической ситуации. Даже состав противников не выравнивался по религиозному признаку: в дружине Ермака имелись не только православные славяне, но и татары, манси, коми, «литва» и «немцы», а Кучум объединил под знаменами мусульман и «язычников», которые позднее, преследуя свои интересы, отказались от борьбы, предпочитая оказаться под властью «иноверцев». И в том и в другом стане имелись люди, движимые не только воинским долгом, но и жадной наживы и авантюрных приключений.

Долгое время в политически неразграниченном, слабо освоенном пространстве Сибири (поле нашего исследования) жили постоянно и / или мигрировали (кочевали), иногда с военной целью, различные группы местных и пришлых мусульман. Сибирские политии (ханство, княжество/ улус) объединяли сторонников архаичных верований («язычников») и мусульман, но ислам так и не стал на этой территории государственной религией. Более определенно можно говорить о месте мусульман в реалиях фронта в процессе вхождения (разновременного и неоднозначного) различных частей Северной Азии (и их населения) в состав государства, из Московского ставшего Российским.

Ключевые слова: XVI век, Сибирь, Ермак и Кучум, мусульмане, фронт.

Для цитирования: Ярков А.П. Кучум и Ермак: два сценария сибирского фронта, и их отражение в судьбах мусульман. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 76–92.

Задолго до правления Кучума Сибирь привлекала внимание среднеазиатских ханов. Интерес вновь возник во второй половине XVI в., когда политика стала направлена на поддержку торговли. В тот период правитель Бухары Абдулла вёл борьбу за объединение земель и создание централизованного государства, где ислам идеологически обеспечивал потребности власти. В дальнейшем по мере усиления и расширения этого ханства созданы еще более благоприятные условия для развития связей. Однако они не всегда дружественны: Абдулла пытался отделить от России заволжских ногайцев

(Ногайская Орда катилась к закату). Абдулла по мере сил вмешивался и во внутренние дела Сибири, где активно поддерживал не только миссионерское движение, но и интриги¹, предоставив миссионеров и освободившееся (в какие-то отрезки времени) войско: содержание ориентированной на битвы массы людей внутри собственных границ равносильно политической и экономической катастрофе. Для Кучума же тесный союз с Центральной Азией давал надежду на военно-политическую и идеологическую поддержку, обеспечивал прочность торговых связей. Однако после разгрома поволжских ханств бывшие связи ослабли, оппозиция в Бухаре создала серьезную опасность, а расширение деятельности миссионеров привело недовольству части сибирского населения [1, с. 250]. Однако Москва, несмотря на своевременную уплату дани, усилила продвижение на восток, а русские купцы и промышленники в тот период все чаще проникали вглубь Сибири. В основе этого лежали многие причины, в т. ч. экономические.

Расширение границ Русского государства за счет присоединения к нему поволжских ханств привело к тому, что «цепь татарских юртов, простиравшаяся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана» [2, с. 89].

В широком смысле две личности – Кучум (Кучум бен Муртаза) и атаман Ермак / Юрмак / Ермолай (Ермак Тимофеев/ич) в аспектах исторической памяти оцениваются как символы двух сценариев фронта, противоположных миров и ментальностей, религиозно-политического и военно-технического соперничества. Характерна легенда об отчаянии Кучума, потерявшего в бою дружину: «О, Аллах, видишь ли ты, что не сам не сам отдал я Сибирь, а взял у меня ее Ермак!» [3, с. 54].

Одновременно история противостояния символизирует и продолжавшуюся в XVI в. историю взаимоотношений Европы и Азии, что базируется и на разности природно-хозяйственных типов. Данное пространство стало ареной важнейших для Европы и Азии процессов, олицетворением которых стали два человека.

О Кучуме и Ермаке довольно сложно говорить в категориях прогрессивных или реакционных явлений, однако этих деятелей представляется возможным сопоставить по типологии ролей, которые каждый из них сыграл в истории края².

Согласно положениям синергетики, иные личности с активной жизненной позицией при определенных обстоятельствах порождают *другую* историю, определяя весь дальнейший ход событий [4, с. 50]. Однако появление личности на историческом горизонте обязательно связано с предшествующим периодом ее развития в конкретном, специфически устроенном социуме, обстоятельствами эпохи и взаимоотношениями с другими личностями. При этом участие личности в происходящих событиях может быть прямым или

¹ Причины двойственной политики понятны: в первой половине XVI в. Тайбугиды и Шибаниды вели междоусобную борьбу.

² Известно, что различают следующие роли: по степени новаторства; по наличию или отсутствию выбора; по характеру совершенных действий – индивидуальных или согласованных с государственной идеологией и т. д.

опосредованным, а память о ней короткой или многовековой. Становится очевидным, что иные личности после своего ухода превращались в мифы и культурные герои [5, с. 139]. Немногие имена сохранялись в текстах летописей и шежере (сачара), а остальная (основная!) часть населения оставила после себя лишь прах и короткую память потомков.

Кучум и Ермак схожи по харизме и таинственности происхождения. Пришедшие завоевать край, они остаются объединяющим и, одновременно, разделяющим «рубезом» для многих сибиряков¹. В этом отношении интересна интерпретация событий, отраженная в предании: «"Да!" – начал меланхолически полуслепой сухой старик, казавшийся тенью, вышедшей из могилы, осененной столетними березами, – да, не хотел царь Кучум стариков слушать ... не хотел и погубил свое царство ... Бежал к нему Ермак, от русского царя бежал...» [6, с. 29]. В какой-то мере этот феномен нашел объяснение: «...когда система оказывается на распутье, в ее организованном хаосе начинают проглядывать альтернативные траектории эволюции, тут открывается поприще для исторических деятелей – делателей истории» [7, с. 19]. Остается задача: объяснить логику поступков людей, отдаленных от нас не только веками, но также иной системой духовно-нравственных координат и мерилom определения субъекта.

Кучум объединил подданных в согласованное сообщество. У него, как и у Ермака, очевидно стремление к личным заслугам, обеспечивающим дальнейшее благополучие. Но если для Кучума обретаемое пространство равнозначно сохранению старого (династийное право на наследие), то для второго – приобретению нового, но для царя².

Ермак и Кучум непримиримы, поскольку их добыча – расширяющееся пространство, от которого зависели ожидания множества людей. Объективно оно не стало принадлежать ни одному из них: от их противоборства зависел лишь выбор путей фронтиров.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходила естественная трансформация от монолога (конфронтации) к диалогу, несмотря на то, что за мировоззренческими позициями масс нередко скрывались политические, социальные и экономические интересы элит³. Предполагается, что иные взгляды на место религии в жизни, кроме исламских, также имели право на существование. Традиционный образ неверных в русских источниках при оценке противостоявших сибиряков подразумевал не только мусульман, но и «язычников», сторонников архаичных верований, которых значительно больше в Западной Сибири. Таким образом, противостояние Ермака и

¹ Показателен раскол общества, произошедший при обсуждении вопроса о переименовании г. Ермак в Казахстане в 1990-е гг. или о сооружении в Тюмени памятника атаману в 2000-х гг.

² Ермак, доказано, не претендовал на роль правителя Сибири [8, с. 136].

³ Отметим, что понимание коренными сибиряками «докучумовой» истории сложилось на основе ощущения доисламской категории времени, которое воспринималось как неопределенное, бесконечное, объективно существующее, непрерывное и линейное.

Кучума – это не отражение «войны религий», а образ столкнувшихся на этом пространстве разных миров.

Ошибочно мнение, что царство Кучума являлось «только тенью Казани и Астрахани». Однако стоит признать, что действительно «сибирские ханы в разное время признавали сюзеренитет бухарских или даже казанских ханов» [9, с. 309]. Время прихода Кучума к власти непростое: поволжские ханства разгромлены, местные беки и князья, пользуясь нестабильностью, не хотели подчиняться пришлому хану. Тем более что некоторые источники сообщают, что первоначально власть хана распространена только до устья Туры¹. В улусах, прилегающих к Цынги(Чимги)-Туре, позиции местной знати сильнее, и, чтобы укрепить свое положение, новый правитель раздавал угоды князьям, мурзам, карачи и др.

Кучуму удалось не только преференциями, но и репрессиями, принуждением, подчинить местную элиту и, взойдя на престол, вести активную политику по расширению границ государства, не обращая внимания на профессиональную принадлежность противника. Вера «не мешала» мусульманам воевать друг с другом. Так, с помощью пришедших из Бухары и местных наемников (их содержание возлагал на князей и мурз) Кучум воевал с казахскими племенами [11, с. 63].

Как заметил С.А. Чернышов: «...дискуссия о границах Сибирского ханства сводится к решению вопроса о том, что считать территорией этого политического объединения – земли и податное население, непосредственно подчиняющиеся хану, или все податные единицы (например, югорские княжества) и их правителей, связанных с ханом вассальными отношениями» [12, с. 110]. Действительно, южные границы ханства терялись в степных даях. Казахские кочевые группы периодически появлялись в верховьях Тобола, Иртыша и Ишима [13, с. 131] и захватывали приишимские улусы. Большая часть Барабинской степи – в составе владений Кучума, а городок Тонтур – ставка его наместника – мурзы Тарлава. Стремясь обезопасить свои границы, хан приказал устроить в верховьях Иртыша городок-крепость Кипа-Кулары (Казанцы, Йери).

Восточная граница доходила до Оми и почти до левого берега Оби. Чаты, проживавшие по левому берегу Оби, находились в определенной зависимости от ханства, но, по-видимому, это были не подданные, а союзники. Хотя имеются сведения, о том, что угры платили ясак Кучуму, стремившемуся распространить среди них ислам [14, с. 43]. Восточный сосед ханства, состоявший с ним в унии – племенное объединение нарымских селькупов, названное русскими Пегой Ордой [15, с. 128], осталось в «язычестве».

На этом «фоне» С.С. Тихонов посчитал, что: «...для точного определения границ ханства Кучума необходимо определить, что значит термин "граница территории". В современной понимании это рубеж, маркированный каким-то образом ..., линия, отделяющая одно смежное владение от другого. <...> Однако в то время границы не были маркированы как современные,

¹ Есть мнение, что наименование «Тюменский и Сибирский хан» отражает двухсоставное государство [10, с. 143].

поэтому ее можно проводить либо по линии, соединяющей крайние населенные пункты с принадлежащими им территориями, либо по границам влияния/владения (?) государственного образования, которое могло быть значительно большим по территории...» [16, с. 105].

В этой связи, заметим: для определения постоянно трансформировавшегося в XVI–XVII вв. политического пространства, А.Ю. Быков ввел понятие «пульсирующее образование» [17, с. 53].

Среди населения ханства шли активные процессы, в т. ч. «подстегиваемые» переселением лишь недавно обращенных в ислам казахов [18, с. 207], а также имевших большой религиозный опыт бухарцев. Это способствовало консолидации. И это не уникальное явление в мировом или региональном масштабе: можно предположить, что причинами стали не только хозяйственно-экономический уклад и потребность в объединении, но и принятие большей частью населения ислама как идеологии¹.

Эта же религия стала одним из факторов, активизировавшим, с помощью Кучума и миссионеров, этнокультурные процессы, нейтрализовав противников (из оставшихся Тайбугидов).

Допускаем, что одной из причин миграции тюрков из Поволжья стал религиозный фактор, вернее – давление со стороны воевод и православных миссионеров. В тот период сибирский хан вместе с ногайскими правителями претендовал на власть над башкирами [19, с. 450] и, соответственно, приглашал поволжских единоверцев [20, с. 388–394].

В территориальных претензиях ханству не уступало государство с концепцией «Москва – третий Рим». Поэтому в мае 1574 г. Иван IV грамотой пожаловал в вотчину Строгановым все земли по рекам Лозьве, Тавде и Тоболу, что составляло половину территории Сибирского ханства. Промышленникам на 20 лет предоставлены льготы на все подати в царскую казну. Передавая эти земли, царь, по сути, юридически подчеркивал, что они являются владениями его вассальных князей Тайбугидов, а Кучум, якобы, правит незаконно. К тому же (в понимании царя) эти земли подходили под понятие «пустых»: «...на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» [21, с. 168].

Решение царя могло быть спровоцировано походом 1573 г. под руководством Маметкула (Мохаммад-Кули) – племянника Кучума – на Великую Пермь, что привело к разрыву отношений с Москвой: «...пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ... города и повости пограбил и пожег». По другой версии Маметкул не дошел до Перми, а пограбил окрестности: «...с Тобола де приходил ... Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куда идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в поло повели» [22, с. 332].

Для «ответа» на «вызов» Кучума у царя уже были Строгановы с их «интересом». Следует учесть, что авторы Строгановской летописи, в отличие

¹ Необходимо признать, что многие аборигены Сибири, ведущие кочевой образ жизни, не имели в своем «мировоззренческом арсенале» такой консолидирующей идеи.

от иных источников, мотивировали движение на восток постоянной агрессией ногаев и сибиряков [23, с. 2–8], чем обосновали возможный военный «ответ». Предположительно в августе-сентябре 1582 г. Строгановы отправили на восток 540 (или более) «воев»¹. Заметим особо, что в отличие от православных, имевшиеся в отряде «инославные» обходились без духовных наставников, но, приняв присягу, все они исполняли воинский долг.

Сражение, определившее судьбу евразийского пространства в контексте конфликта двух сценариев фронта, произошло 23 октября 1582 г. Часть войск под руководством Маметкула заняла позиции на низком берегу Иртыша, надеясь остановить отряд Ермака на подступах к столице. Из описания битвы на Потчевашском мысу следует, что ермаковцы держались с Божьей помощью и потому «...одолели приносивших жертвы да проповедовавших язычество безбожных бусурман» [24, с. 73].

Кучум готовился прикрыть Маметкула и лично руководил войском, морально вдохновленным молитвой [25, с. 33], после чего занявшего позиции на вершине мыса. Однако огнестрельное оружие вновь помогло дружине.

На другой день, 24 октября, сибирский правитель попытался собрать уцелевших, но его уже покинули хантыйские князья, а на следующий день ушли манси. Маловероятно, что в основе этого «предательства» лежало вероисповедное различие. Скорее всего, князьки просто приняли решение сохранить себя и подданных, а чужой правитель (в результате) стал своим.

Кучум, поняв безысходность создавшегося положения, вернулся в Искер, забрал гарем из жен и наложниц, казну, имущество, скот и в ночь с 25 на 26 октября покинул столицу. Вместе с ханом ушли преданные люди из Потчеваша, Бицик-Туры, Сузгуна [22, с. 231]. Легенды гласят, что и в селениях Саускан и Абалак-тау внезапно тогда распространилась весть: «По Тоболу идут неверные!», и жители, обезумев от страха, бежали в лес, где жили в землянках [26, с. 155].

Ермаковцы готовились взять Искер с боем, но 26 октября вошли уже в опустевшее поселение и нашли добычу: не только меха, но и продовольствие [23, с. 135]. Скорее всего, они увидели в покинутой столице приметы мусульманской культуры, но сомнительно, что стали целенаправленно уничтожать их. Основания для такого предположения есть: бытует мнение, что, завоевав столицу, Ермак рассматривал себя новым беком, а не представителем Строгановых или русским наместником, ссылаясь на то, что беком его признали предводители некоторых угорских и тюркских племен и уделов, которые дали «по своей вере шерть» [25, с. 34]. Сомнительно, однако, что у Ермака и первых российских администраторов был на руках Коран (чтобы клятва стала «законной»), но мулл привлечь для этой важной акции можно было.

Заметим, что и уничтожение святынь в данном случае могло стать побудительной причиной для восстания и нарушения зыбкого равновесия

¹ Именованье всех их казаками условно, хотя с похода Ермака берет отсчет Сибирское казачье войско. Они заимели жалованье, продовольствие и одежду, обеспечились оружием и боеприпасами, получили проводников, знавших сибирский путь, и толмачей, владевших тюркскими и угорскими языками.

сил. Потому маловероятно, что позиция летописей о «низвержении ермаковской дружиной идолов и мечетей» соответствует логике поступков людей конца XVI в., исходя из расстановки сил в XVII в.

Тот факт, что дружина заняла столицу и городки, а с окрестных жителей стала два года подряд собирать ясак, не означал, что ханство перестало существовать [27]. Для жившего долгое время в Степи Кучума (как и его предшественников на сибирском троне) столица – не обязательно поселение. Поэтому откочевал со «своей столицей» – верными людьми – на Омь и в Барабинские степи, где продолжал править и тоже собирать ясак. Заметим, что ясак в тех условиях являлся не только подтверждением политического подчинения и экономического принуждения, но и признаком взаимозависимости двух субъектов, которое не всегда отражено в документах или в устной присяге.

Для Российского государства это время неблагоприятно для сибирского фронта: на западе продолжалась Ливонская война, а крымские ханы, раздосадованные взятием Казани и Астрахани, совершили четыре похода на Москву. Лишь спустя время Иван IV вернулся к активной политике на востоке. Тайбугиды, между тем, начали междоусобную борьбу, а племянник свергнутого в 1563 г. Йадигара Сейдяк двинулся из Бухары в Сибирь, усложнив положение: одни вассалы покидали ставку, а оставшиеся разделены [23, с. 344].

Откочевавший в Степь Кучум собирал силы, вызывая мурз. Стремясь выманить противника, хан распространил слухи о том, что задержал торговый караван бухарцев. Узнав об этом, Ермак на стругах с отрядом в 150 чел. спешно направился вверх по Иртышу. В ночь с 5 на 6 августа 1584 г. близ устья р. Вагай отряд подвергся неожиданному нападению, а раненый Ермак в тяжелом панцире перевернулся на струге и утонул [28, с. 155].

Время Кучума и Ермака нельзя назвать осевым в полном смысле термина, однако этот период очень важен для определения «точки бифуркации» евразийских процессов, учитывая, что внимание к роли этих людей не направлено на легитимизацию прав хана или оправдание действий атамана. Вот почему правление Кучума и появление в крае Ермака можно считать временем смены темпоритма.

Этот период времени в крае ознаменовался явлением двух мировых религий и активной деятельностью их носителей. Возможно, противостояние – лишь «частный эпизод» [29, с. 62], или же отражение межцивилизационной мусульмано-христианской конфронтации, причины которой – в религиозных расхождениях [15, с. 72]? Можно ли предположить, что в XVI в. здесь происходили те события, что подвигли Н.Д. Макиндер отнести и Западную Сибирь к «географической оси истории» [30]?

Особенности исторической периодизации применительно к Западной Сибири (точнее, к древней и средневековой истории Алтая) изложены в работе А.А. Тишкина [31], а К. Ясперс отмечал, что «попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям», однако в своей концепции четырех эпох всемирной истории выделил

«осевое время» (800–200-е гг. до н. э.), когда мир состоял из осевых народов – китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков. Они сформировали три культуры – индийскую, китайскую и культуру «Восток–Запад», которая позднее разделилась на Запад, Византию и ислам [32, с. 52].

«Осевое время» существовало и в Западной Сибири [33, с. 87–90]. И, хотя существовало тесное общение между различными областями, в XVI в. мировая история «делалась» не в Сибири. Исламские государства стремились стать активными политическими «игроками» в Центральной Азии, а Османская империя даже претендовала на захват европейских земель. Находившееся на периферии исламского мира Сибирское ханство обладало огромными природными ресурсами, но из-за политической и экономической слабости, отсутствия выходов к морю не играло активной роли в евразийской политике. Да и более могущественное Русское государство не нарушало «равновесия» между восточным и западным векторами до тех пор, пока у него не появились территориальные приобретения в Азии, обеспечившие потребность в пушнине для всей Европы.

Кучум подозревал Москву в агрессивных планах и стремился найти опору в Бухарском ханстве, при поддержке которого он пришел к власти в Сибири. Для укрепления связей с Бухарой хан вновь обратился к религии, пригласив глав суфийских орденов и братств шейхов и сейидов «к сибирскому народу для наставления в вере».

Новый импульс приобрели экономические отношения внутри ханства, а также с ближними и дальними соседями. Путь из Европы в Азию через степи, пустыни и далее по Волге не всегда спокоен. Поэтому для поездки в Среднее Поволжье пользовались торговым путем по Иртышу, Тоболу, Туре и Каме. Регион имел торговые отношения с Китаем, Монголией, Хорезмом, Бухарой, Крымом, Кавказом, Ногайской Ордой, Казанским и Казахским ханствами. В силу этого не соответствует реальности мнение: «...в Сибири купечество начало формироваться на рубеже XVII–XVIII вв.» [1, с. 235]

На расширяющихся границах ханства появлялись фортификационные сооружения, в облике Искера все более просматривались черты организованного пространства. Кроме селений, располагавшихся по берегам крупных рек и озер, местные жители начали чаще устраивать городки, пользуясь с помощью уроженцев Центральной Азии, знакомых со строительными технологиями оседлых поселений. Об этом свидетельствуют не только многочисленные археологические находки, но и прозвище «туралинцы», т. е. «городские», которое дали сибирякам их соседи – башкиры и ханты.

При Кучуме в крае начинают развиваться многие формы мусульманской культуры, тем более, что завоевание Казани русскими сопровождалось бегством элиты в более спокойные районы. Фронт «по-кучумовски» расширялся и на запад: после 1557 г. небольшая восточная и северо-восточная части Башкортостана оказались подвластными Сибирскому ханству [34, с. 24]. Это повлияло на укрепление политических, экономических и культурных связей, а также этнических контактов по обе стороны от Уральских гор,

которые в тот отрезок времени выступали «гарантом равновесия» между ханством и Русским государством, олицетворявшими Восток и Запад.

Хан решил использовать изменившуюся расстановку сил на политическом поле Евразии и перестал платить ясак: об этом известно из грамоты Ивана IV 1569 г., в которой царь напоминал сибирскому правителю, что тот обязан исполнять договор [35, с. 63]. В последующие годы хан присылал полную дань, однако внутриазиатские обстоятельства и стратегическое изменение политики Русского государства на границах повлияли на развитие дальнейших отношений.

После разгрома 1581 г. ханты и манси «от Кучумова повеления и раменга отступиша», но это не стало «последней страницей» военных действий и открытого противостояния. После того, как отряд Ермака овладел столицей ханства, а Кучум бежал в сторону р. Ишим, атаман сам принялся налаживать торговые отношения с соседями.

После ухода ермаковцев Искер занял Али – сын Кучума, правивший от его имени. Сложно сказать, почему не сам Кучум: у него имелась достаточно мощная поддержка бывших подданных, позволяя сопротивляться до конца XVI в. Так, по свидетельству русских источников: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставити, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцев, почел был имати» [36, с. 19–20]. П.И. Небольсин отмечал: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком; в этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени, и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он, в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами...» [37, с. 230].

Ситуация в Сибири беспокоила Абдуллу. Но как ни пытался бухарский правитель убедить Кучума сплотиться с правителями других постзолотоордынских государств, чтобы вести борьбу против «кафиров», хан не внял советам. И его судьба оказалась предрешена: правителем должен стать Сейдяк – сын Йадигара, который за время пребывания в Бухаре стал убежденным мусульманином. Сейдяк отправился с приданными войсками в Сибирь, но за время его пути до Москвы, наконец, дошли известия о гибели Ермака, уходе из края его сподвижников, и о том, что Али снова начал собирать ясак с сибиряков, принявших подданство Москвы [38, с. 76].

В 1587 г. царь снарядил новый отряд. А за год до того дружина под предводительством воеводы В.Б. Сукина, И.Н. Мясного и письменного головы Д.Д. Чулкова уже основала Тюмень, фактически на развалинах Чимги(Цынги)-Туры. Получив особую грамоту, Д.Д. Чулков заложил вблизи Искера Тобольск – будущий губернский центр, который сохранил административные и политические связи с вассалами, сложившиеся при Кучуме. В связи с этим обнаруживается несостоятельность утверждения: «...на этапе

присоединения Сибири к России происходило основание и формирование 1-х городских поселений» [1, с. 282].

В это время последний Тайбугид – Сейдяк, победив Али, уже занял пустующий Искер и чувствовал себя уверенно, поскольку находился в определенных отношениях с местной российской администрацией. На службу к Сейдяку перешел казахский царевич Ораз/Ураз Мухаммед¹, а сопровождавший его Кадыр Али-бек² стал карача-беем. Окрестные тюрки и угры признали власть Сейдяка и платили ему дань. Местная знать также поддержала Сейдяка, но сам он оказался простодушным человеком и слабым политиком.

По одной из летописей, летом 1588 г. Сейдяк, Ураз Мухаммед и Кадыр Али-бек забавлялись ястребиной охотой. Это стало известно Д.Д. Чулкову и тот пригласил правителя на пир, «чтобы во время охоты вести мирные переговоры»³. Сейдяк и его свита не стали нарушить исламского запрет на алкоголь – за это, как сообщал «Румянцевский летописец», «...поперхну в гортани его, богу бо их обличающу» [25, с. 35]. За отказ выпить чару вина Сейдяк, Ораз Мухаммед и ближайшие сопровождавшие его лица оказались связаны. Остальные перебиты, а оставшиеся за воротами воины бежали. С того дня Искер окончательно опустел, никем не заселялся и постепенно приходил в упадок. Так, даже заняв престол, Сейдяк не оправдал надежд Бухары [23, с. 293], но, одновременно, дав Кучуму мечту на восстановление утраченного.

В противоборстве коренного и пришлого населения не явно, но очевидно присутствовал религиозный фактор, поэтому каждый герой почитался именно единоверцами. Трагизм исторической ситуации состоял в том, что правители и лидеры противопоставляли людей с помощью религии.

Кучум кочевал по Степи, создавал новые укрепления [39, с. 192], собирал ясак и дружину, нападал на царские войска и даже бывших подданных, отказавших в поддержке. В 1595/1596 гг. Кучум попросил помощи у Абдуллы, но получил отказ, поскольку тот сам вел борьбу за Хорезм: «...если просил у нас рати, и мы те поры были в войне, для того и не послали есмя» [40, с. 22]. Бухарский правитель также осудил действия Кучума по отношению к одному из знатных ногаев: «Да слышали есмя, что вы взяли землю Авлия Мирзина, а он вам в присвоенье, а годное было то, чтоб вам помирися да у кафырей землю свою поймети, а только потому станете делать и вас кафыры осилеют и обезчествуют, а только нас похитите себе братственно имети и вы б с ним помирися и землю его отдали и потом бы так не делати и наша мысль то же добре дает, а в той же земле отцы ваши и братья были, и они все вкупе жили, а нынче земля вам досталося и вам было Авлию Мирзу

¹ Племянник казахского хана Тевекеля.

² Кадыр Али-бек Жалаири (Кадыргали б. Косым /Хушум/ б. Темшик-бахадур б. Аижшы-бахадур) – потомок сподвижника Чингиз-хана Сартак-нояна из рода джалаир.

³ Сейдяк поставил условие, чтобы на пиру присутствовало 500 его воинов. Русские согласились на сотню, а остальных оставили за воротами. Как образно заметил Г.Ф. Миллер, Чулков: «имел птиц на примане, осталось только накинуть на них сети».

имея себе за меншево брата место и землю ему отдати и то б счастию вашему добре достойно было, а нам то будет любо».

В повторном ярлыке Абдуллы к Кучуму присутствует еще более важная информация, свидетельствуя, что правители других мусульманских государств осуждали вражду единоверцев. Но время для консолидации упущено, а Кучум терпел поражения, совершал набеги на поселения и кочевья бывших подданных, перешедших под власть Москвы, что привело к краху. Его сын Али в 1601 г. принял ханский титул, но в 1608 г. сам попал в плен. Возглавивший затем династию и сопротивление брат Али Иш Мухаммад султан этого титула не принял: ханство уходило в историю, но осталось в сознании (и в праве на наследство) еще долго.

Кучум и Ермак остаются важными и, одновременно, трагичными фигурами сибирской истории XVI в., равно использовавшими методы военного завоевания, принуждения и, относительно, мирного освоения территории, являвшейся сферой политических и экономических интересов различных государств Евразии.

С конца XVI в. для «новых» – православных сибиряков символом «предопределенности» выступал соперник Кучума – Ермак, а богатый природными ресурсами край стал субъектом евразийских и мировых процессов. М.П. Чёрная заметила: «...присоединение Сибири в последней четверти XVI – XVII в. стало кульминацией почти тысячелетней истории русской колонизации и одновременно эпохой перерастания России в евразийскую державу, что обеспечило ее качественно новые геополитическое положение и исторические перспективы» [41, с. 7].

Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири [в 3 т.]. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1. 716 с.; Т. 2. 807 с.
2. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Издательство «Знание», 1982. 32 с.
3. Алишина Х.Ч., Калмаганова З.М. Народная этимология, отраженная в топонимических легендах и преданиях сибирских татар // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2014. С. 52–54.
4. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: УРСС, 2005. 312 с.
5. Котович Л.В., Якунина Е.А. Образ Ермака в учебной литературе (по материалам школьных учебников по истории России) // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2014. С. 136–141.
6. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: соч. / сост. Ю.Л. Мандрика, пред. и прим. В.А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 384 с.
7. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. 631 с.

8. Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: дискуссионные проблемы истории и источниковедения: монография. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2015. 234 с.
9. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири / предисл. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 512 с.
10. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014, С. 139–144.
11. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского университета, 1980. 276 с.
12. Чернышов С.А. Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации: дисс. ... к. ист. н. Томск, 2017.
13. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 151 с.
14. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории: монография. Казань: Из-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
15. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, серия Bibliotheca TATARICA, 2004. 132 с.
16. Тихонов С.С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. II Всерос. науч. конф. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2014, С. 6–10.
17. Быков А.Ю. Россия и Казахстан (XVII – XIX вв.) // Тюрколог. сб. 2002: Россия и тюркский мир / РАН, Ин-т востоковедения, Санкт-Петербургский филиал; редкол.: С.Г. Кляшторный, Д.Д. Васильев, В.В. Трепалов. М.: Восточная литература, 2003. С. 51–117.
18. Абдиров М. Хан Кучум // Простор. 1993. № 9. С. 203–208.
19. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.;Л.: издательство Академии наук СССР; Институт истории АН СССР, 1948. 448 с.
20. Ярков А.П. Историография сибирско-башкирских контактов в религиозной сфере // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 388–394.
21. Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири: [в 3 т.]. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999. 630 с.
23. Сибирские летописи / изд. Импер. археограф. комиссии. СПб.: Издательство: Тип. И.Н. Скороходова, 1907. 466 с.
24. Летописи Сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 271 с.

25. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М.: Наука. 1987. 381 с.

26. Алишина Х.Ч. Дастан «Идегей» как источник этнолингвистической информации (к 75-летию Ф.В. Ахметовой-Урманче) // Сулеймановские чтения (тринадцатые): Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010. С. 154–157.

27. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература; 2012. 231 с.

28. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк): колл. монография / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: «Экспресс», 2010. 183.

29. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

30. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. № 4.

31. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая: монография. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 356 с.

32. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

33. Капитонов С. А., Ярков А.П. «Осевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. мат. Междунар. конф. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2011. С. 87–90.

34. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этнограф. очерки. М.; Л., 1955. 394 с.

35. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2: служащая дополнением к первой / Предисл. А.Ф. Малиновского. 1819. 612 с.

36. Пекарский П.П. Когда и для чего основан города Уфа и Самара // Сборник отделения рус. языка и словесности Императорской академии наук. Т. X. СПб., 1872. С. 19–20.

37. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб.: В тип. И. Глазунова и Комп., 1849. 112 с.

38. Атласи Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 96 с.

39. Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск, 1996. С. 188–197.

40. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XIX вв. Ташкент: Издательство ФАН Узбекской ССР, 1983. 167 с.

41. Чёрная М.П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики / Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сборник науч. ст. под ред. Л.В. Татауровой. Омск, 2011. С. 326–336.

Сведения об авторе: Александр Павлович Ярков, доктор исторических наук, ведущий эксперт экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета (625003, Тюмень, Володарского, 6), e-mail: ayakov@rambler.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**KUCHUM AND ERMAK:
TWO SCENARIOS OF THE SIBERIAN FRONTIER FOUNDATION,
AND IT'S REFLECTION IN THE FATES OF MUSLIMS**

Alexander Yarkov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation,
ayakov@rambler.ru*

Abstract. Frontire Muslims during the time of Kuchum and Ermak acted as subjectum and object of the action. Everything depended on the role envisioned for them, or that they themselves wanted to play in one or another historical situation. Even the composition of the opponents is aligned on religious grounds: in the side were not only Under Orthodox Slavs and Tatars, Mansi, Komi, «Lithuania» and «Germans» and Kuchum United under the banner of Muslims and «Gentiles» who later, in pursuit of their interests, refused to fight, preferring to be ruled by «infidels». In another camp, there were people driven not only to military duty, but thirst and adventurous adventurous.

For a long time have been weak politically space Siberia (our field research) lived continuously and/or migrated (moved), sometimes with a military objective, various groups of local and outsiders are Muslims. Siberian politii (Khanate, the Principality/ulus) United supporters archaic beliefs («Gentiles») and Muslims, but Islam did not become the State religion on this territory. More specifically, you can talk about the place of Muslims in the realities of Frontier Foundation in the process of occurrence (raznovremennogo and ambiguous) different parts of Northern Asia (and their populations) in composition from the Moscow State became Russian.

Keywords: XVI century, Siberia, Ermak and Kuchum, frontire Muslims.

For citation: Yarkov A. Kuchum and Ermak: two scenarios of the Siberian Frontier Foundation, and its reflection in the fates of Muslims. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 76–92. (In Russ.)

References

1. Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [v 3 t.]. Novosibirsk: Izdatel'skij dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», 2009. T. 1. 716 s.; T. 2. 807 s. (In Russian)

2. Skrynnikov R.G. EHkspediciya v Sibir' otryada Ermaka. L.: Izdatel'stvo «Znanie», 1982. 32 s. (In Russian)
3. Alishina H.CH., Kalmaganova Z.M. Narodnaya ehtimologiya, otrazhennaya v toponimicheskikh legendah i predaniyah sibirskih tatar // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2014. S. 52–54. (In Russian)
4. Prigozhin I.R., Stengers I. Vremya, haos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni. M.: URSS, 2005. 312 s. (In Russian)
5. Kotovich L.V., YAkunina E.A. Obraz Ermaka v uchebnoj literature (po materialam shkol'nyh uchebnikov po istorii Rossii) // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2014. S. 136–141. (In Russian)
6. Znamenskij M.S. Istoricheskie okrestnosti goroda Tobol'ska: soch. / sost. YU.L. Mandrika, pred. i prim. V.A. Rogacheva. Tyumen': SoftDizajn, 1997. 384 s.
7. ZHidkov V.S., Sokolov K.B. Desyat' vekov rossijskoj mental'nosti: kartina mira i vlast'. SPb.: Aletejya, 2001. 631 s. (In Russian)
8. Solodkin YA.G. «Ermakovo vzyatie» Sibiri: diskussionnye problemy istorii i istochnikovedeniya: monografiya. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. 234 s. (In Russian)
9. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoj Sibiri / predisl. YU.L. Mandriki. Tyumen': Mandr i Ka, 2005. 512 s. (In Russian)
10. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Pochemu Kuchum ne stal zashchishchat' Isker? // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2014. S. 139–144. (In Russian)
11. Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoj ravniny v konce XVI – pervoj chetverti XIX v. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1980. 276 s. (In Russian)
12. CHernyshov S.A. Formirovanie i razvitie gosudarstvennosti narodov Zapadnoj Sibiri nakanune i v nachal'nyj period russkoj kolonizacii: diss. ... k. ist. n. Tomsk, 2017. (In Russian)
13. Boyarshinova Z.YA. Naselenie Zapadnoj Sibiri do nachala russkoj kolonizacii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1960. 151 s. (In Russian)
14. Matveev A.V., Tataurov S.F. Sibirskoe hanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii: monografiya. Kazan': Iz-vo «Fehn» AN RT, 2012. s. 260. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Tyurko-tatarskie gosudarstva XV – XVI vv. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, seriya Biblioteka TATARICA, 2004. 132 s. (In Russian)
16. Tihonov S.S. CHertezhi S.U. Remezova i izuchenie hanstva Kuchuma (na primere «Horograficheskoy knigi») // Istoriya, ehkonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri: mat. II Vseros. nauch. konf. / otv. red. D.N. Maslyuzhenko, S.F. Tataurov. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosuniversiteta, 2014. S. 6–10. (In Russian)

17. Bykov A.YU. Rossiya i Kazahstan (XVII – XIX vv.) // Tyurkolog. sb. 2002: Rossiya i tyurkskij mir / RAN, In-t vostokovedeniya, Sankt-Peterburgskij filial; redkol.: S.G. Klyashtornyj, D.D. Vasil'ev, V.V. Trepalov. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 51–117. (In Russian)
18. Abdirov M. Han Kuchum // Prostor. 1993. № 9. S. 203–208. (In Russian)
19. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka. M.; L.: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; Institut istorii AN SSSR, 1948. 448 s. (In Russian)
20. YArkov A.P. Istoriografiya sibirsko-bashkirskih kontaktov v religioznoj sfere // EHtnos. Obshchestvo. Civilizaciya: II Kuzeevskie chteniya: mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa, 2009. S. 388–394. (In Russian)
21. Dopolneniya k aktam istoricheskim. T. 1. SPb., 1846. (In Russian)
22. Miller G.F. Istoriya Sibiri: [v 3 t.]. T.1. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 1999. 630 s. (In Russian)
23. Sibirskie letopisi / izd. Imper. arheograf. komissii. SPb.: Izdatel'stvo: Tip. I.N. Skorohodova, 1907. 466 s. (In Russian)
24. Letopisi Sibirskie / sost. i obshch. red. E.I. Dergachevoj-Skop. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 271 s. (In Russian)
25. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. 36. Sibirskie letopisi. CH. 1. Gruppya Esipovskoj letopisi / Predisl. N.N. Pokrovskogo, E.K. Romodanovskoj. M.: Nauka. 1987. 381 s. (In Russian)
26. Alishina H.CH. Dastan «Idegej» kak istochnik ehtnolingvisticheskoj informacii (k 75-letiyu F.V. Ahmetovoj-Urmanche) // Sulejmanovskie chteniya (trinadcatye): Tyurkskoe srednevekov'e Zapadnoj Sibiri v sovremennyh issledovaniyah: materialy i dokl. Vseros. nauch.-prakt. konf. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2010. S. 154–157. (In Russian)
27. Trepavlov V.V. Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh. M.: Vostochnaya literatura; 2012. 231 s. (In Russian)
28. Kazaki Tyumenskogo regiona ot Ermaka do nashih dnei (kratkij ocherk): koll. monografiya / pod red. A.P. YArkova. Tyumen': «EHKspress», 2010. 183. (In Russian)
29. SHerstova L.I. Tyurki i russkie v YUzhnoj Sibiri: ehtnopoliticheskie processy i ehtnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: IAEHT SO RAN, 2005. 312 s. (In Russian)
30. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. № 4.
31. Tishkin A.A. Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologicheskikh skhem: istoricheskij opyt i sovremennaya koncepciya izucheniya drevnih i srednevekovykh narodov Altaya: monografiya. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2007. 356 s. (In Russian)
32. YAspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991. 527 s. (In Russian)
33. Kapitonov S.A., YArkov A.P. «Osevoe vremya» Sibiri // Istoriya, ehkonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri.

mat. Mezhdunar. konf. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosuniversiteta, 2011. S. 87–90. (In Russian)

34. Rudenko S.I. Bashkiry: ist.-ehtnograf. ocherki. M.; L., 1955. 394 s. (In Russian)

35. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. CH. 2: sluzhashchaya dopolnieniem k pervoj / Predisl. A.F. Malinovskogo. 1819. 612 s. (In Russian)

36. Pekarskij P.P. Kogda i dlya chego osnovan goroda Ufa i Samara // Sbornik otdeleniya rus. yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. T.H. SPb., 1872. S. 19–20. (In Russian)

37. Nebol'sin P.I. Pokorenie Sibiri. SPb.: V tip. I. Glazunova i Komp., 1849. 112 s. (In Russian)

38. Atlasi H.M. Istoriya Sibiri / per. s tatar. A.I. Badyuginoj. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 96 s. (In Russian)

39. Tomilov N.A. Poseleniya tarskih tatar bassejna Tary // EHtnografo-arheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sociuma. T. 1. Novosibirsk, 1996. S. 188–197. (In Russian)

40. Ziyaev H.Z. EHkonomicheskie svyazi Srednej Azii s Sibir'yu v HVI – HIIH vv. Tashkent: Izdatel'stvo FAN Uzbekskoj SSR, 1983. 167 s. (In Russian)

41. CHyornaya M.P. Rol' russkogo goroda v osvoenii Sibiri: dialektika vozmozhnostej i istoricheskoi praktiki / Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah: mezhdisciplinarnye metody i tekhnologii: sbornik nauch. st. pod red. L.V. Tataurovoj. Omsk, 2011. S. 326–336. (In Russian)

About the author: Alexander Yarkov, Dr. Sci. (History), leading researcher of the Expert Scientific Center for Combating the Ideology of Extremism and terrorism of the Tyumen State University, Russian Federation, 625003, Tyumen, Volodarskogo, 6, e-mail: ayakov@rambler.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАЗАХСКОЙ ИСТОРИИ (XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.). К ВОПРОСУ О ЕЕ «ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОСИ»

Р.Н. Шигабдинов

*Институт истории Академии наук Республики Узбекистан
г. Ташкент, Республика Узбекистан
rinatuz2010@mail.ru*

Резюме. В статье характеризуется процесс смены этносов, государственных образований, а также изменения международной обстановки по периметру казахских границ в XVI – первой половине XIX вв., которые приводили к возникновению различных ситуаций, менявших на время геополитический статус казахских земель, их стратегическое положение в центре Евразии, что сильно влияло на историческую судьбу казахского народа.

Ключевые слова: Казахские степи, Средняя Азия, Туркестан, казахи, геополитика.

Для цитирования: Шигабудинов Р. Некоторые аспекты казахской истории (XVI – первая половина XIX вв.). К вопросу о ее «географической оси». *Тюркологические исследования.* 2019; 2(1): 93–121.

На протяжении тысячелетий, климат (перманентная аридность), ландшафтные условия, или совокупность, помимо климата, рельефа, почв, растительного и животного миров, определяли традиционное доминирование кочевников на огромной территории от Каспия до Джунгарии и от Южного Урала до Ташкентского оазиса. Однако территория Казахстана, составляя значительную по размерам, центральную часть Великой степи, отнюдь не находилась на геополитической обочине. Более того, один из классиков геополитики Х. Макиндей включал ее в качестве важного звена в «Вечную географическую ось истории», пролежавшую, по его мнению, по материковой сердцевине «Мирового острова», то есть Евразии [54, с. 27]. При этом можно отметить, что историческая весомость этого звена уходит корнями в глубокую древность [34]. Современный автор пишет, например, что «Чингис-хан и его полководцы были первыми (на исторической памяти России) кто еще в XIII в. показали военно-стратегическое значение Средней Азии, откуда, в случае сосредоточения там значительной военной мощи, может быть с успехом развито наступление одновременно на нескольких оперативных направлениях» [55, с. 37]. Относительно начала нынешнего тысячелетия отмечено, что «Великая Евразийская степь и на рубеже III тысячелетия остается главной коммуникационной осью континента, вдоль которой осуществляется интенсивный материальный, культурный и информационный обмен между Западом и Востоком... Кто владеет Евразийской степью, тот выполняет функции экономического транзита и транслятора межцивилизационного

диалога. Забвение этой истины приводило к распаду империй и многочисленным конфликтам на рубежах евразийских цивилизаций» [29, с. 361–362].

Естественно, эволюционный трек территории современного Казахстана, как места бытия в потоке Истории социумов различных культурно-хозяйственных типов не был однородным, неизменным на протяжении многих столетий. Смена этносов, государственных образований, а также изменения международной обстановки, прежде всего по периметру казахских границ (но и ритмы мировой истории в целом), приводили к возникновению различных ситуаций, менявших на время геополитический статус казахских земель, их стратегическое положение в центре Евразии, что самым серьезным образом влияло и на историческую судьбу казахского народа.

Применительно к столетию, предшествующему периоду, который документирует обширный источниковый комплекс, представленный в книге, положение Казахстана можно, образно выражаясь, определить как «ситуацию Фазтона», разрываемого на части экономически и военно-политически более мощными соседями. Что понятно: территория Казахстана, как центральное звено Великой степи, долгое время не имела стратегической защищенности, а потому была в высокой степени чувствительной к военным воздействиям извне. Но возникновение данной ситуации определилось, во-первых, соотношением и взаимодействием факторов внутри – и внешнеполитического, а, во-вторых, она складывалась постепенно, во времени, по мере формирования составляющих ее причинных комплексов. При этом, в совокупности внутренних, «органически» присущих казахскому обществу, доминантно определяющих его эволюцию компонентов, можно выделить: специфику кочевого менталитета казахов-номадов, обитателей Восточного Дешта; наличие и степень влияния на экономическую, культурную и, главное, политическую жизнь Казахского ханства региона, который по аналогии с понятием Хэлфорда Макиндера «Вечная географическая ось истории», обозначающим внутриконтинентальные евразийские территории, вокруг которых происходит пространственная динамика исторического развития, можно назвать «Географической осью казахской истории». Таковым, на наш взгляд, являлся Присырдарьинский аграрно-урбанистический район (Туркестан), хотя и разреженный сугубо степными вкраплениями, инвазиями кочевого культурно-хозяйственного типа, бывший им, с небольшими перерывами, на протяжении двухсот лет, до начала XIX века, до завоевания его Кокандским ханством; наконец, наличие и способность центральной власти, именно власти верховного хана и его окружения, держать под административно-политическим контролем территорию страны, защищать ее от внешних угроз и поддерживать должный хозяйственный уровень, то есть обеспечивать экономическое благосостояние населения. Последнее, учитывая, что при условии полной автаркичности кочевого хозяйства, номад всегда будет пребывать в бедности, требовало от власти изыскания тех или иных способов получения продукции оседло-земледельческого хозяйства [49, с. 23]. Внешнеполитический же фактор, на уровне взаимодействия культурно-хозяйственных миров, применительно к казахской истории представлен как противостояние континентальных

Оседлости и Степи, то есть различных цивилизационных ипостасей Суши. И если до середины XVIII столетия казахские земли были более всего уязвимы с востока, со стороны Джунгарского ханства – державы монголов-номадов, то после его гибели под ударами маньчжуро-китайских войск, Казахстан оказался степным островом в окружении двух империй, Российской и Цинской, а также динамично развивавшегося и расширявшегося в пространстве Кокандского ханства, которое подобно северной и восточной империям проявляло амбиции региональной державы.

Впрочем, как писал еще в позапрошлом, XIX столетии В.В. Радлов, «на протяжении нескольких столетий стечение весьма счастливых обстоятельств позволяло ордам казак-киргизов совершенно свободно и неограниченно, следуя лишь собственному инстинкту, передвигаться по широкой Киргизской (казахской – *В.И.*) степи от Балхашской низменности до реки Урал и от речных систем Сырдарьи и Шу до среднего Тобола, Ишима и Иртыша», поскольку «оба могучих соседа киргизов – русские и китайцы – соприкасались с киргизской степью лишь своими дальними границами и не укрепились еще на этих границах своей мощи настолько, чтобы думать о завоевании киргизской степи, которая, впрочем, казалось, не обещала ни одному из обоих государств больших преимуществ» [72, с. 249].

Таким образом, имперские – восточно-христианский Север и конфуцианский Восток, до поры до времени не проявляли серьезных притязаний на центральное звено Великой степи. С другой стороны, на сугубо исламском оседло-земледельческом юге, власть среднеазиатских соседей, отметил В. Радлов, «не была настолько сильна, чтобы удерживать в узде столь многочисленный народ, как киргизы». Результатом этого, делал вывод ученый, было то, что казахи «совершенно свободно кочевали по степи, подчиняясь сфере влияния одного из своих соседей лишь тогда, когда им угрожало большее давление с другой стороны или когда какая-то часть киргизского народа стремилась избежать последствий междоусобных войн или укрыться от врагов. В этом, – заключал он, – мы видим неосуществившееся стремление киргизских племен объединиться в прочную силу и образовать хоть сколько-нибудь упорядоченное государственное правление» [72, с. 249–250].

Но главными причинами слабости казахской государственности, помимо «благоприятных» внешних условий, были причины внутреннего свойства – принадлежность казахского этноса к кочевому культурно-хозяйственному типу, во-первых, и специфика его этнопсихологии, производной от ментальности степняков Дешт-и Кипчака, во-вторых. В литературе отмечено, что подобно тому, как «великие исторические реки являлись главной коммуникационной осью древних цивилизаций, так и Евразийская степь – «плавающим котлом» межцивилизационного диалога. Ее бескрайние просторы больше ассоциируются не с великой рекой, а с океаном. По масштабам контактных функций со степью-океаном сопоставима только Атлантика, соединившая Старый и Новый Свет. «Океанское» мировосприятие степи пронизывало кочевые народы» [29, с. 361]. Но степной простор определил не только «океанское» мировосприятие, но и образ жизни кочевников, который

был основан на пастбищном хозяйстве с сезонными перемещениями на большие расстояния, что определялось природно-климатическими условиями. Следствием специфики кочевого скотоводства был дисперсный (рассеянный) способ существования в пространстве. Исследователями указывалось, что закономерность дисперсного состояния выступала в прошлом в качестве «всеобщего и основного закона функционирования кочевого общества», способа жизнедеятельности и исходного условия его нормального воспроизводства [56, с. 21]. Сугубо социальным коррелятом и нормой для этого хозяйственного типа являлось слабо, либо децентрализованное политическое устройство, порождающее и воспроизводящее нестабильность в жизни кочевого общества. В то же время, основанный на клановых, родовых отношениях высокий уровень военного искусства, давал возможность кочевым этносам создавать сильные государственные организмы и, хотя и не на длительное время, кочевые империи статуса мировых, например, Древнетюркский каганат или феномен Монгольской империи – порождение гения Чингис-хана.

Последняя заслуживает особого внимания как государственно-идеологический субстрат, основа, историческими производными которой стали фрагменты бывшего Джучиева улуса, на территории которого тюркские племена кипчакского корня уже к концу XIII столетия ассимилировали немногочисленных завоевателей, строителей империи монголов, сделав свой язык официальным языком Золотой Орды¹. Но в массе племен, в которой шел процесс этногенеза с выделением общностей татар поволжских и крымских, ногаев, узбеков, казахов, некоторые традиции монгольской империи продолжали жить. Например, у казахов каждый чингизид, независимо от того, к какой именно династии потомков Чингис-хана он относился, мог претендовать на ханский титул [79, с. 143]. В то же время тезис о том, что казахи «сохраняли традиции степной государственности и не отвергали юридически установившихся прав потомков Чингис-хана, согласно которым влиятельный султан претендовал на улус» [79, с. 144], нуждается в том уточнении, что традиции жесткой дисциплины всех и вся, обязательной для каждого члена кочевого сообщества, их беспрекословного подчинения приказам вышестоящей власти, прежде всего центральной, ханской в условиях угасания влияния чингизизма – нового комплекса мировоззренческих и идеологических представлений, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями [90, с. 106–116], была утрачена. Собственно, и этнонимия союзов племен Восточного Дешта отразила эту утрату. Даже первичный этноним, который донесли до нас исторические сочинения – «узбек-казахи», – тавтологичный в своей бинарности, весьма презентативен, поскольку начальное «узбек»², означавшее «сам себе господин, вольный человек», суть то же, что и казах (казак).

¹ Физическому истреблению и социальной элиминации подверглась кипчакская родоплеменная аристократия, а масса рядовых общинников составила ядро улуса Шейбана на территории степей современного Казахстана [см.: 83, с. 235, 239, 244–245].

² Во второй половине XIV века степная часть Дешт-и Кипчака именовалась узбекской степью и кочевые узбеки господствовали на значительном пространстве к северу от Сырдарьи [8, с. 15].

С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов относительно откочевавшей группы людей из Узбекского улуса, ведомых потомками Урус-хана, султанами Гиреем и Джанибеком, пишут, что это событие не было ни началом, ни венцом формирования казахской народности. «Но оно было, – считают они, – одним из главных моментов этого разноаспектного процесса: в 1459 г. в степных просторах Семиречья произошла историческая встреча формирующейся народности с будущим своим именем». Скитаясь в степях Семиречья, группа беглецов и получила название «узбеки – казахи». «Парное название, – пишут авторы, – не должно нас ни удивлять, ни смущать. В рассматриваемую нами эпоху случаев, когда слово казак с нарицательным значением прилагалось к названию отдельных народностей, этнических, политических и т.п. групп и даже к собственному имени отдельных лиц, было неизмеримо больше, чем нам известно» [47, с. 253–254]. Это весьма примечательно, свидетельствует об эпохе господства в степях кочевой вольницы. Так, в Ногайской орде, усилившейся с распадом узбекского союза, отличавшейся от прочих тюркских государственных образований, как многочисленностью улусных людей, так и крайней внутренней слабостью, каждый ногайский мурза называл себя «государем в своем государстве» [75, с. 229–231].

Вообще, чингизизм в менталитете обитателей Дешта как символ славы и воинской доблести великого времени доминирования Степи над Оседлостью и как естественное, природное право членов «Золотого рода» обладать высшей властью, остался. Но и слово «казак» стало символом, знаком утраты кочевой степью понимания необходимости и принятия в качестве исторического императива государственного порядка, основанного на жесткой дисциплине и подчинения принципам «Яссы» Чингис-хана. В этой связи можно отметить, что начало казахского этногенеза запрограммировало характер национальной стойкости казахов, но и их государственную и политическую слабость. То есть, оно предопределило вектор социо – и политогенеза казахского общества, что в условиях постепенного, но неуклонного роста экономической мощи и военно-политической силы оседлой государственности, в первую очередь в регионах ближнего зарубежья, в сочетании с географическим положением Казахстана обусловило утрату независимости. Очевидно, можно сказать: «посеешь ментальность – пожнешь историческую судьбу».

Государственные образования подвижных пастушеских племен в древности и «чистых» номадов в более позднее время, в отличие от земледельцев – горожан, начинавших государственное строительство с города и прилегающей аграрной территории, которая со времен расширялась от центра (наиболее показательны в этом отношении Рим и Москва, ставшие исходными пунктами строительства мощных держав и символами созданных империй), возникали на существенно более широком пространстве, населенном совокупностью этнокультурно родственных племен. В этой модели государственного строительства («стратегия Авеля») главной проблемой являлась проблема многоаспектной устойчивости центра, (как правило, не обязательно географически и идеологически воплощенного в образе «столицы» как феномена,

порожденного оседлой государственностью) утверждение и удержание его авторитета и влияния на изначально фрагментированную по родоплеменному признаку территорию [34, с. 89].

Однако реализация такой политики сталкивалась с серьезными препятствиями. Может быть, на самое главное указал в свое время В.П. Юдин, который писал, что «верхушка родо-племенного воинского сословия была носителем совершенно иных политических идей, нежели ханская власть. Если константой и доминантой в развитии ханской власти была тенденция к единовластию и абсолютизму типа восточного деспотизма, то военное сословие смотрело на хана или на иного правителя как на первого среди равных, как на вождя, а не на монарха, с которым оно имело право делить власть и доходы и которого оно могло менять или сменять, если он не соответствовал его идеалам. Ханская власть и воинское сословие, – подчеркивал ученый, – представляли две разные социальные силы внутри господствующего класса, которые и породили две резко отличающиеся одна от другой идеальные схемы организации власти. Это означало, однако, что эти силы постоянно находились в состоянии активного или замаскированного противодействия» [91, с. 219–220]. Что было неизбежно, но представляется, что власть казахских ханов, носителей идеи централизации была ориентирована не на абсолютизм типа восточного деспотизма, даже как на идеал, а на джунгарский, западномонгольский образец кочевой государственности, который еще удерживал главную идею государственного порядка, освящаемого чингизизмом – сильная власть хана, опирающаяся на императивно предьявляемую «Яссой» Чингис-хана жесткую дисциплину для всего населения, составлявшего кочевое общество. Со своей стороны, воинское сословие идеальное состояние кочевого социума видело в принципах военной демократии, генетически и культурно-хозяйственно адекватных умонастроению массы обитателей степных пространств, доминантой которого была идея воли, с минимумом, по возможности, обязательств в отношении верховной власти.

Начало казахской государственности, которое было процессом, занявшим около полувека – от знаменитой «Откочевки» до правления хана Касыма (1511–1521), на протяжении которого власть на территории Восточного Дешта перешла от династии Шейбанидов к потомкам Урус-хана, один из которых, Касым-хан, в 1510 году нанес крупное поражение основателю узбекского государства в Мавераннахре Мухаммаду Шейбани-хану. Указанный процесс был синхронен образованию в степной зоне Евразии, именно Дешт-и Кипчаке, государственных объединений тюркоязычных кочевников – Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и Ногайской орды, что изменило геополитическую карту внутриконтинентальных районов Евразии [41, с. 117]. Важнейшим событием для будущей истории Евразии стало окончательное освобождение Московского государства от былой зависимости от Золотой Орды и выход его в правление Ивана III (1462–1505) на мировую арену. Главной целью жизни великого князя стало «создание единого русского государства под верховной властью одного правителя, государства настолько сильного, чтобы существовать во враждебном мире» [20, с. 77].

А постоянный, по мнению Г.В. Вернадского, фактор в развитии русской истории вплоть до XVIII века, а именно, влияние степных народов на Россию, достигший зенита с монгольским завоеванием Руси в XIII столетии, с XVI века стал претерпевать трансформацию, ибо это время стало началом сухопутного продвижения России на юг и юго-восток – к Черному и Каспийскому морям [19, с. 7–8]. Прокатившаяся же по Дешту на рубеже XV–XVI веков волна государственного упорядочения, как следствие появления новых этносов, сопровождалась серьезными изменениями и в мусульманской, традиционно оседлой, аграрно-урбанистической зоне. В.В. Бартольд означенный хронологический рубеж считал важной вехой в истории исламского мира, полагая, что с XVI века началась новая история мусульманского Востока. Он писал: «В новой истории мусульманства мы видим характерные отличия от истории ислама в средние века. В противоположность очень быстрой смене династий в средние века и вообще политической неустойчивости власти, небольшим размерам государства и потому отсутствием какого бы то ни было патриотизма, теперь мы встречаем единство государств, которые там образуются. Мы видим мусульманскую державу «Великих Моголов» в Индии, затем Турцию и Персию. Из этих трех держав Турция и Персия имеют важнейшее значение в истории прикаспийских областей. Различие между новой историей и историей ислама в средние века заключается именно в образовании этих трех больших мусульманских держав» [10, с. 7–50]. В контексте взаимоотношений евразийских Оседлости и Степи суть дела заключалась в том, что создателями этих держав, во всяком случае, Османской и Сефевидской, были кочевые тюркоязычные племена, которые опирались на мощный аграрно-урбанистический субстрат подчиненных территорий. Аналогичный имелся и в Бухарском ханстве эпохи шейбанидов – долина Зерафшана с крупнейшими городскими центрами Мавераннахра того времени – Бухарой и Самаркандом. В этом смысле Казахстан с его абсолютным преобладанием земель населенных кочевниками существенно отличался, и лишь Присырдарьинский оседло-земледельческий район (Туркестан) мог в какой-то степени компенсировать недостаток оседлого компонента. Поэтому не случайно, основной линией внешней политики казахских ханов на протяжении XVI века была борьба за обладание присырдарьинскими городами, чем определялись и их отношения с соседями на западных и юго-восточных окраинах Казахского ханства [47, с. 261].

Параллельно с изменением геополитической карты внутренних районов Евразии в XVI веке происходили исторические сдвиги и планетарного характера. Одним из них стало угасание трансконтинентальной торговой трассы – Великого шелкового пути, связанное с развитием океанских коммуникаций. Уже первая половина столетия «в полной мере отразила в себе катастрофические, по мнению современников, последствия открытия пути в Индию». Даже для богатейших итальянских торговых республик, Венеции и Генуи, которым пришлось искать новые направления своих торговых связей, создавать ее новые формы. Мировой размах торговли говорил и о новых ее масштабах, невиданных до XVI века [74, с. 32–34]. Но, если Западная Европа,

вступившая в мануфактурную стадию капитализма, получила мощный импульс для динамизации своего цивилизационного развития, то географическая трансформация торговых связей имела для внутриконтинентальных, и даже приморских, районов Евразии тяжелые последствия. Так, угасание древних караванных путей стало одной из причин кризиса поразившего, начиная с XVII века, Бухарское ханство, поскольку перенесение путей на юг и усиление морской торговли нанесло значительный урон экономике среднеазиатских городов [42, с. 126]. Резкое сокращение транзитной караванной торговли через Иран обусловило падение благосостояния городов и сокращение доходов шахской казны, ставших важным фактором ослабления Сефевидского государства, его экономического и политического упадка [35, с. 77–79].

«С того момента, – пишет Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска», – как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества. Различными путями, в разное время народы, населяющие Евразию, главным образом народы, проживающие в ее западноевропейской части, проникали в другие регионы мира и господствовали там, в то время как отдельные евразийские государства добивались особого статуса и пользовались привилегиями ведущих мировых держав» [12, с. 11]. В те же годы, когда в Южной и Центральной Америке, стремительно становившейся Латинской, были открыты богатые залежи серебра в Потоси, на территории современной Боливии, а также в Сакатекасе и Гуанахауато, в Мексике, в результате чего поток серебра, вывозимого из заокеанских колониальных владений Испании, стимулировал экономическое развитие Европы [23, с. 49–50], Англия, в лице «Московской компании», одной из главных целей которой было обеспечение английского проникновения в Индию, осуществила успешную на первых порах попытку выхода с севера, через Волжско-Каспийский путь в глубины Евразийского континента [см.: 78, с. 7–23]. Это происходило в условиях еще очевидного океанического господства Испании, которое будет серьезно поколеблено через треть столетия разгромом «Непобедимой армады», но тем не менее возрастание значения меридиональных грузопотоков определялось и ускоренным развитием ряда европейских государств. Современный исследователь пишет, что на протяжении трехсот лет, начиная именно с XVI века, бурное развитие международной торговли и международные войны конструируют новый тип связи исторических событий – синхроническое единство мировой истории [55, с. 41]. Завоевание Московским царством в 1552 и 1556 годах Казанского и Астраханского ханств сделало его хозяином всего Волжского торгового пути, а после занятия в 1558 году Нарвы Россия стала практически главным центром балтийской торговли и одним из центров торговли мировой: корабли из стран северного побережья Западной Европы, даже из Франции, игнорируя Ригу и Ревель, направлялись в Нарвский порт [92, с. 43].

Значение торговли с Россией для Англии было столь велико, что ее Московская компания хвалилась тем, что английский флот, разгромивший в 1558 году испанскую «Непобедимую армаду», был построен из вывезенного

ею из Московии корабельного леса, пеньки, смолы и пр., а Артур Эдвардс, приехавший в 1568 году в Иран, говорил шаху Тахмаспу I (1524–1576), что товары из Англии в Иран можно возить минуя посредников венецианцев – северным путем, через Московию [7, с. 244–245]. Далеко идущим планам английского купечества, использовавшего Россию «прежде всего для проезда в Персию», сбыться не удалось, также как и намерениям Ватикана, желавшего на волне контрреформации в Европе втянуть православие в лоно римско-католической церкви, а Москву в войну с Турцией [32, с. 55–56, 86]. Но, независимо от, как правило, напряженно-враждебных отношений с Западом, с включением всего Поволжского региона в состав Московского царства меридиональная торговля, привязанная к крупнейшей реке Восточной Европы, Волге, получила мощный стимул, а «татарский купец под защитой русских стрельцов и сабли казаков мог беспрепятственно торговать от Казани до «Хазарского моря». Казанский татарин-торговец, вследствие знания языка и обычая родственных тюркских племен, с XVI века становится посредником между русской и азиатской торговлей на Среднем Востоке и в степях. Татарский мурза и «юмушлы» (служилый) с этого времени использовались русским правительством в качестве толмачей и дипломатических агентов московского правительства» [27, с. 51–52]. С этого времени роль казанских татар как посредников в процессе взаимодействия России с исламским югом, и в первую очередь с казахской степью, устойчиво росла. Позднее к ней прибавилась функция культуртрегерства, к каковой относилась главным образом исламизация кочевого населения Казахстана, которая в отличие от южного, среднеазиатского, была следствием миссионерского потока с севера.

Процессы, инициированные судьбоносными для всей планетарной цивилизации событиями XVI века, меняли не только политическую карту внутренних районов Евразии, но и подводили основное, на протяжении не менее трех тысячелетий, межцивилизационное евразийско-континентальное противоречие Оседлости и Степи на отрезок его исторического финиша. Казахские земли в этой великой геополитической драме играли важную роль. В истории же самого Казахского ханства, как отмечалось выше, на протяжении довольно длительного времени особо важное значение имел Присырдарьинский аграрно-урбанистический район. Этот стык степных и оседло-земледельческих районов издавна был центром развития земледелия и торговли, ремесла и культуры, центром, к которому тяготело кочевое население Дешт-и Кипчака [69, с. 5].

С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов, анализируя исторические ситуации, связанные с возникновением кочевых империй, отмечают, что при этом завоевательный импульс был направлен «не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом» [45, с. 8]. Это положение представляется справедливым и в отношении более скромных по размерам государственных образований, созданных кочевыми этносами после ухода с исторической сцены Золотой Орды и других реликтов Джучиева улуса.

Кочевые династии, возглавлявшие степные ханства, стремились дополнить культурно-хозяйственную монотонность чистого нomaдизма оседло-земледельческим компонентом, поскольку их власть в странах, подавляющую массу населения которых составлял кочевой элемент, была весьма уязвимой в экономическом, а значит и в политическом отношении. Так, большинство населения Астраханского ханства занималось скотоводством, а потому «государству от кочевников было мало проку, поскольку они подчинялись своим бекам». Поэтому основной источник доходов центральная власть извлекала из торговли, связанной с Волгой и Каспием [22, с. 90].

Для Казахского ханства географической осью, которая определяла его экономическое, культурное и политическое бытие, была протяженная территория – полоса земли вдоль среднего течения Сырдарьи с несколькими десятками городов и прилегающей к ним довольно обширной аграрной территорией. Этот аграрно-урбанистический район логикой истории и своим местоположением выдвинулся на роль ведущей зоны в процессе создания и сохранения казахской государственности. Что было не случайно, поскольку уже к середине XVI века Юго-Восточный Казахстан с его древней высоко-развитой городской и оседло-земледельческой культурой был практически превращен, за исключением Юго-Западных территорий, в район преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства, что было следствием господства монгольских кочевых феодалов [70, с. 128–132].

Превращение Семиречья в гигантское пастбище и местообитание носителей кочевого монгольского менталитета было обусловлено тем, что монголы продолжали традицию неприкрытой враждебности монгольского общества в целом по отношению к оседлому населению завоеванных стран, антагонистического неприятия Оседлости как культурно-хозяйственный, цивилизационный тип. В литературе отмечалось наличие в высшем эшелоне власти монгольских завоевателей двух основных тенденций по отношению к оседлому населению, которые после смерти Чингис-хана, ярого защитника кочевой государственной традиции, проявились в открытой форме. Приверженцами одной было большинство монгольской кочевой знати, враждебной к городам и земледелию, сторонницей хищнической эксплуатации и даже уничтожения оседлого населения. Другой линии, помимо бюрократии, придерживалась большая часть служилой тюркской знати, связанной со службой в ханской ставке. Она ориентировалась на создание сильного централизованного государства, с сильной ханской властью, покровительствующей городской жизни и торговле [43, с. 163].

Представляется, что к западу от Семиречья, по которому прошла культурная межа, разделившая два типа, две вариации степной ментальности, в политическом мышлении кочевой элиты доминировало толерантно-прагматическое отношение к оседлому миру (конечно, при этом следует учитывать, что масса нomaдов в целом смотрела свысока и презрительно на пахарей и горожан, считая, вплоть до начала XX века, самым достойным модусом человеческого бытия именно кочевой образ жизни). Поэтому, видимо, не случайно, в XIV веке в Ак-Орде, занимавшей территорию Центрального и

Южного Казахстана, то есть, по терминологии средневековых источников, Восточный Дешт-и Кипчак и Туркестан, наблюдался хозяйственный подъем. Постепенно восстанавливались города, Отрар, Ясы, Сауран, Сайрам и другие, оживилось ремесленное производство, рос торговый обмен. Восстановлению городской и оседло-земледельческой жизни в Ак-Орде способствовало перемещение сюда политического центра нового независимого государства, правители которого стремились удалить свой административный и экономический центр подальше от ставок монгольских ханов Золотой Орды и Чагатаидского государства. Вместе с ним переместилась на юг, на города Присырдарья и экономическая ориентация населения Восточного Дешт-и Кипчака [70, с. 215]. Экономическое и военно-политическое значение Присырдарьинского района, его стратегический приоритет осознавался и казахскими ханами [38, с. 225].

В условиях аридного, часто засушливого климата внутренних регионов Евразии решающее значение имела проблема гидрообеспечения. В этом смысле Сырдарья оказывала определяющее влияние на характер и способы освоения прилегающего к ней пространства оседлоземледельческим и кочевым населением. Ее аксиальная функция, роль станового хребта, поддерживавшего структурное единство аграрно-урбанистического района Туркестана, очевидна: река была артерией, питающей хозяйственное бытие населения, вообще экономическую жизнь прилегающей территории и потому естественным образом притягивала к себе группы населения разных культурно-хозяйственных типов. Думается, в этом заключалось, по словам Карла Хаусхофера, «связующее единство жизни долины большой реки» [85, с. 391]. О долине Сырдарьи в ее среднем течении поведал в начале XVI века Фазлаллах ибн Рузбихан, беженец из Ирана, спасавшийся в Мавераннахре от жестоких расправ над суннитами и репрессий в отношении суннитского духовенства, которые стали следствием победы Сефевидов и торжества нигилизма в Иране [58, с. 226–233]. Он писал, что «все берега и окрестности ее покрыты в изобилии кормовыми травами и зарослями камыша. Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли. Если бы не было опасности разграбления и опустошения от проходящих войск казахов, то, возможно, эта земля была бы одной из самых благоустроенных земель в мире» [82, с. 74]. Собственно, средневековый автор, помимо сугубо хозяйственной ценности, которую этот район представлял для местного населения, указал на ценность обладания им как для узбекских правителей Мавераннахра, так и для казахских ханов. Уже в XIV–XVI веках в оседлоземледельческих оазисах Туркестана произошло восстановление и развитие городской жизни, поскольку спрос на ремесленные изделия и продукцию земледелия мог быть удовлетворен не только за счет привоза их из глубинных районов Средней Азии, но и за счет местного производства, что было серьезным стимулом для его развития. Кроме того, Туркестан обладал удобными пастбищами, что имело большое значение для кочевников. Такие его города, как Ясы, Отрар, Сауран, Сайрам и другие являлись крупными центрами оптовой торговли [69, с. 27].

Примечательно, что авторы средневековых сочинений четко отличали границы Присырдарьинского городского района, названного одним географическим именем – Туркестан, от соседних областей, и никогда не путали его ни с северными областями Мавераннахра (включая Ташкент), ни с южным Дешт-и Кипчаком, ни с западным Могулистаном, граничившим с восточной окраиной Туркестана [69, с. 11]. Можно сказать, что Туркестан был не только мостом, связывавшим различные культурно-хозяйственные типы, но и сам являлся местом реализации основного принципа коэволюции – совместного развития компонентов аграрно-урбанистического и степного миров, их интеграции в единое, непротиворечивое, динамично развивающееся, при благоприятных условиях, целое. То есть, в определенном смысле этот район был самодостаточен, поскольку мог обеспечить себя продукцией как сельского хозяйства – земледелия и скотоводства, – так и городского ремесла, а, будучи перекрестком торговых путей, извлекать существенную выгоду в качестве центра транзитной торговли в этом регионе Евразии. Но, находясь на линии большого цивилизационного разлома, в качестве пограничной зоны между Оседлостью и Степью, он мог быть только объектом воздействий извне. И на протяжении всего XVI века между узбекскими и казахскими правителями шла упорная за него борьба, в которую включились и ойратские (джунгарские) феодалы, стремившиеся захватить в свои руки присырдарьинские города [2, с. 173–175].

После смерти хана Касыма в Казахском ханстве начались распри. Как писал В.В. Вельяминов-Зернов, при ханах «дурных или слабых, какими были Тагир, Буйдаш и другие, киргиз-кайсаки стали понемногу терять свою силу. В степи водворились неурядицы и ссоры». Вообще для казахов три десятилетия их истории после правления Касым-хана были весьма тяжелыми, но прошла «година испытаний, и киргиз-кайсаки собрались с силами, окрепли, и сделались снова если не грозными, то, по крайней мере, опасными соседями для окружавших их народов». По мнению российского ученого, «главным деятелем в этой перемене был Хакк-Назар-хан. Блестящие факты, важные в истории киргиз-кайсаков, тесно связаны с его именем». Этот правитель, «грозивший войною Ногайцам, и имевший досуг и возможность сноситься с Москвою, с Ташкентом и с Ургенчем, должен был в свое время пользоваться некоторого рода значением. Наконец, самые предания народные особого рода славою окружили Хани-Назара... Кайсаки приписывали ему деление на три орды» [18, с. 325–334]. Последнее замечание представляется очень важным в контексте тезиса о «географической оси казахской истории». Казахская исследовательница М.Х. Абусейтова период правления этого верховного хана назвала Ренессансом в истории, очевидно, имея в виду прежде всего возрождение казахской государственности [3, с. 74].

Хакназар-хан (1538–1580) пытался восстановить право казахов на земли, составлявшие территорию ханства при его отце Касыме. Но в условиях тяжелой внешнеполитической обстановки эта задача во всем ее масштабе оказалась невыполнимой. В его время к границам казахских степей после завоевания Казанского, Астраханского, а затем Сибирского ханств вышло

Московское царство, а в Семиречье усиливали натиск на казахские кочевья джунгары. Верховный хан хорошо понимал не только экономическое, но и стратегическое значение Присырдарьинского района как географической оси казахской государственности, ее упрочения и стабильности. Потому и вел борьбу за выход к земледельческим и торгово-ремесленным центрам. Трудность ее была обусловлена тем, что в XVI столетии в Мавераннахре представители ханского рода, несмотря на почти непрерывные войны между собою, имели еще достаточно сил, чтобы сдерживать центробежные тенденции узбекской родо-племенной знати. А в последние десятилетия века, с момента занятия в 1557 году шейбанидом Абдуллою столицы ханства – Бухары, характеризовались все большим укреплением центральной ханской власти, достигшей наибольшего могущества после 1583 года, когда Абдулла занял «официально ханский престол и сосредоточил в своих руках высшую политическую власть уже не в одном уделе, а во всей Средней Азии» [37, с. 68].

После гибели Хаккназар-хана, последующие из череды сильных ханов, Таваккул и Есим, талантливые полководцы и дипломаты, проводившие активную внутреннюю и внешнюю политику, осуществили переход в состав Казахского ханства аграрно-урбанистического района на средней Сырдарье. Военный аспект этой стратегической задачи был выполнен Таваккулом, совершившим два крупных похода в пределы Бухарского ханства, а дипломатический – ханом Есимом (1598–1628), подписывавшим договор с Аштарханидами, сменившими в Бухаре угасшую династию потомков Шейбана. В литературе отмечено, что события 1598–1599 годов, то есть овладение казахами Туркестана, имели серьезные последствия не только для Казахского ханства, но в непосредственной зависимости от них находилась, например, смена правящей династии в Средней Азии [2, с. 130].

Таким образом, вековая борьба за Туркестан завершилась победой Казахского ханства. В средневековье этим иранским словом, обозначавшим «страну тюрок», назывались степные пространства, простиравшиеся к востоку от Сырдарьи. Долгое время они представлялись территорией, откуда приходили кочевники, а сама река для населения оседло-земледельческой зоны Средней Азии являлась границей, отделявшей культурный мир от степного варварства. И хотя Туркестан располагал городами-центрами благоустроенных областей среди кочевого мира [82, с. 122], и дал свое имя городу Ясы [57, с. 32], тем не менее к Вилайету, то есть к Мавераннахру, как культурной области, противопоставляемой степным районам, не относился [64, с. 211, 418]. И если географического характера слово «Мавераннахр» (араб. «То, что за рекой», то есть рус. «Заречье»), завершив свой семиозис, стал фактически «Междуречьем», отождествив свой семантический контур с великими реками Средней Азии Амударьей и Сырдарьей, переходить на новые территории уже не мог (Хорезм – страна древнейшей оседло-земледельческой и городской культуры, расположенный в низовьях Амударьи, в основном на ее левобережье, к Мавераннахру не относился), то понятие Вилайет, в силу своего цивилизационного характера, в принципе имевшее возможность для безграничного расширения, тем не менее, за «сырдарьинский рубеж»

не выходило, а, напротив, в тандеме с географическим Мавераннахром сдерживало распространение понятия «Туркестан» к западу от Сырдарьи. Причиной чего являлось не только государственно-территориальное разграничение, но и прохождение по Туркестану цивилизационного разлома, что давало о себе знать и на конфессиональном уровне. Так, например, в начале XVIII века контингент рабов в Бухаре, помимо персов-шиитов, пополняли и за счет пленников из племен Дешт-и Кипчака и Моголистана, поскольку население этих стран в определенных кругах Бухарского общества не считалось за «правоверных» Материалы по истории [77, с. 18]. Вообще, устойчивое существование этого цивилизационного лимеса длилось до прихода в регион Российской империи, когда имя «Туркестан», перейдя сначала в Туркестанскую область, обрело затем свое дальнейшее историческое бытие в названиях «Туркестанское генерал-губернаторство», «Туркестанский край», оставив после себя на территории Присырдарьинского района только топоним – город Туркестан.

Очевидно, об исторически полноценном существовании Казахского ханства, как реализации государственности казахского народа в позднее средневековье, можно говорить с рубежа XVI–XVII столетий, когда под полный контроль казахских ханов на два века перешел Присырдарьинский район, что дало в руки верховных ханов материальные и финансовые возможности для проведения внутренней и внешней политики, поскольку они стали облагать регулярными налогами земледельцев и городское торговоремесленное население. А возможности района в этом отношении были достаточно велики. Даже XVI век в его истории характеризуется исследователями как время максимального развития денежных отношений, что увязывается с ростом ремесла, с подъемом и расцветом городской и сельской жизни. Экономическое развитие обеспечивали монетные дворы, работавшие не только в Туркестане, но и в Сауране, Сайраме и Сыгнаке [16, с. 78]. Ремесленно-металлургические центры, специализировавшиеся на производстве оружия, также располагались в этом районе, в частности, в городе Туркестане, где местными кузнецами было налажено массовое производство обычных (простых) сабель [52, с. 68]. Размах транзитной торговли был значителен. С участием широтной трансконтинентальной магистрали усилились торговые связи центра Евразии с ее севером – Россией [5, с. 143]. Оживленными были торговые отношения с Кашгарией, Хотаном, Китаем и Империей Великих Моголов [4, с. 153–154].

Среди всех городов района особое значение казахскими ханами придавалось г. Туркестану. Уже со второй четверти XVII века он приобрел значение политического центра – «столицы» – ханства и являлся резиденцией правителей. Поэтому, не случайно, на протяжении двух столетий, с 1628 по 1816 год, он занимал важное место во внутренней и внешнеполитической жизни страны [30, с. 32]. Относительно подобного рода центров кочевых государств А.М. Хазанов заметил, что «в степных столицах и городах возникали новые культуры, разительно отличавшиеся от синхронных им культур рядовых кочевников. Хотя кочевая аристократия была основными патронами

и потребителями этих культур, они создавались главным образом специалистами из оседлых стран... Эти культуры, вероятно, правильнее всего называть государственными, потому что они должны были обеспечить комфорт и роскошь правящих элит, но и способствовать управлению государством» [84, с. 327].

Будучи территорией, с которой была связана прогрессивная, централизаторская тенденция казахской государственности, Туркестан являлся и местом устойчивого существования исламской культурной традиции и своеобразным плацдармом ее распространения в казахских степях. Распространение ислама в массах кочевого населения было фактором укрепления власти верховных ханов [3, с. 112]. В сфере конфессионального влияния Средняя Азия играла немалую роль. При этом особенно весомым было воздействие ислама на культуру Южного Казахстана, более всего приближенного к крупнейшим религиозным центрам Мавераннахра. Поэтому организация культовых сооружений в Казахстане в подавляющем большинстве случаев была связана с деятельностью среднеазиатского духовенства на юге страны, где и находилось наибольшее число религиозных сооружений, и особенно много мечетей было в г. Туркестане [63, с. 387–388]. В процессе исламизации особенно активными были суфийские ордена. После критического периода XIV–XV веков, отмеченного «кристаллизацией в Центральной Азии фактических суфийских орденов классического типа» [28, с. 218–219], их руководители обратили самое серьезное внимание на население казахской степи, весьма восприимчивое к суфийским проповедям.

Присырдарьинский аграрно-урбанистический район по своему положению являлся маргинальной зоной степных просторов и был своеобразным сухопутным аналогом «береговой зоны» (rimland) геополитики. В этом промежуточном и переходном пространстве шли процессы взаимодействия кочевого и оседлого миров. В силу этого здесь происходило активное, динамичное развитие, отличающее маргинальную зону от культурно-хозяйственно монотонной территории, занятой сугубо кочевым населением. В этом же районе происходила и аккумуляция культурно-интеллектуального потенциала. С ним было связано и разделение казахов на три части – Старший, Средний и Младший жузы. Представляется, что оно могло быть следствием административной реформы, проведенной сверху. Образование жузов должно было способствовать административному упорядочению территории ханства, ослаблению центробежных тенденций и укреплению власти верховного хана.

В.В. Радлов в XIX веке констатировал, что «в социально-политическом и языковом отложении все киргизы (казахи – *В.И.*) на огромном участке их распространения так тесно слились и переплавились, что мы по праву можем называть их единым народом, так как им вообще присуще осознание единства своего народа и его неразрывной общности» [72, с. 111]. Однако, этому гомогенному ментальному и этнокультурному пространству казахского народа сопутствовал дисперсный характер его хозяйственного бытия в географическом пространстве, что имело следствием дискретность политического поля.

Думается, именно для ее преодоления была образована триальная система организации казахского общества.

В литературе обращалось внимание на совпадение точек зрения Чокана Валиханова и В.В. Вельяминова-Зернова относительно времени и обстоятельств деления казахов на три жуза [39, с. 148]. Хронологический аспект появления этой триады – конец XVI – начало XVII веков, а событийный, собственно военно-политический, – завоевание Туркестана, то есть района присырдарьинских городов и включение его в состав ханства. Б.Б. Ирмуханов пишет в этой связи, что большая схожесть позиций двух выдающихся ученых не может быть случайностью и в них заложен, вероятно, ответ на время действительного возникновения казахских жузов [39, с. 148]. На рубеж XVI–XVII столетий, как на время образования жузов, указывал и В.П. Юдин [90, с. 145–175]. Т.И. Султанов проблему возникновения жузов рассматривает в неразрывной связи с существовавшей улусной системой. Улус казахов в XVI столетии он определял как сложившееся в условиях кочевого быта автономное административное образование, которому наличие определенных юртов придавало территориально-географическую стабильность, а полномочию султанов сообщало ему политическое содержание [81, с. 79]. Однако, считает он, улусная система являлась, видимо, не единственной формой организации казахского общества и, указывая на жузы как на вторую ее форму, задает вопрос, о соотношении этих форм и существовали ли улусы и жузы к XVI–XVII векам одновременно друг с другом, или же одна из этих форм исторически предшествовала другой. По его мнению, имела место последовательная смена одной формы организации казахского общества другой, а именно, улусной системы жузами. Смена форм, считает он, могла произойти в течение второй половины XVI века и была, видимо, закреплена на рубеже XVI–XVII веков, чему, подчеркивает он, в значительной степени способствовал переход в этот период в руки казахских владетелей туркестанских городов и крепостей [81, с. 85].

Связь указанного перехода с образованием жузов представляется явной, однако имела место не последовательная смена форм, а одновременное, параллельное их существование. Думается, что совокупный административный гений трех ханов – Хакназара, Таваккула и Есима – в ходе борьбы за Присырдарьинский район и с его включением в состав ханств пришел к идее разделения территории страны на три большие части, каждая из которой уже обладала определенной региональной спецификой. Введение промежуточной формы организации кочевого населения – между улусами и центром – должно было несколько упорядочить мозаику улусов, а также, видимо, в какой-то степени противопоставить султанам, которым в их владениях принадлежала вся полнота административной и судебной власти, социальный слой легистов-законников – биев, не принадлежавших к привилегированной касте потомков Чингис-хана. Не случайно, во главе улусов в XVI веке стояли непременно султаны, а в XVII веке во главе жузов – бии [81, с. 85].

Несомненно, казахские «сильные ханы» осознавали необходимость упрочения, усиления центральной власти, иными словами, необходимость иного пути эволюции казахского общества, отличного от привычного, имманентно присущего социуму казахов-кочевников состояния, по сути стационарного, исторически застойного, в которое казахское общество как системная целостность упорно возвращалось даже после угрожавших его существованию воздействий извне, например джунгарских нашествий, то есть возвращалось в свой психологически привычный и комфортный социокультурный и политический ландшафт. Утверждать, что он устраивал всех членов общества, конечно, нельзя. Но речь идет о функционировании социальной системы в целом. Очевидно, можно сказать, что дисперсный характер бытия казахского этноса в пространстве в какой-то степени обуславливал дискретность во времени правлений сильных верховных ханов. Проще говоря, «периода сильных ханов» как непрерывной длительности, то есть их следования одного за другим, в казахской истории не было, что исключало формирование традиции непосредственной передачи всей полноты государственной власти¹. Своеобразные исторические лакуны между правлениями сильных ханов заполнялись однообразием междоусобиц, родоплеменных распрей и резкой динамизацией центробежных тенденций. Слабость центральной власти не давала возможность верховным ханам мобилизовывать все силы страны для отпора агрессивным устремлениям соседей, а также заключать эффективные военно-политические союзы с некоторыми из них, что было важно в сложившейся и ставшей геостратегической явью «Ситуации Фаэтона», в которой волей историко-географической судьбы оказался Казахстан. Та же слабость центральной ханской власти в стране создавала своего рода вакуум военно-политической силы в центре Евразии, который естественным образом предопределял стратегическое движение империй и региональных держав вглубь казахских земель. На протяжении XVII–XVIII столетий практически вдоль всего весьма впечатляющего по своей протяженности периметра казахских земель шел рост экономической и военной мощи соседей. В то же время, усиление политической нестабильности на территории Казахстана шло по историческим меркам довольно быстро и лишь активность сильных ханов на недолгое время ослабляла действие центробежных сил. В XVIII веке особого внимания заслуживает деятельность хана Аблая, который, опираясь на военную прослойку батыров, на многочисленные и сильные поколения аргынов, у которых он был владельцем, на собственную военную дружину,

¹ В то же время, в Бухарском эмирате, одном из вариантов узбекской государственности эпохи «трех ханств», с самого начала его истории и вплоть до русского завоевания, отделив период «сильных эмиров» – Мухаммед Рахим (1756–1758), Даниял (1758–1785), Ша-Мурад (1785–1800), Хайдар (1800–1826), Насрулла (1828–1860), Музаффар (1860–1885). Его наличие определяли: мощный аграрно-урбанистический субстрат – долина Зерафшана, во-первых; укорененность, в отличие от пришлых, не имевших «своего уруга» Аштарханидов, мангытской династии в Мавераннахре, во-вторых; и, в-третьих, новая посткризисная историческая ситуация, главным социопсихологическим содержанием которой было умонастроение широких масс населения, жаждавших «порядка» после полутора столетий смутного времени.

сделал попытку сломить сопротивление родоправителей и укрепить ханскую власть [62, с. 24].

На севере, Россия, в основание государственности которой был заложен авторитарно-монархический принцип, все более укрепляла свою позицию в Степи, чему отчасти способствовал экономический упадок последней в результате Великих географических открытий, лишивших, как отмечалось выше, прежнего значения старый торговый путь между Европой и Азией. Государство, выросшее, по определению одного из классиков российского евразийства Н.Н. Алексеева, в борьбе с Азией, имело «характер военного общества, построенного как большая армия, по принципу суровой тягловой службы. Свободные формы промышленных обществ были ему совершенно чужды» [6, с. 73]. Это решительно отличало данный тип евразийской оседлости от общества степняков-казахов. Коррелятивно связанным с этим общественным и государственным строем был феномен колонизации. Ее вектор был направлен не только в зону Леса (Сибирь), но и в Степь. В цивилизационном аспекте взаимоотношения Российского государства со степняками-казахами отражены в культурно-хозяйственной оппозиции: «земля под пашню» или «земля под пастбище». И если в XVII веке русское войско не достигло уровня конных кочевников [44, с. 36], то с XVIII столетия, то есть с начала имперского периода, ситуация начинает, хотя и постепенно, меняться в пользу военной машины оседлой державы, хотя она еще не была способна успешно действовать на степных просторах против мобильной конницы кочевников. Зримым выражением продвижения России вглубь евразийских степей являлись укрепленные линии, динамика которых, по словам С.Г. Кляшторного, хорошо маркирует это продвижение [46, с. 17]. Линии системы крепостей, форпостов – наследие «засечных черт» XVI–XVII веков, в начале XVIII века «положили начало освоению новых массивов Дикого поля» [68, с. 131]. По мнению немецкого исследователя А. Каппелера, выход России в казахские степи может рассматриваться как составная часть политики «собираания земель Золотой Орды», которая в XVIII веке перешла степную границу и уже привела к интегрированию в состав России южных кочевников – башкир, калмыков и ногайских татар. Наступление на области традиционных летних пастбищ казахов началось как из Южной Сибири, так и с Южного Урала и было обеспечено закладкой крепостей Омск (1716) и Семипалатинск (1718) на Иртыше, которые позднее были связаны в линию укреплений, а также Оренбургской линией [44, с. 138].

Таким образом, в начале XVIII века началось фронтальное перенесение степной границы Российской империи на юг. В то же время, после кратковременного укрепления Казахского ханства в период правления хана Тауке (1680–1718), произошли серьезные изменения в системе управления жузами. Речь идет о том, что к 20-м годам этого столетия во всех трех жузах появились вместо биев свои ханы, родословная которых очень запутана. И с этого времени жузы превратились в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий и хан каждого из них именовался ханом соответствующего жуза [80, с. 85]. Смена носителей сугубо административных

полномочий – биев, ханами – чингизидами представляется весьма примечательной с политической точки зрения, поскольку зафиксировала окончательный распад Казахского ханства. После смерти Тауке-хана, при котором ханская власть, хотя и номинально, но распространялась на всю территорию Казахстана, междоусобица стала нормой политической жизни, а «распыление» верховной власти по жузам, улусам и родам ввергло страну в состояние глубокого кризиса [52, с. 90]. Не случайно, тема брэнности всего сущего во времени в творчестве казахских жырау и акынов именно в период кризиса превратилась в традиционную, отражая на поэтическом уровне философское осмысление исторической ситуации [76, с. 149].

(продолжение следует)

Список литературы

1. Абдурахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.
2. Абусеитова М.Х. Из истории внешнеполитических связей казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983.
3. Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998.
4. Абусеитова М.Х. Средневековые письменные источники о Великом Шелковом пути // Шелковый путь и Казахстан, 1999.
5. Агзамова Г.А. Волжско-Каспийский путь в XVI – первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003.
6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.
7. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.; Л.: ОГИЗ, 1937.
8. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965.
9. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985.
10. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
11. Бейсембиев Т.К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
13. Бокщанин А.А., Хохлов А.Н. Общество и государство в Китае: новые грани традиционной проблематики и неординарность подходов в ее разработке // Восток (Oriens). 1992. № 6.
14. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
15. Букейханов А. «Киргизы» // Казахи о русских до 1917 года. Oxford, 1985.

16. Бурнашева Р.З. Некоторые новые сведения по обращению медных монет г. Отрара XVI–XVII вв. (по материалам двух кладов 1986 г.) // Шелковый путь и Казахстан (Материалы научно-практической конференции, 2–3 сентября 1998 г.). Алматы: Жибек Жолы, 1999.

17. Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898.

18. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

19. Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1. (Пер. с англ.). Тверь: ЛЕАН. М: АГРАФ, 2001.

20. Вернадский Г.В. Россия в средние века (Пер. с англ.). Тверь: ЛЕАН. М: АГРАФ, 2001.

21. Воскресенский Д.Н. Особенности культуры Китая в XVII веке и некоторые новые тенденции в литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969.

22. Газиз Г. История татар. М.: Московский лицей, 1994.

23. Галеано Э. Вскрытие вены Латинской Америки. (Пер. с исп.). М.: Прогресс, 1986.

24. Ганковский Ю.В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. 1958. № 2.

25. Грум-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.

26. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. СПб., 1896.

27. Губайдуллин Г. Из истории торгового класса приволжских татар. Баку, 1926.

28. Девин Ди Уис (США). Маша'их-и турк и хваджагон: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавийа Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). Сборник статей памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб., 2001.

29. Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

30. Ерофеева И. Казахстан в потоке эпох: историческая динамика и традиция // Центральная Азия: собственный взгляд. Zentrelasien: eine innenansicht. Бишкек: Издательский Дом «Принтхаус», 2006.

31. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983.

32. Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. Сборник. (Пер. с нем и лат). М.: Аграф, 2005.

33. Иванов В.А. «Россия-Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. Ташкент, 2008.

34. Иванов В.А. «Широкий арийский простор» и «Бактро-Согдийский Дом» // International Journal of Central Asian Studies. V. 8. Seoul, Korea, 2003.

35. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952.

36. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821–1825 гг. Источники и их исследования (Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVIII). М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
37. Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVIII вв. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
38. Ирмуханов Б.Б. Города и казахское кочевое общество (вторая половина XV – первая половина XVI в.) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы (Материалы международной конференции). Алматы, 2004.
39. Ирмуханов Б.Б. Из истории казахов: «Аз» – Жанибек, казахское ханство и жузы. Алматы: Наш мир, 2001.
40. История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. М.: Наука, 1985.
41. История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
42. История Узбекистана (XVI – первая половина XIX века). Т. III. Ташкент: Фан, 1993.
43. Кадырбаев А.Ш. О двух тенденциях в политике монгольских завоевателей к оседлому населению Китая. XIII–XIV вв. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. 1987.
44. Каппелер А. Россия – многонациональная империя (Пер. с нем.). М.: «Традиция-Прогресс-Традиция», 2000.
45. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье (2-е издание, испр. и доп.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
46. Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003.
47. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
48. Козин С.А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
49. Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток (Oriens). 2001. № 5.
50. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983.
51. Кульпин Э.С. Человек и Природа в Китае. М.: Наука, 1990.
52. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
53. Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
54. Макиндер Хэлфорд Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики. XX век. Сборник. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
55. Максименко В.И. Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток (Oriens). 2000. № 2.
56. Масанов Н.Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевых обществ // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.

57. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент: Фан, 1977.

58. Миклухо-Маклай Н.Д. Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV–XVI вв. // Памяти академика И.Ю. Крачковского. Сборник статей. Л.: ЛГУ, 1958. С. 226–233.

59. Моисеев В.А. Джунгария, Россия и казахи в первой половине XVIII века // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур (Материалы Четвертой международной научно-практической конференции). Вып. 4. Барнаул: Изд-во АзБука, 2003.

60. Моисеев В.А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата: Гылым, 1990.

61. Моисеев В. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2.

62. Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток (Oriens), 1995. № 4.

63. Мустафина Р.М. Ислам и городская культура на территории Казахстана // Урбанизация и нomaдизм в Центральной Азии, 2004.

64. Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история) // Материалы по истории казахских ханов XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.

65. Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973.

66. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

67. Неразик Е.Е. Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.: Наука, 1990.

68. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001. С. 131.

69. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахов в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Аты: Наука, 1969.

70. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV–начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977.

71. Постников А.В. Схватка на «крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001.

72. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989.

73. Ремнев А. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX века) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М.: Наука, 2006.

74. Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени (Очерки). Л.: Наука, 1974.

75. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960.
76. Сегизбаев О.А. Казахская философия XV–начала XX века. Алматы: Гылым, 1996.
77. Семенов А.А. Предисловие // Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
78. Соколов Ю.А. К вопросу о причинах провала английских устремлений в Восточную Европу, Среднюю Азию и Персию (XVI–XVII вв.) (Возникновение англо-русских противоречий на Среднем Востоке) // Труды САГУ им. В.И. Ленина. История стран Востока. Новая серия. Вып. LXVIII. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955.
79. Султанов Т.И. Сословие султанов в Казахском ханстве XVI–XVII веков // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981.
80. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М.: Наука, 1982. 160 с.
81. Трактат Ахмада Дониша. История мангытской династии. Душанбе: Дониш, 1967.
82. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Наука, 1976.
83. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966.
84. Хазанов А.М. Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы, 2004.
85. Хаусхофер Карл. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики. XX век. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
86. Ходжаев А.Х. Взаимоотношения Цинской империи и Джунгарского ханства в первой четверти XVIII в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987.
87. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979.
88. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгоутский побег 1771 г.» // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-е, 1989.
89. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974.
90. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983.
91. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
92. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Сведения об авторе: Шигабдинов Ринат Начметдинович, старший научный сотрудник отдела истории Узбекистана советского периода (1917–1991 гг.) Института истории Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан), e-mail: rinatuz2010@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**SOME ASPECTS OF KAZAKH HISTORY
(XVI – FIRST HALF OF XIX CENTURIES).
TO THE QUESTION OF IT'S "GEOGRAPHICAL AXIS"**

R. Shigabdinov

*Institute of history of the Academy of Sciences of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan
rinatuz2010@mail.ru*

Abstract. The article describes the process of changing ethnic groups, state formations in the steppes of Kazakhstan in the XVI – first half of the XIX centuries, which led to a change in the geopolitical status of the Kazakh lands, and greatly influenced the historical fate of the Kazakh people.

Keywords: Kazakh steppes, Central Asia, Turkestan, Kazakhs, geopolitics.

For citation: Shigabdinov R. Some Aspects of Kazakh History (XVI – First half of XIX Centuries). To the Question of it's "Geographical Axis». *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 93–121. (In Russ.)

References

1. Abduraxman-i Tali. Istoriya Abulfejz-xana. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1959. (In Russian)
2. Abuseitova M.X. Iz istorii vneshnepoliticheskix svyazej kazaxskogo xanstva s sosednimi gosudarstvami vo vtoroj polovine XVI v. *Kazaxstan, Srednyaya i Central'naya Aziya v XVI–XVIII vv.* Alma-Ata: Nauka, 1983. (In Russian)
3. Abuseitova M.X. Kazaxstan i Central'naya Aziya v XV–XVII vv.: istoriya, politika, diplomatiya. Almaty': Dajk-Press, 1998. (In Russian)
4. Abuseitova M.X. Srednevekovy'e pis'menny'e istochniki o Velikom Shelkovom puti. *Shelkovy'j put` i Kazaxstan*, 1999. (In Russian)
5. Agzamova G.A. Volzhsko-Kaspijskij put` v XVI – pervoj polovine XIX v. *Tyurkologicheskij sbornik*. 2002. Rossiya i tyurkskij mir. M.: Vostochnaya literatura, 2003. (In Russian)
6. Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 2003. (In Russian)
7. Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke. M.; L.: OGIZ, 1937. (In Russian)

8. Axmedov B.A. Gosudarstvo kochevy`x uzbekov. M.: Nauka, 1965. (In Russian)
9. Axmedov B.A. Istoriko-geograficheskaya literatura Srednej Azii XVI–XVIII vv. (Pis`mennye pamyatniki). Tashkent: Fan, 1985. (In Russian)
10. Bartol'd V.V. Sochineniya. T. II. Ch. 1. M.: Izd-vo vostochnoj literatury`, 1963. (In Russian)
11. Bejssembiev T.K. «Tarix-i Shaxruxi» kak istoricheskij istochnik. Alma-Ata: Nauka, 1987. (In Russian)
12. Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1999. (In Russian)
13. Bokshhanin A.A., Xoxlov A.N. Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: novye`e grani tradicionnoj problematiki i neordinarnost` podxodov v ee razrabotke. *Vostok (Oriens)*. 1992. № 6. (In Russian)
14. Bregel` Yu.E`. Xorezmskie turkmeny` v XIX v. M.: Izd-vo vostochnoj literatury`, 1961. (In Russian)
15. Bukejxanov A. «Kirgizy`». Kazaxi o russkix do 1917 goda. Oxford, 1985. (In Russian)
16. Burnasheva R.Z. Nekotory`e novye`e svedeniya po obrashheniyu medny`x monet g. Otrara XVI–XVII vv. (po materialam dvux kladov 1986 g.). *Shelkovy`j put` i Kazaxstan* (Materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii, 2–3 sentyabrya 1998 g.). Almaty`: Zhibek Zholy`, 1999. (In Russian)
17. Vasil`ev A.V. Materialy` k karakteristike vzaimny`x otnoshenij tatar i kirgizov s predvaritel`ny`m kratkim ocherkom e`tix otnoshenij. Orenburg, 1898. (In Russian)
18. Vel`yaminov-Zernov V.V. Issledovanie o Kasimovskix czaryax i czarevichax. Ch. 1. SPb., 1863. (In Russian)
19. Vernadskij G.V. Moskovskoe czarstvo. Ch. 1. (Per. s angl.). Tver`: LEAN. M: AGRAF, 2001. (In Russian)
20. Vernadskij G.V. Rossiya v srednie veka (Per. s angl.). Tver`: LEAN. M: AGRAF, 2001. (In Russian)
21. Voskresenskij D.N. Osobennosti kul`tury` Kitaya v XVII veke i nekotory`e novye`e tendencii v literature // XVII vek v mirovom literaturnom razvitii. M.: Nauka, 1969. (In Russian)
22. Gaziz G. Istoriya tatar. M.: Moskovskij licej, 1994. (In Russian)
23. Galeano E`. Vskry`tie veny` Latinskoj Ameriki. (Per. s isp.). M.: Progress, 1986. (In Russian)
24. Gankovskij Yu.V. Missiya Bogdana Aslanova v Afganistan v 1764 godu // Sovetskoe vostokovedenie. 1958. № 2. (In Russian)
25. Grum-Grzhimajlo G.E. Istoricheskoe proshloe Be`j-Shanya v svyazi s istorieyu Srednej Azii. SPb., 1898. (In Russian)
26. Grum-Grzhimajlo G.E. Opisanie puteshestviya v Zapadny`j Kitaj. T. 1. SPb., 1896. (In Russian)
27. Gubajdullin G. Iz istorii torgovogo klassa privolzhskix tatar. Baku, 1926. (In Russian)

28. Devin Di Uis (SShA). Masha'ix-i turk i xvadzhagon: pereosmy'slenie svyazey mezhdu sufijskimi tradiciyami Jasavija Nakshbandija // Sufizm v Central'noj Azii (zarubezhny'e issledovaniya). Sbornik statej pamyati Fritcza Majera (1912–1998). SPb., 2001. (In Russian)
29. Dergachev V.A. Geopolitika. M.: YuNITI-DANA, 2004. (In Russian)
30. Erofeeva I. Kazaxstan v potoke e'pox: istoricheskaya dinamika i tradiciya // Central'naya Aziya: sobstvenny'j vzglyad. Zentreliasion: eine innenansicht. Bishkek: Izdatel'skij Dom «Printxaus», 2006. (In Russian)
31. Zlatkin I.Ya. Istoriya Dzhungarskogo xanstva. 1635–1758. Izd-e 2-e. M.: Nauka, 1983. (In Russian)
32. Ivan Grozny'j i uezuity': missiya Antonio Possevino v Moskve. Sbornik. (Per. s nem i lat). M.: Agraf, 2005. (In Russian)
33. Ivanov V.A. «Rossiya-Srednyaya Aziya» i rol' faktora sluchajnosti v istorii ix vzaimootnoshenij // Vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova. Sbornik materialov. Tashkent, 2008. (In Russian)
34. Ivanov V.A. «Shirokij arijskij prostor» i «Baktro-Sogdijskij Dom» // International Journal of Central Asian Studies. V. 8. Seoul, Korea, 2003. (In Russian)
35. Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana. M.: Gospolitizdat, 1952. (In Russian)
36. Ivanov P.P. Vosstanie kitaj-kipchakov v Buxarskom xanstve v 1821–1825 gg. Istochniki i ix issledovaniya (Trudy' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. T. XXVIII). M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. (In Russian)
37. Ivanov P.P. Xozyajstvo dzhujbarskix shejxov. K istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Srednej Azii v XVI–XVIII vv. M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. (In Russian)
38. Irmuxanov B.B. Goroda i kazaxskoe kochevoe obshhestvo (vtoraya polovina XV – pervaya polovina XVI v.) // Urbanizaciya i nomadizm v Central'noj Azii: istoriya i problemy' (Materialy' mezhdunarodnoj konferencii). Almaty', 2004. (In Russian)
39. Irmuxanov B.B. Iz istorii kazaxov: «Az» – Zhanibek, kazaxskoe xanstvo i zhuzy'. Almaty': Nash mir, 2001. (In Russian)
40. Istoriya vooruzhenny'x sil Afganistana. 1747–1977. M.: Nauka, 1985. (In Russian)
41. Istoriya Kazaxstana: narody' i kul'tury'. Almaty': Dajk-Press, 2001. (In Russian)
42. Istoriya Uzbekistana (XVI – pervaya polovina XIX veka). T.III. Tashkent: Fan, 1993. (In Russian)
43. Kady'rbaev A.Sh. O dvux tendencyax v politike mongol'skix zavovatelej k osedlomu naseleniyu Kitaya. XIII–XIV vv. // Vzaimodejstvie kochevy'x kul'tur i drevnix civilizacij. 1987. (In Russian)
44. Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya (Per. s nem.). M.: «Tradiciya-Progress-Tradiciya», 2000. (In Russian)
45. Klyashtorny'j S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody' Evrazijskix stepej. Drevnost' i srednevekov'e (2-e izdanie, ispr. i dop.). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. (In Russian)

46. Klyashtorny`j S.G. Rossiya i tyurkskie narody`: evrazijskij aspekt // Tyurkologicheskij sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskij mir. M.: Vostochnaya literatura, 2003. (In Russian)
47. Klyashtorny`j S.G., Sultanov T.I. Kazaxstan. Letopis` trex ty`syacheletij. Alma-Ata: Rauan, 1992. (In Russian)
48. Kozin S.A. Dzhangariada. Geroicheskaya poe`ma kalmy`kov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. (In Russian)
49. Kradin N.N. Kochevy`e imperii: genezis, rasczvet, upadok // Vostok (Oriens). 2001. № 5. (In Russian)
50. Kuzneczov V.S. Cinskaya imperiya na rubezhax Central`noj Azii (vtoraya polovina XVIII–pervaya polovina XIX v.). Novosibirsk: Nauka, 1983. (In Russian)
51. Kul`pin E`.S. Chelovek i Priroda v Kitae. M.: Nauka, 1990. (In Russian)
52. Kushkumbaev A.K. Voennoe delo kazaxov v XVII–XVIII vv. Almaty`: Dajk-Press, 2001. (In Russian)
53. Madariaga Isabel` de. Rossiya v e`poxu Ekateriny` Velikoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. (In Russian)
54. Makinder Xe`lford Dzh. Geograficheskaya os` istorii // Klassika geopolitiki. XX vek. Sbornik. M.: OOO «Izdatel`stvo AST», 2003. (In Russian)
55. Maksimenko V.I. Rossiya i Aziya, ili anti-Bzhezinskij (ocherk geopolitiki 2000 goda) // Vostok (Oriens). 2000. № 2. (In Russian)
56. Masanov N.E`. Dispersnoe sostoyanie – vseobshhij zakon zhiznedeyatel`nosti kochevogo obshhestva // Vzaimodejstvie kochevy`x kul`tur i drevnix civilizacij. Alma-Ata: Nauka, 1987. (In Russian)
57. Maxmud ibn Vali. More tajn otnositel`no doblestej blagorodny`x (Geografiya). Tashkent: Fan, 1977. (In Russian)
58. Mikluxo-Maklaj N.D. Shiizm i ego social`noe liczo v Irane na rubezhe XV–XVI vv. // Pamyati akademika I.Yu. Krachkovskogo. Sbornik statej. L.: LGU, 1958. S. 226–233. (In Russian)
59. Moiseev V.A. Dzhungariya, Rossiya i kazaxi v pervoj polovine XVIII veka // Rossiya, Sibir` i Central`naya Aziya: vzaimodejstvie narodov i kul`tur (Materialy` Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). Vy`p. 4. Barnaul: Izd-vo AzBuka, 2003. (In Russian)
60. Moiseev V.A. O voennom dele i vojnax Dzhungarskogo xanstva // Iz istorii mezhdunarodny`x otnoshenij v Central`noj Azii (Srednie veka i Novoe vremya). Alma-Ata: Gy`ly`m, 1990. (In Russian)
61. Moiseev V. Dzhungaro-kazaxskie otnosheniya v XVII–XVIII vekax i politika Rossii. *Vestnik Evrazii*. 2000. № 2. (In Russian)
62. Moiseev V.A. K voprosu o gosudarstvennosti u kazaxov nakanune i v nachal`ny`j period prisoedineniya Kazaxstana k Rossii // Vostok (Oriens), 1995. № 4. (In Russian)
63. Mustafina R.M. Islam i gorodskaya kul`tura na territorii Kazaxstana // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii, 2004. (In Russian)
64. Muxammad Xajdar. Tarix-i Rashidi (Rashidova istoriya) // Materialy` po istorii kazaxskix xanov XV–XVIII vekov (Izvlечeniya iz persidskix i tyurkskix sochinenij). Alma-Ata: Nauka, 1969. (In Russian)

65. Nabiev R.N. Iz istorii Kokandskogo xanstva (Feodal'noe xozyajstvo Xudoyar-xana). Tashkent: Fan, 1973. (In Russian)
66. Nalivkin V. Kratkaya istoriya Kokandskogo xanstva. Kazan', 1886. (In Russian)
67. Nerazik E.E. Priaral'e: nekotory'e e'kologicheskie aspekty' e'tnicheskogo razvitiya // Problemy' e'tnogenezisa i e'tnicheskoy istorii narodov Srednej Azii i Kazaxstana. Vy'p. II. Istoriya i arxeologiya. M.: Nauka, 1990. (In Russian)
68. Petruhin N.N. Czarstvovanie Anny' Ioannovny': formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by' armii i flota. 1730–1735 gg. SPb.: Aletejya, 2001. S. 131. (In Russian)
69. Pishhulina K.A. Prisy'rdar'inskie goroda i ix znachenie v istorii kazaxov v XV–XVII vekax // Kazaxstan v XV–XVIII vekax (Voprosy' social'no-politicheskoy istorii). Alma-Aty': Nauka, 1969. (In Russian)
70. Pishhulina K.A. Yugo-Vostochny'j Kazaxstan v seredine XIV–nachale XVI vekov (voprosy' politicheskoy i social'no-e'konomicheskoy istorii). Alma-Ata: Nauka, 1977. (In Russian)
71. Postnikov A.V. Sxvatka na «kry'she Mira»: politiki, razvedchiki i geografy' v bor'be za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentax). M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2001. (In Russian)
72. Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranicy dnevnika. M.: Nauka, 1989. (In Russian)
73. Remnev A. Rossijskaya imperiya i islam v kazaxskoj stepi (60–80-e gody' XIX veka) // Rasy' i narody': sovremennye e'tnicheskie i rasovy'e problemy'. Vy'p. 32. M.: Nauka, 2006. (In Russian)
74. Rutenburg V.I. Italiya i Evropa nakanune novogo vremeni (Ocherki). L.: Nauka, 1974. (In Russian)
75. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy'. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1960. (In Russian)
76. Segizbaev O.A. Kazaxskaya filosofiya XV–nachala XX veka. Almaty': Gy'ly'm, 1996. (In Russian)
77. Semenov A.A. Predislovie // Mir Muxammed Amin-i Buxari. Ubajdullaname. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1957. (In Russian)
78. Sokolov Yu.A. K voprosu o prichinax provala anglijskix ustremlenij v Vostochnuyu Evropu, Srednyuyu Aziyu i Persiyu (XVI–XVII vv.) (Vozniknovenie anglo-russkix protivorechij na Srednem Vostoke) // Trudy' SAGU im. V.I. Lenina. Istoriya stran Vostoka. Novaya seriya. Vy'p. LXVIII. Tashkent: Izd-vo SAGU, 1955. (In Russian)
79. Sultanov T.I. Soslovie sultanov v Kazaxskom xanstve XVI–XVII vekov // Kazaxstan v e'poxu feodalizma (Problemy' e'tnopoliticheskoy istorii). Alma-Ata: Nauka, 1981. (In Russian)
80. Sultanov T.I. Kochevy'e plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. M.: Nauka, 1982. 160 s. (In Russian)
81. Traktat Axmada Donisha. Istoriya mangy'tskoj dinastii. Dushanbe: Donish, 1967. (In Russian)
82. Fazlallax ibn Ruzbixan Isfagani. Mixman-name-ji Buxara (Zapiski buxarskogo gostya). M.: Nauka, 1976. (In Russian)

83. Fedorov-Davy`dov G.A. Kochevniki Vostochnoj Evropy` pod vlast`yu zolotoordy`nskix xanov. Arxeologicheskie pamyatniki. M.: Izd-vo MGU, 1966. (In Russian)
84. Xazanov A.M. Kochevniki i goroda v evrazijskom stepnom regione i sosednix stranax // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii: istoriya i problemy`, 2004. (In Russian)
85. Xausxofer Karl. Granicy v ix geograficheskom i politicheskom znachenii // Klassika geopolitiki. XX vek. M.: OOO «Izdatel`stvo AST», 2003. (In Russian)
86. Xodzhaev A.X. Vzaimootnosheniya Cinskoj imperii i Dzhungarskogo xanstva v pervoj chetverti XVIII v. // Iz istorii Srednej Azii i Vostochnogo Turkestana XV–XIX vv. Tashkent: Fan, 1987. (In Russian)
87. Chimitdorzhiev Sh.B. Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednej Azii v XVII–XVIII vv. M.: Nauka, 1979. (In Russian)
88. Chimitdorzhiev Sh.B. O perekochevkax ojrator (kalmy`kov) v XVII–XVIII vv. «Torgoutskij pobeg 1771 g.» // Issledovaniya po istorii i kul`ture Mongolii. Novosibirsk: Nauka. Sib. Otd-e, 1989. (In Russian)
89. Shaniyazov K.Sh. K e`tnicheskoj istorii uzbekskogo naroda (istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie na materialax kipchakskogo komponenta). Tashkent: Fan, 1974. (In Russian)
90. Yudin V.P. Ordya: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya... // Kazaxstan, Srednyaya i Central`naya Aziya v XVI–XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1983. (In Russian)
91. Yudin V.P. Central`naya Aziya v XIV–XVIII vekax glazami vostokoveda. Almaty`: Dajk-Press, 2001. (In Russian)
92. Yanov A.L. Rossiya: u istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proisxozhdenii ruskoy gosudarstvennosti. M.: Progress-Tradiciya, 2001. (In Russian)

About the author: Rinat Shigabdinov, senior Research Fellow, Department of history of Uzbekistan of the Soviet period (1917–1991) Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan), e-mail: rinatuz2010@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА СУФИЯ: О «АЛ-ФАВА'ИД АЛ-МУХИММА» ЗАЙНУЛЛЫ РАСУЛЕВА

Е.Н. Хамидов

*Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
ibnnafis@gmail.com*

Резюме. *Цель:* Рассмотреть один из наиболее значимых трудов Зайнуллы Расулева «Ал-Фава'ид ал-мухимма» с точки зрения его значимости для развития современной мусульманской мысли.

Материалы: В рамках статьи анализируются материалы сочинения З. Расулева «Ал-Фава'ид ал-мухимма» – справочника религиозных практик для суфия.

Результаты: Труд шейха Зайнуллы Расулева «ал-Фава'ид ал-мухимма ли-л-муридин ан-накшбандийа ва аврад ал-лисанийа ва ас-салават ал-ма'асура» представляет собой нечто вроде учебно-методического пособия для мусульман, вступивших на путь Тариката. Книга содержит в себе подробную информацию о ежедневных духовных практиках суфия, и, возможно, могла выступать в качестве «виртуального» муршида, позволяя салику (вступившему на суфийский Путь мусульманину) находиться вне общества своего шейха и выполнять всю необходимую суфийскую практику. Безусловно, человек должен был пройти инициацию, получив разрешение вступить в братство от шейха в очной форме. Но после этого наличие «фава'ид ал-мухимма» позволяло суфию покинуть общество муршида и продолжить свое обучение «заочно». Возможно, именно по причине возросшей популярности Зайнуллы ишана появился большой спрос на такого рода книгу, и поэтому «Фава'ид ал-мухимма» стала первой книгой, выпущенной типографским способом и большим тиражом, при этом до революции книга издавалась дважды.

Ключевые слова: Зайнулла ишан, Зайнулла Расулев, суфизм в Волго-Уральском регионе, ислам у татар, традиционный ислам, «Фава'ид ал-мухимма», суфизм у татар, татарские религиозные деятели.

Для цитирования: Хамидов Е.Н. Настольная книга суфия: о «Ал-фава'ид ал-мухимма» Зайнуллы Расулева. *Тюркологические исследования.* 2019; 2(1): 122–129.

На фоне поиска идентичности и попытки сформулировать современный образ «традиционного ислама» для различных регионов России, былую важность вновь обретают мусульманские деятели дореволюционного периода. Но даже при наличии обширного списка трудов, посвященных изучению жизни и деятельности татарских богословов, работа в этом направлении далека от завершения.

Недостаток информации наиболее чувствуется в обывательской среде: образ ислама, сложившийся за период советской власти, искажился до неузнаваемости, по сравнению с его исторической действительностью, что находит свое отражение, например, в постоянных дискуссиях об «инородности» хиджаба – головного платка у женщин мусульманок. И тем более, мало кто из обывателей осознает, что одной из самых популярных форм бытования ислама в татарской среде являлся суфизм, который имеет глубокие корни в Волго-Уральском регионе и большое влияние на историю и культуру мусульман России [7]. Именно поэтому нельзя говорить о «традиционном» исламе не беря во внимание суфизм.

Одним из самых ярких представителей суфизма начала XX в. является Зайнулла ишан Расулев. Его значимость для татар подтверждает академик В.В. Бартольд, написавший по случаю смерти Расулева статью в журнале «Мусульманский мир», назвав его «духовным королем своего народа»[1].

Зайнулла б. Хабибулла б. Расул б. Муса ан-Накшбанди являлся одним из самых влиятельных людей своего времени среди мусульман Волго-Уральского региона. Согласно свидетельству его современников, Зайнулла ишан Расулев имел десятки тысяч последователей, проживавших на территориях от Сибири и Казахстана, до Приуралья и Центральных районов Российской империи [2, с. 61]. Родившись в небольшой деревне на Южном Урале и будучи никому неизвестным, к сорока годам Расулев получает степень «совершенного» шейха (аш-шейх ал-камил) посредством известного богослова и муршида суфийского тариката Накшбандийа-Халидийа Дыйа ад-Дина Гюмюшханеви и обретает не виданную доселе популярность [8, с. 107]. Вернувшись из ссылки, в которую он был отправлен по ложным обвинениям в подстрекательстве к восстанию и антиправительственной деятельности, Расулев переехал в г. Троицк, куда его пригласили возглавить пятую мечеть в новом районе Амур. Став в 1891 г. во главе прихода, Расулев получает возможность реформировать открытое при мечети медресе, которое впоследствии получает имя «Расулийа». И к началу XX в. Расулев начинает свою активную «публицистическую» деятельность.

На сегодняшний день известны следующие труды Расулева:

1. Ал-Фава'ид ал-мухимма ли-л-муридин ан-накшбандийа ва аврад ал-лисанийа ва ас-салават ал-ма'асура (Божественные истины, постижение которых необходимо для муридов накшбандийа, молитвы и славословия [Аллаху]). Казань, 1899. 22 с. (на араб. яз., 2-е изд. Казань, 1908).

2. Манакиб-и Дийа ад-дин Гумушханеви (Похвальные качества [шейха] Дийа ад-дина Гумушханеви). Казань: Тип. Шараф, 1900. 160 с. (на араб. яз).

3. Макалат аз-Зайнийа (Статьи Зайнуллы и/или Прекрасные статьи). Казань, 1908. 18 с. (на араб. яз).

4. Каул анна ал-Хидр хаййа (Речь о том, что [пророк] Хидр (Хизр) жив). Казань: Тип. газ. «Баянуль-хак», 1908. 9 с. (на араб. яз.).

5. Икама ал-бурхан 'ала ал-арбаби ас-субул ва-л-аухам (Приведение доказательств против носителей ложных мнений и мыслей). Казань: Тип. И.Н. Харитоновна, 1908. 17 с. (на араб. яз.).

6. Илава ‘ала «Икама ал-бурхан ‘ала ал-арбаби ас-субул в-ал-аухам» (Дополнение к «Икама ал-бурхан ‘ала ал-арбаби ас-субул ва-л-аухам»). Казань: Тип. И.Н. Харитоновна, 1908. 3 с. (на араб. яз.).

7. Алифба хакында (Об алфавите [О способе правильного произношения букв арабского алфавита]). Оренбург, 1912. 13 с.

Также известны некоторые рукописные работы Расулева, за редким исключением [8, с. 106–114] это иджазы или фрагменты личной переписки с учениками и последователями [6, с. 64–69]. Стоит упомянуть и о статье, написанной Расулевым в соавторстве с имамами Троицка Ахметхази Рахманкуловым, Гатауллой Максудовым и Мухаммедом Бикматовым «Троицкий улэмасы ва усул-и джадида» («Улемы Троицка и звуковой метод обучения»), которая была опубликована в газете «Вақыт» и воспринималась современниками как фетва [5, с. 74–78].

Особый интерес из всех перечисленных работ Расулева вызывает самая первая из его опубликованных работ¹. Труд «Ал-Фава’ид ал-мухимма» представляет собой «настольную» книгу для тех, кто только вступил на путь суфийского подвижника.

«Ал-Фава’ид ал-Мухимма» состоит из семи глав. Первая глава содержит информацию о действиях, необходимых к исполнению для желающего совершить зикр тариката Накшбандийа-Халидийа. Расулев приводит девять пунктов, среди которых он указывает как порядок действий телесных (акс таваррук ила утурып), так и «духовных» (тафаккур ал-маут идеп), которые должны подготовить суфия к основной части зикра.

Несмотря на то, что отличительной чертой зикра от ритуальной молитвы-намаза является то, что совершать поминание можно в любом месте и в любое время, тем не менее, зикр также имеет большое количество желательных условий для его совершения. Соблюдая эти условия можно достигнуть более высоких результатов. При этом важными являются не только чистота места, где проводится зикр, и не только чистота телесная, но и поза в которой зикр совершается. У каждого братства были свои требования к положению суфия во время совершения зикра, но везде этому придется большое значение [9, с. 137]. Именно поэтому Расулев первым пунктом в своей книге пишет, что начинать следует с того, чтобы сесть в уединенном месте на правое бедро, просунув правую ногу под голень левой и опираясь пальцами левой стопы в пол так, чтобы они были направлены в сторону киблы [4, с. 2].

Далее Расулев описывает этапы того, как нужно настроиться «морально» к совершению зикра. Начинать нужно с произнесения славословий (салаватов) в адрес пророка Мухаммада и крупных мусульманских подвижников. После необходимо перейти к «тафаккур маут» – ощущению себя как покойника, находящегося в могиле и осознанию своей бренности.

Представив себя одиноко лежащим в могиле, следует установить духовную связь со своим шейхом, дабы он выступил помощником на пути к

¹ Имеется перевод этого произведения, выполненный И.Р. Насыровым и опубликованный в работе [9, с. 340–366].

Богу. Завершается подготовка очищением сердца, дабы освободить в нем место для Всевышнего, посредством практики «вукуф калби».

Вторая глава поясняет «тонкие» субстанции зикра (латаиф аз-зикр). Автор приводит семь разновидностей латаиф: кальб, рух, сирр, хафи, ахфа, латыфа нафс и латыфа джасад.

Традиция тариката накшбандийа говорит о зикре латаиф, как о неких чувствительных точках на теле, где нужно концентрировать свой зикр, до тех пор, пока не наступит преображение всего существа суфия [9, с. 141]. Начиная с «зикр калби» сосредоточенном в левой верхней части груди, суфий должен достигнуть состояния любви и томления; и заканчивая «зикр ахфа», сосредоточенном в самом центре груди, что является показателем самоуничтожения и растворения «я» суфия в Боге. Далее, зикр из области грудной клетки перемещается в область головы, простираясь на мозг и вызывая у суфия состояние полного довольства, в конечном итоге охватывая все существо суфия, как его душу, так и его тело. В этот момент он достигает состояние совершенного поминания и покоя [9, с. 142], которое, также, называют, как пишет Расулев «султан азкар» [4, с. 4].

В следующих главах Расулев приводит 20 принципов и предписаний зикра, которые приняты шейхами тариката накшбандийа-халидийа.

Первые семь из них – внешние предписания (Адаб аз-захирийа), последующие семь – предписания тайные, внутренние (Адаб батына) и последние четыре – это ступени на Пути к Божественному (абваб Иляхи).

Под внешними предписаниями подразумевается действия, которые относятся к «физическим» (тахара, хали макан, гамд ал-айн и т.д.). Под внутренними предписаниями подразумевается «метафизическая настройка» (рабита маут, рабита муршид, рабита худур и т.д.).

Завершается глава описанием девяти необходимых составляющих зикра, по семи из которых есть всеобщее согласие между шейхами Накшбандийа-Халидийа («концентрирование сердца» – вукуф калби, дыхательная техника – «хабс нафс» и т.д.), и два (зикр Мухаммад расул Аллах и базгешт¹) – по которым есть разногласия в их необходимости.

Следующая часть книги озаглавлена «Тавассул наме» и представляет собой довольно длинную молитву на арабском языке, с перечислением шейхов тариката Накшбандийа-Халидийа из «золотой силсила»². Силсила начинается с Ахмада Гюмюшханеви и заканчивается Пророком Мухаммадом. Примечательным является то, что приведенная в книге цепочка суфийский шейхов восходя к Пророку Мухаммаду, проходит через Абу Бакра ас-Сиддика. Считается, что Пророк Мухаммад передал таинства тихого зикра Абу Бакру, в период, когда они вместе скрывались в пещере от преследования курайшитами. Тогда как Али б. Абу Талибу был дарован громкий зикр [9, с. 138].

¹ Базгешт – молитвенная формула «Иляхи энта максуди ва ридака матлуби» (О, Боже, Ты – цель моя, и и довольство Твое – вождение моё).

² Силсилат ал-захаб – цепочка суфийских шейхов, восходящая к Пророку Мухаммаду [9, с. 208–209].

Далее приводятся восемь основ суфийского пути, озвученных шейхом Абд ал-Халиком ал-Гиджувани (хуш дар дам, назар бар кадам и т.д.) и отдельно три, добавленных Баха ад-Дином ан-Накшбанди.

В следующей части приводится сильсия, которая восходит непосредственно к Расулеву. На этот раз, цепочка начинается от Пророка Мухаммада и восходит к Зайнулле ишану через Ахмада Гюмюшханеви. Отдельно поясняется, что шейх Зайнулла имеет также и вторую сильсию, полученную от Абд ал-Хакима ал-Чардаклы, которая совпадает с вышеуказанной цепочкой, начиная с шейха Абдуллы Ахрара.

Следующая глава называется Шейх ал-Газали. Возможно, это типографская ошибка, потому как никакой информации о шейхе ал-Газали данная глава не содержит. В данной части работы приведены еще две сильсии, принадлежащие Абу Али ал-Фармади и Ма'аруфу ал-Кархи. Оба из этих известных подвижников также являются звеньями в цепочках, упомянутых выше. Но в данном случае, их сильсии, восходя к Пророку Мухаммаду, проходят через Али б. Абу Талиба, а не Абу Бакра, как в первом случае.

Далее начинается часть, которую можно было бы озаглавить общим названием «молитвенник». Первыми приводятся молитвенные формулы, которые требуется повторять ежедневно (аурад лисанийа), каждая из которых имеет упоминание в высказываниях Пророка Мухаммада. В первой части приводится шестнадцать различных молитв-дуа, которые завершаются рекомендацией о необходимости совершения дополнительной молитвы «тахадждуд»¹. Следующая глава содержит молитву-дуа, которую необходимо прочесть после совершения «тахадждуда».

Далее приводится ряд молитв-дуа, авторство которых приписывается крупным мусульманским подвижникам, таким как Абд ал-Кадир Гиляни, Али б. Абу Талиб и др.

Одной из последней из молитв-дуа приводится молитва «хатм хваджаган», с подробным описанием действий, необходимых для ее совершения.

В завершении книги приводится родословная пророка Мухаммада, с описанием его внешнего вида и качеств характера. А также, приводится десять «семиугольников» – семикратного повторения различных отрывков из Корана и молитв-дуа, чтение которых приносит молящемуся большое количество вознаграждения (саваба); и молитвы Абд ал-Кадира ал-Гиляни «ал-кибрият ал-ахмар», которая содержит в себе благодать, установление связи с Богом.

Предназначение зикра исследователь суфизма А. Шиммель объясняет так: «Зикр – это первый шаг на пути любви; когда кто-то любит кого-то другого, ему нравится повторять имя своего любимого и постоянно помнить о нем. Поэтому, сердце того, кому внушена любовь к Богу, становится местом пребывания постоянного зикра» [9, с. 137].

Резюмируя, мы можем сказать, что труд шейха Зайнуллы Расулева «ал-Фава'id ал-мухимма ли-л-муридин ан-накшбандийа ва аврад ал-лисанийа ва ас-салават ал-ма'асура» представляет собой нечто вроде учебно-методиче-

¹ Тахадждуд – ночная молитва или чтение Корана ночью [9, с. 315].

ского пособия для мусульман, вступивших на путь Тариката. Книга содержит в себе подробную информацию о ежедневных духовных практиках суфия, и, возможно, могла выступать в качестве «виртуального» муршида, позволяя салику (вступившему на суфийский Путь мусульманину) находиться вне общества своего шейха и выполнять всю необходимую суфийскую практику. Безусловно, человек должен был пройти инициацию, получив разрешение вступить в братство от шейха в очной форме. Но после этого наличие «фава'ид ал-мухимма» позволяло суфию покинуть общество муршида и продолжить свое обучение «заочно». Возможно, именно по причине возросшей популярности Зайнуллы ишана появился большой спрос на такого рода книгу, и поэтому «Фава'ид ал-мухимма» стала первой книгой, выпущенной типографским способом и большим тиражом, при этом до революции книга издавалась дважды.

Список литературы

1. *Бартольд В.В.* Шейх Зейнулла Расулев, 1833–1917. Мусульманский мир. Вып. 1. Петроград. 1917. С. 73–74.
2. *Денисов Д.Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М.: Изд. дом Марджани, 2011. 370 с.
3. *Ислам: Энциклопедический словарь.* М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
4. *Расулев З.* Ал-Фава'ид ал-мухимма ли-л-муридин ан-накшбандийа ва аврад ал-лисанийа ва ас-салават ал-ма'асура (Божественные истины, постижение которых необходимо для муридов накшбандийа, молитвы и словословия [Аллаху]). Казань, 1899. 22 с.
5. *Сафиуллина Р.Р., Гимазова Р.А.* Сочинение Зайнуллы Расулева «Троицкий голямасы вэ ысулы жэди́д» («Ученые Троицка и новый метод»). Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Троицк, 29 марта 2012 г.). Челябинск; Уфа, 2013. С. 74–78.
6. *Фархшатов М.Н.* Новый автограф Зайнуллы Расулева (Из фонда Оренбургского магометанского духовного собрания). Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Троицк, 29 марта 2012 г.). Челябинск–Уфа, 2013. С. 64–69.
7. *Хамидов Е.Н.* "Машаих-и турк" и накшбандийа в Волго-Уральском регионе. Исламоведение, изд-во: Дагестанский государственный университет (Махачкала), 2013. № 2 (16). С. 44–48.
8. *Хамидов Е.Н.* О неизвестной рукописи шейха Зайнуллы Расулева. Казанское исламоведение. 2015. № 1, 106–114 с.
9. *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Алетейа, Энигма, 1999. 416 с.
10. Шейх Музаммад Амин ал-Курди ал-Эрбили: Книга вечных даров: (О достоинствах и похвальных качествах суфийского братства накшбандийа). Уфа, 2000. С. 340–366.

Сведения об авторе: Евгений Нафисович Хамидов, старший преподаватель Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ (Кремлевская, 35, Казань, Российская Федерация), e-mail: ibnnafis@gmail.com

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

THE SUFI HANDBOOK: ABOUT ZAHNULLAH RASULEV'S AL-FAWA'ID AL-MUHIMMA

E. Khamidov

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract. *Research objectives and materials:* The aim of the article is to consider one of the most significant works of Zainuallah Rasulev “Al-Fawa'id al-Muhimma” from the point of view of its significance for the development of modern Muslim thought. Within the framework of the article the materials of Z.Rasulev's essay "Al-Fawa'id al-muhimma" which is a reference book of religious practices for the Sufi are analyzed.

Research results and novelty: The work of Sheikh Zainuallah Rasulev “Al-fawa'id al-muhimma li-l-muridin an-Naqshbandiyya wa avrad al-lisaniyah wa-salavat al-ma'asura” is a kind of educational tool for Muslims who embarked on the path of the Tariqah. The book contains detailed information about the daily spiritual practices of the Sufi, and, perhaps, could act as a "virtual" murshid, allowing the Salik (who entered the Sufi Path of the Muslim) to be outside the community of his sheikh and perform all the necessary Sufi practices. Of course, a person had to be initiated, having received permission to join the brotherhood from the sheikh personally. But after that, the presence of “Al-fawa'id al-muhimma” allowed the Sufi to leave the murshid and continue their education "in absentia". Perhaps because of the increased popularity of Zainuallah Ishan, there was a great demand for this kind of book, and therefore “Al-Fawa'id al-Muhimma” was the first book published in print and large circulation, and before the revolution of 1917 the book was republished twice.

Keywords: Zainuallah ishan, Zainuallah Rasulev, Sufism in the Volga-Ural region, Islam among the Tatars, traditional Islam, “Al-Fawa'id al-Muhimma”, Sufism among the Tatars, Tatar religious figures.

For citation: Khamidov E.N. The Sufi handbook: about Zainuallah Rasulev's Al-Fawa'id al-Muhimma. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 122–129. (In Russ.)

References

1. Bartol'd V.V. Shejkh Zejnulla Rasulev [Sheykh Zainuallah Rasulev], 1833-1917. *Musul'manskij mir [Muslim world]*. No 1. Petrograd. 1917. Pp. 73–74. (In Russian)

2. Denisov D.N. *Ocherki po istorii musul'manskikh obshhin CHelyabinskogo kraja (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the history of Muslim communities in the Chelyabinsk region (XVIII – early XX century)] Moscow: Publ. house Mardzhani, 2011. 370 p. (In Russian)
3. *Islam: Ehntsiklopedicheskij slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow; Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1991. 315 p. (In Russian)
4. Pasulev Z. *Al-Fava'id al-mukhimma li-l-muridin an-nakshbandija wa avrad al-lisanija va as-salavat al-ma'asura* [Divine truths, comprehension of which is necessary for murids of Naqshbandiya, prayer and praise [to Allah]]. Kazan, 1899. 22 p. (In Arabic)
5. Safiullina R.R., Gimazova R.A. Sochinenie Zajnulli Rasuleva «Troitskij golyamasy veh ysuly zehdid» («Uchenye Troitska i novyj metod») [The work of Zainullah Rasulev "The Troitsky Golomasy wa usuly Jadid" ("The Scientists of Troitsk and the New Method")] *Rasulevskie chteniya: Islam v istorii i sovremennoj zhizni Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Troitsk, 29 marta 2012 g.)* [Rasulev's Readings: Islam in the History and Modern Life of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Troitsk, March 29, 2012)]. Chelyabinsk;Ufa, 2013. Pp. 74–78. (In Russian)
6. Farkhshatov M.N. Novyj avtograf Zajnulli Rasuleva (Iz fonda Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya). [The new autograph of Zainullah Rasulev (From the Fund of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly)]. *Rasulevskie chteniya: Islam v istorii i sovremennoj zhizni Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Troitsk, 29 marta 2012 g.)* [Rasulev's Readings: Islam in the History and Modern Life of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Troitsk, March 29, 2012)]. Chelyabinsk;Ufa, 2013. Pp. 64–69. (In Russian)
7. Khamidov E.N. "Mashaikh-i turk" i nakshbandija v Volgo-Ural'skom regione ["Mashaikh-i Turk" and nakshbandiya in the Volga-Ural region] *Islamovedenie* [Islamic studies], Dagestan state university (Makhachkala), 2013. № 2 (16). Pp. 44–48. (In Russian)
8. Khamidov E.N. O neizvestnoj rukopisi shejkhha Zajnulli Rasuleva [About the unknown manuscript of Sheikh Zaynullah Rasulev] *Kazanskoe islamovedenie* [Kazan Islamic Studies] 2015. № 1, Pp. 106–114. (In Russian)
9. Shimmel' A. *Mir islamskogo mistitsizma* [The world of Islamic mysticism]. Transl. from English by N.I. Prigarina, A.S. Rappoport. Moscow: Aleteja, Ehnigma, 1999. 416 p. (In Russian)

About the author: Evgeny Khamidov, senior lecturer at the Institute of Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan federal university (Kremlevskaya, 11, Kazan, Russian Federation), e-mail: zahragizza@gmail.com

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

ИСТОРИЯ НАУКИ ТАДЖВИД В ТАТАРСТАНЕ

Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси

Казанский федеральный университет

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

rezeda.saf@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается история и современное состояние изучения науки таджвид в России. Это тесно связано с историей мусульманского образования, очаги которого формировались в первую очередь в Волго-Уральском регионе и на Кавказе, где были распространены как классические труды, так и новометодные учебные пособия местных авторов.

Ключевые слова: исламское образование, таджвид, ислам в России.

Для цитирования: Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. История науки таджвид в Татарстане. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 130–138.

История изучения науки таджвид в Татарстане тесно связана с историей мусульманского образования, очаги которого формировались в первую очередь в Волго-Уральском регионе и на Кавказе. Приобретение исламских знаний предполагало изучение Корана и овладение навыками правильного чтения Священной Книги.

Из сочинений средневековых арабских авторов по таджвиду, распространенных среди мусульман России были аш-Шатиби и ал-Джазари (1350–1429), сочинения которого считаются итогом окончательного становления науки таджвид.

В трудах татарских богословов большое значение придается проблеме правильного чтения Корана. Как писал Габдерахим Утыз-Имяни: «таджвид – это правильное произнесение букв, его соблюдение является обязательным, а тот кто его не соблюдает – грешник. Причина этого в том, что Коран был ниспослан именно с этими правилами, в неизменном виде дошел до нас. То есть, «таджвид» – это наука, которая изучает правильное произношение слов и букв Корана при его чтении и обязывает читающего соблюдать эти правила. Сама по себе эта наука является фард кифайа, но соблюдение этих правил при чтении Корана является фард 'айном [1].

Из трудов, созданных Утыз-Имяни, следует отметить «Гухфат ал-ахбаб фи таджвид калям ар-рабб» («Подарок любимым о правильном чтении книги Господа») [2], который относится к бухарскому периоду жизни богослова. Зная изнутри жизнь Бухары, ученый остро критикует уровень обучения в ее учебных заведениях и распространившиеся в этом городе формы тасаввуфа. Например, автор утверждал, что, проходя в месяц Рамадан по различным мечетям Бухары и слушая чтение Корана (хатм), он так и не услышал правильной рецитации Корана [2, л. 16а]. В связи с тем, что даже авторитетные имамы Бухары читают Коран с ошибками, без соблюдения особых правил, Утыз-

Имяни решил обратить внимание эмира Бухары на это негативное явление. Автор пишет, что тюрки и индийцы не могут правильно произносить буквы арабского алфавита, что в свою очередь портит молитву. Он приводит также известный хадис «Кто сам что-то прокомментировал из Корана, даже если это правильно, совершил ошибку», исходя из которого, делает вывод, что ничего нельзя добавлять от себя в произношении и рецитации Корана [2, л. 71–88].

Эта проблема отражена и в широко распространенном среди мусульман Поволжья сочинении «ат-Тарика ал-Мухаммадия», где среди прочего говорится следующее: «О, идущий по тарикату, будь серьезен и настойчив на пути к знанию, не слушай тех невежественных суфиев, которые говорят, что знание закрыто, и постичь его можно только после открытия, и нет необходимости в поисках, это все ложь, ведущая к заблуждению». Автор пишет, что современные лжемуршиды повелевают своим мюридам совершать покаяние, но не призывают их к поиску знаний. Они даже не обучают им таджвид, познание которого является фардом. В результате невежественные мюриды говорят: «Мой муршид не повелел мне изучать таджвид, если бы эта наука была бы полезной, то он обязательно сказал бы мне об этом». Как пишет автор сочинения: «Этот человек сомневается в обязательности таджвида, обязательность изучения которого общепризнанна, и тем самым превращается в веротступника. Поэтому такие муршиды приносят религии больше вреда, чем неверные, ученые салафы называли таких людей убийцами».

Интересно, что татарский богослов и просветитель Каюм Насыри в книге «Рисалаи ахляк» («Послание о нравственности») в разделе о дурных качествах говоря о фитне пишет: «Также смутой будут слова, обращенные к деревенским жителям: «Вы не знаете таджвида, без таджвида намаз не допускается», ведь это отвращение людей от молитвы» [3, с. 56].

Подвергая критике схоластические взгляды мусульманских религиозных деятелей Востока и результаты такой системы обучения, в своем сочинении «Китаб ал-иршад ли-л-`ибад», Габденнаср Курсави писал о шакирдах медресе: «...они в стараниях тратят десять-двадцать лет своей жизни, самого драгоценного времени, и для чего? Чтобы превратиться в знатоков калама, а потом всю жизнь преподавать этот предмет. Если же им задать вопрос о религиозных обязанностях (самых необходимых деяниях), то проявляется их неумение прочитать в соответствии с правилами рецитации (таджвида) суру «Фатиха» или какую-либо другую суру» [4, б. 45].

В свою очередь, брат и ученик знаменитого А. Курсави, Абдулхалик б. Ибрахим б. Ярмухаммед аль-Курсави (?–1843) живя в Каире, учился у египетских ученых правилам таджвида. После возвращения с той самой трагической поездки в хадж, в которой по пути его знаменитый брат заболел от вспыхнувшей эпидемии чумы умирает и остается захороненным в Стамбуле, Абдулхалик остается мударрисом медресе в села Верхняя Корса Казанского уезда (ныне Арский район Республики Татарстан) [5, б. 154].

Во второй части сочинения Ш. Марджани «Мукаддимат вафиййат ал-аслаф ва тахиййат ал-ахлаф» среди прочего повествуется об изучении науки таджвид [6]. Хорошо известен вклад великого ученого в развитие этой

науки. Будучи редактором казанских изданий Корана Ш. Марджани предложил по-разному писать диакритические значки с тем, чтобы через них наглядно передавать правила чтения Корана. Так, в тех местах, где необходимо было тянуть звук «у», Марджани поставил крупную «дамму», а там где необходимо было тянуть «а» или «и» он ставил соответствующие огласовки «фатха» и «каса» в вертикальном положении, а не под наклоном как это было принято. Там, где применялось правило назализации, значок «нун танвина» Маджани сделал открытым, а в остальных случаях он оставался закрытым. Ноу-хау Марджани, которые существенно облегчали правильное чтение Корана особенно в среде неарабов, были настоящим прорывом в коранической традиции и стали отличительными чертами казанского Корана, равно как и выстраивание огласовок в ровный ряд, будто по линейке, чего не встретишь даже в современных зарубежных изданиях Священной книги ислама.

Татарский богослов Муса Бигиев именно этой области знаний посвятил свою первую научную публикацию «История Корана и его сводов» [7], которая представляла собой популярное изложение труда ученого Абу-Мухаммада Касима ибн Фирруха ибн Абу-л-Касима Халафа ибн Ахмада ар-Руайни аш-Шатиби с авторскими комментариями, а также как компилятивный труд, по выражению самого автора «суммирующий все, сказанное другими авторами об истории собирания Корана и о его неподражаемости, а также о смысле „семи харфов“ в кратком изложении» [8, 6].

Известный татарский богослов, издатель, директор медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди в комментарии к хадисам из книги «Китаб аввал мин ал-арба'ина мутасалсилат», опубликованной в журнале «Ад-дин вал-адаб» и отдельной брошюрой при толковании хадиса № 5 («Наилучшие из вас те, кто самый наилучший для своей семьи») отмечает: «Легкомысленное отношение многих людей, и даже немало количества мулл, к своим жёнам, к тому, что эти жёны и учительницы не владеют религиозными знаниями в правильной форме [...] К тому, что они не умеют правильно, в соответствии с таджвидом, читать Коран, который они считают словом Аллаха и убеждены в его обязательности для каждой молитвы, и, не признавая эти ошибки, они не стремятся исправить и улучшить это. Всё это не входит ни в какие рамки, и это не должно быть причиной нападения на ислам и являться признаком его несовершенства и неполноценности [9].

Таким образом, можно встретить немало свидетельств о том, что в традиционной системе образования недостаточно уделялось внимания этой дисциплине. Дж. Валиди связывает изучение таджвида, с ново-методным образованием в мектебах [10, с. 36].

В знаменитом Апанаевском медресе¹ таджвид изучался на уровне руш-дия наряду историей пророков и ислама, хадисами, татарским и русским языками, арифметикой, историей и географией [11, 12, 13, 14].

¹ Апанаевское медресе, или «Кул буе» («Приозерное», «Кул буе», «Касымия» – медресе при 2-й Соборной (Апанаевской) мечети Казани, становление которой относится к 1770-м гг., когда в Казани была выстроена вторая каменная мечеть.

С 1895 г. ахун Хайрулла Усманов начал реформировать медресе Усмания. Преобразования сначала коснулись начальных классов, где детей стали обучать грамоте по звуковому методу, ввели классно-урочную систему преподавания, расширили программу (в нее были включены история Ислама, таджвид, а также светские предметы: татарский язык, арифметика, география).

С 1892 г. в большом количестве начинают издаваться новометодные учебники по рецитации Корана. К числу первых пособий относятся «Таджвид» Мухаммадзакира б. Хайрулдина ал-Утамши и «Такриб ал-азхан мин таджвид ал-Кур'ан» Салихджана б. Мухаммаджана ал-Баруди. Кроме того, Баруди написал учебник в стихотворной форме «Фатх ат-таджвид» (Начало рецитации), который впоследствии переиздавался несколько раз.

Одним из наиболее популярных учебников по рецитации Корана было пособие Зуфара Ахмадшакира Ал-касими – «Мунтахаб таджвид» («Избранное из рецитации Корана»). Пособие под таким же названием было составлено и имамом Саубаном. Также были популярны учебники по рецитации в виде катехизиса Вафы Лутви «Сәәл вә жаваплы жинел тәжвид», четырежды издававшегося в Оренбурге¹, и «Муфассал фан таджвид» («Детально объясняемая наука рецитации Корана»), автором которой указан Му`аллим Дийа². Ежегодно с 1907 по 1916 год переиздавался учебник Шахида `Ауни «Фанни таджвид». Самым популярным пособием по рецитации Корана и чемпионом по количеству переизданий считается учебное пособие «Таджвид Кара-баш», которое увидело свет только с 1876 по 1917 годы 16 раз.

В целом выявлены 89 пособий по таджвиду, изданных татарскими печатниками, среди авторов которых мы видим Джамалетдина Сираджутдинова, имама Саубана, Закарию Иралиева, Нагима Хифзи, М.С. Абдулова, К.К. Зулфакарова, М.В. Рахимкулова, Халиля Зайни, Мустафа-оглы Байкильди, Гуйкина, Мухаммадсадика Абдулова, Гали Хасана, му`аллима Исмагиля, Искандара Джалялутдинова, Шамса Тукаи, Шакирджана б. Ахмаджана ат-Тахири и других.

В фондах Азиатского музея (ныне Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук) обнаружено 28 работ по таджвиду, в том числе, одна, принадлежавшая перу женщины – Суфии Султановой.

Если мусульмане России в прошлом практически поголовно умели читать и писать на арабском языке, и довольно большая прослойка умела читать Коран, то атеистическая политика Советского Союза сохранила эту традицию лишь на страницах истории. Сегодня с возвращением Ислама на свои позиции среди татарских мусульман снова большую популярность набирает необходимость изучения Корана.

Сегодня Духовное управление мусульман Республики Татарстан осуществляет централизованное управление более чем 1450 приходами республики. В 2015 году была разработана программа религиозного воспитания, по

¹ Издания 1910, 1912, 1913 гг. в типографии Каримова, Хусаинова и К., а также 1916 г. типография «Дин вә Мәғыйшәт».

² Скорее всего, это Зыя Камали – известный татарский богослов, основатель медресе Галия в Уфе.

которой в более 600 примечетских курсах обучается свыше 30000 слушателей. Трехгодичные курсы при мечетях направлены на изучение основ Ислама и арабского языка. Среди мечетей, где предлагаются подобные курсы, это: «Марджани», «Нурулла», «Закабанная мечеть», «Өметлеләр», «Апанай», «Гадел», «Казан нуры» и многие другие. Обучение на исламских курсах, как правило, начинается с 1 октября. Слушателями курсов могут быть как дети от 5–6 лет, так и граждане, кому далеко за 60. Как правило, группы не делятся ни по возрастному, ни по половому признаку. На них обучают основам ислама¹ и рецитации Корана (таджвид). С некоторыми наиболее способными учениками рецитацией Корана занимаются индивидуально. Занятия проходят один или два раза в неделю. Их проводят как специалисты, имеющие профессиональную подготовку, так и те, кто окончил заочные (вечерние) отделения медресе.

Таджвид является одним из основных предметов в программах преподавания на среднем уровне религиозного образования – в медресе, а также в высшем уровне – исламских университетах.

На сегодняшний день в Татарстане успешно функционируют 9 медресе, которые работают по учебным планам, составленным в соответствии с единым стандартом, утвержденным ДУМ РТ в 2014 году, который предполагает единую систему преподавания, единый учебно-методический план с соответствующими учебниками и пособиями, регулярное проведение курсов повышения квалификации для преподавателей.

В результате были разработаны учебные программы для медресе трех ступеней: «Исламские науки и воспитание», начальная подготовка (очная, заочная, очно-заочная форма обучения); Исламские науки и воспитание, арабский язык», базовая подготовка (очная форма обучения); «Исламские науки и воспитание, арабский язык», повышенная подготовка (очная форма обучения). Таким образом, в медресе Татарстана студенты могут изучать таджвид в рамках программ среднего и высшего религиозного образования, где наряду с исламскими науками преподается арабский язык. Срок обучения составляет на заочном и вечернем отделениях 3–4 года, на очном отделении до 5 лет.

В январе 2014 года ДУМ РТ был утверждён перечень основных учебных пособий для медресе базового уровня среднего профессионального мусульманского религиозного образования. В список наряду с всемирно известными книгами по различным религиозным дисциплинам вошло также учебное пособие «Таджвид Карабаш» Абдуррахмана Карабаши, который применялся и в дореволюционных татарских медресе.

В 2016 году в рамках Целевой программы подготовки специалистов с углубленным знанием ислама было разработано 117 Учебно-методических комплексов для начальной базовой и повышенной степеней религиозного образования среднего уровня (медресе), среди которых были разработаны и программы по дисциплине таджвид.

¹ В курс «Основы ислама» входят история пророков, история ислама, основы вероучения ('*акиды*), обряды поклонения ('*ибадат*) и этика (*ахляк*).

Высший уровень исламского образования в республике представлен двумя высшими учебными заведениями (Российским исламским институтом и Казанским исламским университетом), находящимися под одной крышей и объединенными под брендом Российского исламского университета. В этих двух вузах на очной, заочной и вечерней форме обучения учится более тысячи студентов из Республики Татарстан, других регионов России и Ближнего Зарубежья. Российский исламский институт готовит кадры по светским направлениям подготовки по учебным планам в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами по направлениям подготовки: – теология (бакалавриат и магистратура), экономика (бакалавриат), лингвистика (бакалавриат и магистратура, журналистика (бакалавриат). Казанский исламский университет ведет образовательную деятельность по программам подготовки служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания. В ученых программах всех направлений подготовки предусмотрено изучение таджвида.

Одной из важнейших задач, стоящих перед российскими мусульманами сегодня постулируется воссоздание отечественной исламской богословской школы. Об этом говорится на самом высоком государственном уровне. Как отметил глава нашего государства, воссоздание отечественной исламской богословской школы: «обеспечит суверенитет российского духовного пространства и, что принципиально важно, будет признана большинством мусульманских учёных мира» [15]. В связи с этим было заверено, что «государство будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы...» [16].

В этой работе задача правильного прочтения Корана остается неизменно актуальной.

Одной из самых важных составляющих реализации Программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама является создание учебно-методического обеспечения для повышения качества специализированной подготовки обучающихся в духовных образовательных организациях, а также педагогических работников духовных образовательных организаций. Это включает в себя анализ имеющегося учебно-методического обеспечения, разработку методических рекомендаций по корректировке и дальнейшему использованию имеющихся учебно-методических комплексов и разработку учебных пособий и хрестоматий по основным исламским наукам, в том числе и по таджвиду.

Мусульманам страны удалось на сегодняшний день коллегиально, после периода длительных, бурных обсуждений выработать очень важный документ – единый стандарт высшего исламского образования, созданный органом объединяющим ведущие мусульманские образовательные учреждения России – Советом по исламскому образованию.

В образовательный стандарт высшего религиозного образования по направлению подготовки «Подготовка служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания» (наименование профиля – «Исламские науки» (квалификация (степень) «бакалавр шариата»), допущенный Учебно-

методическим объединением мусульманских учебных заведений Республики Татарстана [17], в перечне компетенций в области арабского языка среди прочего присутствует и следующая компетенция: способность сочетать современные и традиционные для религиозного мусульманского образования методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса по дисциплине (образовательному модулю) «Правила чтения Корана (таджвид)».

Таким образом, вы видим, что мусульманами нашей страны как в прошлом, так и сегодня, овладение исламскими знаниями предполагало изучение Священной Книги и науки таджвид.

Список литературы

1. Утыз-Имяни Г. Избранное. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 317 с.
2. Абд ар-Рахим ал-Булгари. Тухфат ал-ахбаб фи таджвид калям ар-рабб / Рук. ИЯЛИ АН Татарстана, ф. 39, № 2982.
3. Каюм Насыри. Книга о воспитании. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 144 с.
4. Курсави Г. Кешеләрне тугры юлга күндерү (Әл-иршад лил-гыйбад). Казан: Иман, 1999. 101 б.
5. Марджани Ш. Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар. Казань, 1900.
6. Марджани Ш. Мукаддима вафиййат ал-аслаф ва тахиййат ал-ахлаф / ОРПК НБ им. Г.И.Лобачевского КФУ, Ед. хр. 609–615.
7. Муса Джаруллах (Бигиев) Ростовдони. СПб.: Тип.-лит. И. Бораганскаго, 1905. 38 с.
8. Бигиев М. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с арабск.; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. М.: Изд. дом „Медина“, 2016. 88 с. URL: <http://www.idmedina.ru/pdf/content/Bigiev-Istorija-Korana.pdf> (дата обращения: 3 декабря 2017 г.)
9. Баруди Г. Китаб аввал // Ад-Дин вал-адаб. 1914. 25 ноября.
10. Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы у татар. Казань: Иман, 1998. 160 с.
11. Медресе г. Казани XIX – начала XX вв.: Сборник документов и материалов. Казань, 2007.
12. Фәхреддин Р. Асар. 1 жилд. 2 жөзья. Оренбург, 1901.
13. Фәхретдин Р. Асар. 1 жилд. 4 жөзья. Оренбург, 1903.
14. Фәхретдин Р. Асар. 2 жилд. 13 жөзья. Оренбург, 1907.
15. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19474> (дата обращения: 12 ноября 2016 г.).
16. Московская соборная мечеть открыта после реконструкции. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351> (дата обращения: 30 сентября 2015 г.).
17. Образовательный стандарт высшего религиозного образования по направлению подготовки «Подготовка служителей и религиозного персонала

исламского вероисповедания» (наименование профиля – «Исламские науки» (квалификация (степень) «бакалавр шариата»). Нургалеев Р.М и др. Казань, 2015. 278 с.

Сведения об авторе: Резеда Рифовна Сафиуллина-Аль Анси, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования ИМО КФУ, *rezeda.saf@mail.ru*

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

THE HISTORY OF SCIENCE TADJVID IN TATARSTAN

R. Safiullina-Al Ansi

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

rezeda.saf@mail.ru

Abstract. The article considers the history and current state of the study of the science of tajvid in Russia. It is closely connected with the history of Muslim education, the centers that were formed primarily in the Volga-Ural region and in the Caucasus, where both classical works and new methods of teaching materials of local authors were distributed.

Keywords: Islamic Education, Tadjvid, Islam in Russia.

For citation: Safiullina-Al Ansi R. The History of Science Tadjvid in Tatarstan. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*2019; 2(1): 130–138. (In Russ.)

References

1. Uty`z-Imyani G. Izbrannoe. Kazan`: Tatar. kn. izd-vo, 2007. 317 s. (In Russian)
2. Abd ar-Raxim al-Bulgari. Tuxfat al-axbab fi tadhvid kalyam ar-rabb / Ruk. IYaLI AN Tatarstana, f. 39, № 2982. (In Tatar)
3. Kayum Nasy`ri. Kniga o vospitanii. Kazan`: Tatar. kn. izd-vo, 1992. 144 s. (In Russian)
4. Kursavi G. Keshelərne tugry` yulga kyndery (Əl-irshad lil-gy`jbad). Kazan: Iman, 1999. 101 b. (In Tatar)
5. Mardzhani Sh. Al`-ky`jsme as-sani min kitabi mustafad al`-axbar fi axvali Kazan va Bolgar. Kazan`, 1900. (In Tatar)
6. Mardzhani Sh. Mukaddima vafijjat al-aslaf va taxijjat al-axlaf / ORRK NB im. G.I.Lobachevskogo KFU, Ed. xr. 609–615. (In Tatar)
7. Musa Dzharullax (Bigiev) Rostovdoni. SPb.: Tip.-lit. I. Boraganskago, 1905. 38 s. (In Tatar)

8. Bigiev M. Istorija Korana i ego svodov / Musa Bigiev; per. s arabsk.; pod obshh. red. D.V. Muxetdinova. M.: Izdatel'skij dom „Medina“, 2016. 88 s. URL: <http://www.idmedina.ru/pdf/content/Bigiev-Istorija-Korana.pdf> (data obrashheniya: 3 dekabrya 2017 g.) (In Russian)
9. Barudi G. Kitab avval. *Ad-Din val-adab*. 1914. 25 noyabrya. (In Tatar)
10. Validi Dzh. Ocherk istorii obrazovannosti i literatury` u tatar. Kazan`: Iman, 1998. 160 s. (In Russian)
11. Medrese g. Kazani XIX – nachala XX vv.: Sbornik dokumentov i materialov. Kazan`, 2007. (In Russian)
12. Fəxreddin R. Asar. 1 жıld. 2 жөз`ya. Orenburg, 1901 (In Tatar).
13. Fəxretdin R. Asar. 1 жıld. 4 жөз`ya. Orenburg, 1903 (In Tatar).
14. Fəxretdin R. Asar. 2 жıld. 13 жөз`ya. Orenburg, 1907 (In Tatar).
15. Nachalo vstrechi s muftiyami duxovny`x upravlenij musul`man Rossii. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19474> (data obrashheniya: 12 noyabrya 2016 g.). (In Russian)
16. Moskovskaya sobornaya mechet` otkry`ta posle rekonstrukcii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351> (data obrashheniya: 30 sentyabrya 2015 g.). (In Russian)
17. Obrazovatel`ny`j standart vy`sshego religioznogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki «Podgotovka sluzhitelej i religioznogo personala islamskogo veroispovedaniya» (naimenovanie profilya – «Islamskie nauki» (kvalifikaciya (stepen`) «bakalavr shariata»)). Nurgaleev R.M i dr. Kazan`, 2015. 278 s. (In Russian)

About the author: Rezeda Safiullina-Al Ansi, Cand. Sci. (Philology), Resource Centre for Islamic Education Development of Institute of international relations, KFU (420008, Kazan, 1/55 Pushkina), e-mail: rezeda.saf@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

НАСЛЕДИЕ

МАХМУД АЛ-БУЛГАРИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»

РАЗДЕЛ 5

РАССКАЗ О ЧУДЕСАХ ПРОРОКА

(перевод Ф.Ш. Нуриева, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Галиулина)

Резюме. В представленном материале дается перевод истории Йосыфа и Зулейхи из сочинения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» – «Путь в рай», которое было написано в 1357–1358 гг. в золотоордынском городе Сарае. Автор, Махмуд бин Али ас-Сараи ал-Булгари ал-Кардари, согласно рукописным спискам, предположительно был сыном шейха города Сарая. «Нахдж ал-Фарадис» представляет собой не только религиозно-дидактическое сочинение, в котором описаны основные столпы мусульманской религии и история ислама, но и учебником по нравственно-этическому воспитанию.

Ключевые слова: Золотая Орда, литература, Махмуд ал-Булгари, «Нахдж ал-Фарадис», ислам, пророк Мухаммад.

Для цитирования: Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Рассказ о чудесах Пророка. Пер. Ф.Ш. Нуриева, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Галиулина. *Туркологические исследования*. 2019; 2(1): 139–145.

Раздел 5

Рассказ о чудесах Пророка, мир ему

Имам Багави в книге «Масабих» привел такой хадис:

عن علي بن ابي طالب رضي الله عنه انه قال كنت مع النبي صلى الله عليه وسلم بمكة فخرجنا في بعض نواحيها فما استقبله جبل و لاسجر الا هو يقول السلام عليك يا رسول الله

Толкование этого хадиса следующее. ‘Али, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Я был вместе с Пророком, *мир ему*, в Мекке. Мы выехали в окрестности Мекки. Когда мы приблизились к горе, то оттуда послышался голос: «Мир тебе, о Посланник Аллаха», а когда мы приблизились к дереву, то слышали от дерева то же самое: «Мир тебе, о Посланник Аллаха».

Пророк, *мир ему*, находился в Медине, когда евреи Хайбара и евреи [из племени] Бану Курайза прибыли в Мекку и сказали неверным: «Мы прибыли все вместе, чтобы помочь вам. О, если мы, объединившись все вместе, отправились с большим войском в Медину и уничтожили этого Мухаммада. Он говорит, что ваша вера ложная и что наша вера тоже ложная. Вы бы избавились от [зла] его языка и доставляемого им беспокойства, и мы бы тоже избавились». Эти слова пришлись по душе неверующим Мекки. Они совершили военные приготовления и вместе с войском евреев прибыли в Медину. Когда весть об этом дошла до Пророка, *мир ему*, он собрал сподвижников и стал с ними совещаться. Салман ал-Фарси, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «В нашей стране Персия (Фарс) есть рвы. Вокруг страны роют большие, глубокие канавы, чтобы [вражеское] войско не проникло с четырех сторон.

Не будет ли разумно, если мы вокруг Медины тоже выкопаем ров? [28]. Если неверные не смогут подступиться с четырех сторон, будет легче воевать с одной стороны». Пророк, *мир ему*, и сподвижники нашли эти слова верными. «Это будет правильно», – сказали они, и Пророк, *мир ему*, повелел, чтобы все сподвижники начали копать ров вокруг Медины. (А) в Медине был голод. Сподвижникам было трудно вести военные приготовления, да еще и рыть этот ров. Джабир, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Когда все сподвижники копали ров, [из-под земли] вышел камень. Сколько сильные мужчины ни пытались разбить топорами камень, это никак не действовало. Они пошли и сообщили Пророку, *мир ему*. Пророк, *мир ему*, взял в руки топор и три раза сказал: «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного» – и ударил топором, [после чего] этот огромный камень раскололся на кусочки».

Джабир, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Я стоял близко к Пророку, *мир ему*. Он поднял обе руки, чтобы ударить по камню. Смотрю, а Пророк, *мир ему*, привязал к своему благославленному животу камень по причине голода. Когда я увидел это, на душе стало больно. Я пришел [домой] и сказал своей жене: «Жена моя, я видел Пророка, *мир ему*, в таком состоянии. Разве допустимо, чтобы Пророк, *мир ему*, находился в таком затруднении, а мы переживали за него, что мы будем за уммой?», на что жена сказала: «Дома есть четыре батмана ячменя и один козленок. Зарежь этого козленка, а пока варится суп, я размелю ячмень и испеку хлеб. Иди и скажи Пророку, *мир ему*, тихонько на ушко, чтобы люди не слышали. Пусть Пророк, *мир ему*, придет к нам вместе с одним или двумя людьми», – на том и порешили. Когда суп сварился, Джабир, *да будет доволен им Аллах*, пошел и шепотом сказал Пророку, *мир ему*. Тогда Пророк, *мир ему*, спросил: «О Джабир, сколько у тебя еды?» Я ответил: «О Посланник Аллаха, один козленок и четыре батмана ячменя». Пророк, *мир ему*, сказал: «Очень хорошо. Истинный (Хак) ниспослет изобилие, Та‘ала, если на то будет воля Всевышнего». «О Джабир, пусть до моего прихода никто не опускает черпак в тот котел и не вытаскивает хлеб из печи», затем [29] воскликнул: «Джабир устраивает дома угощение, и вы примите его приглашение». Три тысячи человек рыли ров, и все приняли приглашение, на что Джабир сказал: «Я растерялся, мне стало совестно. Мною овладел такой стыд, какой я не испытывал за всю жизнь. Думая о том, как я смогу накормить мясом одного козленка три тысячи человек, я пришел домой и рассказал жене о случившемся, на что она мне сказала: «О Джабир, разве ты не сказал Пророку, *мир ему*, о количестве этого угощения?» Я сказал: «Я сказал Пророку, *мир ему*, о количестве угощения, на что Пророк, *мир ему*, сказал, чтобы до его прихода никто не прикасался рукой к той еде». Жена сказала: «Тогда, Джабир, нисколько не стыдись, а поставь ее перед ними. Кто бы что ни сделал, он [сам] знает». Мне стало спокойно на душе, и стыд ушел. Прошел час. Смотрю, а Пророк, *мир ему*, во главе трех тысяч сподвижников пришел и сказал: «О Джабир, народу много, все не уместится в доме, пусть они сядут снаружи и заходят по семеро. Сам зашел в дом, велел открыть кувшин и произнес: «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного», произнес мольбу с [пожелание] благодати и дотронулся

рукой до посуды. Потом он велел открыть печь, произнес: «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного», произнес мольбу с [пожелание] благодати и дотронулся рукой [до печи]. Затем он сказал: «Не трогай, дай семерым одну миску супа и семь лепешек». Так и сделали. Сколько ни вытаскивали еды и хлеба из печи, похлебки в кувшине не становилось меньше, а в печи не становилось меньше хлеба. Все три тысячи человек насытились, а похлебки в кувшине и хлеба в печи осталось столько же. Пророк, *мир ему*, сказал: «О Джабир, похlebка в этом кувшине и хлеб в этой печи не закончатся до вечернего намаза. Сообщи всем беднякам Медины и всех их накорми, а также дай этой похлебки и хлеба всем прохожим и близким, никого не обделяя». Мы так и сделали. До вечернего намаза приходили все бедняки Медины и ели. После вечернего намаза в посуде осталось немного еды.

Салман ал-Фарси, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Когда [30] мы отведали угощение Джабира и отправились копать траншею, на моем участке земли показался большой камень. Ни у кого не хватало сил его поднять, и даже топор его не брал. Тогда пошли и сообщили об этом Пророку, *мир ему*, он взял в благословенные руки большой топор, сказал: «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного», произнес такбир¹, и все сподвижники тоже произнесли такбир. После этого Пророк, *мир ему*, поднял топор и с силой ударил по тому камню, так что из него вышел огонь, подобный молнии, который направился в сторону Шама. Салман ал-Фарси, *да будет доволен им Аллах*, говорит: «Когда я посмотрел на тот свет, мне привиделись палаты и дворцы Шама. Когда Пророк, *мир ему*, во второй раз произнес такбир, снова вышел огонь, подобный молнии, и направился в сторону Йемена. Когда я посмотрел на тот свет, мне привиделись палаты и дворцы Йемена. Когда Пророк, *мир ему*, в третий раз произнес такбир и ударил по камню, как и раньше, вышел огонь, подобный молнии, который направился на восток. Когда я посмотрел на тот свет, мне привиделись палаты и дворцы Ирака и Персии. Я сказал: «О Божий Посланник, что это за огни разлетаются по миру?» Пророк, *мир ему*, сказал: «О Салман, знай, да будет тебе известно, куда отправились эти огни, там распространится ислам и проявится мусульманская вера». Салман ал-Фарси, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Во время халифата ‘Умара и Усмана, *да будет доволен Аллах ими обоими*, в названных странах появился ислам».

Затем неверные с евреями подошли и расположились вокруг Медины с четырех сторон. Три дня они воевали с мусульманами, а на третий день они сражались ожесточенно, так что Пророк, *мир ему*, не смог совершить предвечерний и вечерний намаз. Тогда Пророк, *мир ему*, проклял этих неверных: «О Боже, накажи этих неверных, нашли на их глаза огонь и мучения!» После этого Истинный (Хак) дал Пророку, *мир ему*, победу. Как-то ночью (Всевышний) послал сильный холодный ветер туда, а евреи и неверные Мекки расположились на ночлег с четырех сторон от Медины, чтобы воевать с ними.

¹ Такбир (*араб.* تكبير – *возвеличивание*) – в исламе: возвеличивание Аллаха словами «Алла́ху акба́р» (*араб.* الله أكبر).

Они не вынесли этого холодного ветра [31]. Они сказали: «Мухаммад околдовал нас, наслав на нас холодный ветер», и все вернулись назад.

Хузайфа, *да будет доволен им Аллах*, прибыл к жителям Куфы после Пророка, *мир ему*. Весь народ Куфы собрался, потому что тот разговаривал с Пророком, *мир ему*, и кто-то обратился к Хузайфе: «О Абу 'Абдаллах, как вы общались с Пророком, *мир ему*?». Хузайфа, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Мы были усердными в служении Пророку, *мир ему*, и делали все, не допуская никакой оплошности», на что задавший вопрос сказал: «Клянусь Аллахом, если бы я был рядом с Пророком, *мир ему*, я бы не позволил Пророку, *мир ему*, ходить пешком, а носил бы его на спине». Хузайфа, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Во время битвы у Рва как-то ночью поднялся холодный сильный ветер. Все сподвижники оделись в теплую одежду, укутались в войлок, потому что не было позволения вернуться домой. Пророк, *мир ему*, читал намаз. После долгого намаза он созвал всех и сказал: «О сподвижники, пусть кто-либо из вас встанет с места, отправится к неверным и принесет мне известие [о них]. Я попрошу Истинного (Хака) уберечь этого человека, чтобы неверные не причинили ему никакого вреда. Я попрошу Истинного (Хака) сделать этого человека моим товарищем в раю», – воскликнул он. Никто не внял его призыву, так как был суровый голод, страх перед неверными и холод были очень сильны. Из-за этих трех вещей сподвижники проявили бездействие. Когда они не вняли призыву Пророка, *мир ему*, он позвал меня по имени: «О Хузайфа!». Для меня стало обязанностью внять его призыву. Я подумал, если не внемлю призыву, то проявлю послушание перед Пророком, *мир ему*. Тогда я поднялся с места и сказал: «Слушаюсь, о Божий Посланник!» Он сказал мне: «О Хузайфа, иди и принеси мне весть от неверных, что у них происходит, но никому не доставляй беспокойства». Я взял лук, стрелы и отправился в путь. Смотрю, а воинство Истинного (Хака), холодный ветер раскидал всех неверных, повалил шатры, потушил костры, лошади идут в одну сторону, а верблюды – в другую. Они были растеряны и изумлены [32]. Правитель Абу Суфйан вышел из шатра, созвал [всех] и сказал: «Эй, воины, все снимайтесь [с места], мы уходим. Если мы останемся здесь на ночь, то все погибнем, наши лошади и верблюды околеют», после чего все неверные стали в спешке сниматься [со своих мест] и уехали. Если бы Пророк, *мир ему*, не приказал мне никому не причинять вреда, и я пустил стрелу в Абу Суфйана, ведь я подобрался к нему так близко, он бы погиб. Я выполнил просьбу Пророка, *мир ему*, и ничего не сделал. Когда я сообщил об этом Пророку, *мир ему*, он очень обрадовался, вознес славу и хвалу Истинному (Хаку) и разрешил людям разойтись по домам.

Через несколько дней Пророку, *мир ему*, пришло письмо от Абу Суфйана. В нем было написано: «О Мухаммад, знай, да будет тебе известно, что в этот раз я пришел с убеждением, что уничтожу тебя, разгоню всех твоих сподвижников, но увидел, что ты приказал вырыть ров вокруг Медины. Среди арабов такого никогда не было. Где ты этому научился? Клянусь Латом и 'Уззой, когда я приду во второй раз, я сделаю [с тобой] то же, что сделал в битве при Ухуде».

Когда Пророк, *мир ему*, прочел его письмо и понял его смысл, он позвал Убайя ибн Ка'ба и сказал: «Пиши, о Убайя: Эй Абу Суфьян, ты говоришь, что в этот раз ты вернулся назад, не уничтожив меня. Тебя вернул Истинный (Хак), научил меня рыть ров тоже Истинный (Хак). Также ты говоришь, что вернешься в следующий раз и так же, как в битве при Ухуде, сможешь нас победить. Об этом ведаёт только Истинный (Хак), наделяет силой тоже Он, наносит поражение тоже Он. Но Истинный (Хак) подарит мне один день, когда я разобью Лата и 'Уззу, которыми ты поклялся, а также всех идолов, если на то будет воля Аллаха Та'ала».

Когда неверные вернулись в Мекку, а сподвижники возвратились в свои дома, Пророк, *мир ему*, пошел в дом 'Айши, совершил полное омовение (гусл)¹, помыл голову, [33] надушился и вышел [из дома]. Он совершал дневной намаз. Смотрит, а к нему верхом на муле приехал Джабраил, *мир ему*, одетый в толстый доспех, и говорит: «О Мухаммад, ангелы стоят, не снимая кольчугу и шлемы. Почему отложили свое оружие? Мы, ангелы, все вместе гнали неверных до земли под названием Хамра ал-Асад и прогнали. Тебе и всем сподвижникам повеление от Всевышнего Бога (Тенгри Та'ала): наденьте кольчуги, идите к иудеям Бану Курайза и сразитесь [с ними], а я пойду во главе с ангелами. Быстро идите за мной», – сказал Джабраил, *мир ему*, и ушел. Когда Пророк, *мир ему*, услышал эти слова, он позвал 'Али, *да будет доволен им Аллах*, и сказал: «Возьми знамя и приходи к нам. Мы получили приказ сразиться с иудеями Бану Курайза. 'Али взял знамя и отдал Билалу приказ, чтобы все сподвижники совершили предвечерний намаз у Бану Курайза». Все сподвижники оседлали коней, пошли и сразились с иудеями Бану Курайза, пограбили их и вернулись в Медину.

По прибытии Пророка, *мир ему*, в Медину, одна из иудейских женщин зарезала овцу и спросила у одного из сподвижников: «Какую часть туши овцы предпочитает Пророк, *мир ему*?» Тот сказал: «Пророк, *мир ему*, из туши овцы предпочитает мясо лопатки». Она намазала ядом это мясо зарезанной овцы, а любимое место Пророка, *мир ему*, еще больше, и после вечернего намаза принесла в дом Пророка, *мир ему*. Пророк, *мир ему*, совершив вечерний намаз, пришел домой, смотрит, а там сидит какая-то женщина. Женщина поприветствовала Пророка, *мир ему*, и сказала: «О Божий Посланник, я зарезала овцу и принесла вам в качестве подарка», после чего Пророк, *мир ему*, сказал, чтобы все сподвижники пришли и поели угощения. Тем временем женщина вышла [из дома] и ушла. Когда Пророк, *мир ему*, взял кусок этого мяса, стал жевать, ему послышался голос: «О Божий Посланник, не ешь меня, я отравленный». Пророк, *мир ему*, выплюнул мясо и сообщил сподвижникам: «Не ешьте мясо, потому что я слышал голос этого мяса: «О Посланник Аллаха! Не ешь меня, я отравленное». [34] Все сподвижники отпрянули от него. Только сподвижник по имени Башир проглотил один кусок мяса, не услышав эту весть, и немного онемел, не сумев выплюнуть его обратно. В течение часа лицо Башира стало черным, а к ночи он скончался. Троице

¹ Гусль (*араб.* غسل) (гусл, гусул) — в исламе акт полного очищения тела путем ритуального омовения.

сподвижникам, пожевавшим мясо и выплюнувшим его, Пророк, *мир ему*, велел сделать кровопускание, сам его сделал, и они поправились. Через три дня эту женщину-иудейку нашли, привели к Пророку, *мир ему*, и спросили: «Иудейка, почему ты так поступила?» Эта иудейка ответила: «Ты убил моего отца, дядю, мужа и брата – всех ты погубил. Поэтому я и принесла отравленную овцу», – призналась она. Ее тоже убили. Это мясо овцы дали одной собаке, она его съела, и тот час же умерла. Они пошли, выкопали яму и закопали в ней собаку.

Пророка, *мир ему*, перед смертью хватил паралич. Была одна пожилая женщина по имени Умм Башар. Когда Пророка, *мир ему*, что-то беспокоило, он просил позвать эту женщину. Она приходила, надавливала и нажимала на органы Пророка, *мир ему*. Когда он попросил позвать ее в этот раз, она тоже пришла, стала надавливать и нажимать на части тела, а затем сказала: «О Божий Посланник, в этот раз я вижу, что ваша болезнь стала сильнее. Если Всевышний Аллах пожелает, то ниспошлет [вам] здоровье», на что Пророк, *мир ему*, сказал: «Однажды я пожевал и выплюнул отравленное мясо, с тех пор иногда оно доставляло мне некоторое беспокойство. Сейчас я ощущаю, как в этом моем параличе отравы того яда разрезает мои жилы, но надо терпеть. Пророкам дается сполна испытаний, чтобы было сполна загробного вознаграждения».

Однажды вечером Пророк, *мир ему*, призвал неверных к исламу, а неверные сказали: «О Мухаммад, мы признаем твою веру истинной, если ты укажешь этой полной луне, чтобы она разделилась надвое, и каждая половинка разошлась в разные стороны, а потом они снова соединились друг с другом, как и прежде, [тогда] мы и узнаем, что твоя вера истинная».

Когда Пророк, *мир ему*, дал луне указание, и луна раскололась надвое, обе части разошлись по сторонам, а потом соединились друг с другом. [35] Ибн Мас'уд, *да будет доволен им Аллах*, сказал: «Я видел, как гора Хира осталась между двумя месяцами, а потом они соединились друг с другом. Когда неверные увидели происходящее, они сказали: «Какой великий волшебник этот Мухаммад, он сильный колдун». Всевышний Бог (Тенгри Та'ала) сообщил:

أَقْتَرَبَتِ السَّاعَةُ وَانْشَقَّ الْقَمَرُ وَإِنْ يَرَوْا آيَةً يُعْرِضُوا وَيَقُولُوا سِحْرٌ مُّسْتَمِرٌّ وَكَذَّبُوا وَاتَّبَعُوا أَهْوَاءَهُمْ وَكُلُّ أَمْرٍ مُّسْتَقَرٌّ

Толкование его следующее: «أَقْتَرَبَتِ السَّاعَةُ» «Приблизился Судный день». «وَانْشَقَّ الْقَمَرُ» «месяц раскололся»; «وَإِنْ يَرَوْا آيَةً يُعْرِضُوا» – «если эти неверные видят знак истинности Пророка, *мир ему*, они отворачиваются от этих знамений»; «وَيَقُولُوا سِحْرٌ مُّسْتَمِرٌّ» – «и говорят, что показанное Мухаммадом знамение – это крепкое колдовство, пришедшее от предшественников». «وَكَذَّبُوا» – «и скажут, что Пророк, *мир ему*, солгал»; «وَاتَّبَعُوا أَهْوَاءَهُمْ» – «они последовали за своими желаниями, за своими нафсами». «وَكُلُّ أَمْرٍ مُّسْتَقَرٌّ» – «каждое дело утверждено, то есть исход правого дела ясен, и исход ложного дела ясен».

Неверные после этого увидели много чудес, но не приняли веру, а Пророка, *мир ему*, называли колдуном. Однажды один неверный принес ящерицу и сказал: «О Мухаммад, если эта ящерица признает тебя Пророком,

я тоже в тебя уверую». Пророк, *мир ему*, сказал: «Эй, ящерица, расскажи, кем я являюсь?» Ящерица сказала:

أَشْهَدُ أَنْ لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ وَ أَشْهَدُ أَنَّ مُحَمَّدًا عَبْدُهُ وَرَسُولُهُ.

«Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад – Его раб и Посланник».

Один араб однажды принес газель. Она также произнесла свидетельство [веры] (шахада). Однажды неверные вновь сказали: «О Мухаммад, пусть эта финиковая пальма выйдет из земли и поприветствует тебя». Когда Пророк, *мир ему*, обратился к пальме, она вырвалась из земли и скромно поприветствовала его. Когда сподвижников стало больше, они построили минбар для Пророка, *мир ему*, чтобы он читал проповеди. Когда Пророк, *мир ему*, поднялся на минбар, и из [пальмового] бревна, к которому он [когда-то] прислонялся своей благословенной спиной, раздался стон, [который] услышали все сподвижники.

У Пророка, *мир ему*, есть множество чудес. Всем пророкам были даны [36] чудеса. Все они были даны Мухаммаду Мустафе. Другие чудеса были дарованы только Мустафе, а другие пророки не были их удостоены. Мы не привели все из них, чтобы книга не получилась слишком длинной.

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

MAHMUD AL-BULGARI

“NAHJ AL-FARADIS”

PART 5.

THE STORY OF THE MIRACLES OF THE PROPHET

(Translation by F. Nurieva, E. Sayfedinova, I. Galiullina)

Abstract. In the material the translation of the history of Joseph and Zuleikha from the work of Mahmud al-Bulgari "Nahj al-Faradis" – "The Way to Paradise", which was written in 1357–1358 in the Golden Horde city of Sarai. The author, Mahmud bin Ali al-Sarai al-Bulgari al-Kardari, according to handwritten lists, obvious was the son of the Sheikh of the city of Sarai. "Nahj al-Faradis" is not only a religious and didactic work, which describes the main pillars of the Muslim religion and the history of Islam, but also a textbook on moral and ethical education.

Keywords: Golden Horde, literature, Mahmud al-Bulgari, "Nahj al-Faradis", Islam, the prophet Muhammad.

For citation: Mahmud al-Bulgari. Nahj al-Faradis. The Story of the Miracles of the Prophet. Transl. F. Nurieva, E. Sayfedinova, I. Galiullina. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2019; 2(1): 139–145. (In Russ.)

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

РЕЦЕНЗИИ

О КНИГЕ ЮЛАЯ ШАМИЛЬОГЛУ «ПЛЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ»

Д.М. Исхаков

*Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Резюме. Статья представляет собой рецензию на книгу Юлая Шамильоглу «Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде» (Казань, 2018). Рецензируемая работа татарского историка, выросшего в США, посвящена исследованию одной из самых сложных проблем чингизидских политик XIII-XVIII вв., а именно, их уникально выстроенной социальной базе, базировавшейся на своеобразно организованной через “систему четырех карачибек” социально-политической структуре.

Ключевые слова: племенная структура, социальное устройство, Золотая Орда, этническая история.

Для цитирования: Исхаков Д.М. О книге Юлая Шамильоглу «Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде». *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 146–150.

Недавно вышла книга известного американского исследователя Золотой Орды татарского происхождения Юлая Шамильоглу «Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде»¹. Книгу, вернее докторскую диссертацию перевел с английского языка и издал Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.

Я познакомился с Юлаем Шамильоглу, когда в конце 1980-х годов он в первый раз прибыл в г. Казань. В ходе общения с ним наши разговоры больше касались актуальной политической ситуации в Татарстане, где татарское национальное движение, возглавляемое Татарским общественным центром, было на полуподъеме, и вызревали предпосылки борьбы за суверенитет республики. Но затем, спустя несколько лет, мне самому удалось выехать в США по приглашению профессора Висконсинского университета Кемаля Карпата (из румынских-буджакских татар) для участия в работе V Международной конференции по Центральной Азии “Democratization in Central Asia” с докладом о татарском национальном движении. Так как Ю. Шамильоглу работал в том же университете, мы с ним тесно общались вначале в ходе этой конференции, а потом, оставшись при его поддержке в г. Мэдисоне

¹ Юлай Шамильоглу. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде /Монография / Перевод с англ.яз. Ч.И. Хамидовой, Роман Хаутала. Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019.

с целью работы в очень богатой библиотеке Висконсинского университета на довольно длительный срок. Нам удалось провести вместе много времени, и на этот раз наши беседы в значительной мере были связаны с историей татар, в особенности, с историей Золотой Орды, которую он знал досконально. При возвращении обратно в г.Казань со мной прибыли ксерокопии не только многих важных работ по истории Золотой Орды, собранные по рекомендации Ю. Шамильоглу, но и копии его статей, связанные с диссертацией, а также текст самого исследования, озаглавленного «Tribal politics and social organization in the Golden Horde» (Колумбийский университет, 1986). С тех пор мы стали с Юлаем друзьями и встречались много раз, и во время очередного нашего разговора о Золотой Орде он вручил мне текст расширенной версии своей диссертации, которую он стремился тогда превратить в большую монографию (рукопись имела заголовок «The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, 13th–14th Centuries». Madison, 1998). Так как все эти работы были мною внимательно прочитаны, из-за базовой специализации в области исторической этнологии и по другим причинам, о которых будет сказано далее, я проникся идеями, которые Ю. Шамильоглу разрабатывал.

Надо сказать, что в татарстанскую историографию концепция Ю. Шамильоглу о “системе четырех карачибеков” проникала не без моего посредничества. Дело в том, что несколькими татарскими учеными в 1993 г. в г. Казани был издан сборник “Из истории Золотой Орды” (из-за того, что в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова тогда золотоордынские исследования не поддерживались, он был опубликован самостоятельно), в котором мы поместили перевод привезенной мною из США статьи Юлая Шамильоглу “Карачи беи поздней Золотой Орды: заметки по организации Монгольской мировой империи,” содержащей основную часть его докторской диссертации. Затем в феврале 1994 г. на итоговой конференции ИЯЛИ АН РТ я прочитал доклад на тему “К вопросу о социальной и политической структуре Казанского ханства” и в том же году опубликовал еще одну статью научно-популярного характера о бывшем одном из карачи-беков в Казанском ханстве Чура-батыре (Чуре Нарыкове), а через год – статью “О происхождении “Арских князей” и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства” в рамках I региональной научно-практической конференции “Проблемы истории и культуры Заказанья” (декабрь, 1995), проходившей в рамках разработки темы “Заказанье: проблемы истории и культуры” при поддержке тогдашнего главы Высокогорского района, сейчас президента РТ Р.Н. Миннеханова. Тут тоже речь шла об одной ветви казанских карачи-беков. В ходе подготовки этих статей мною была использована концепция о “системе четырех карачибеков” Ю. Шамильоглу применительно вначале к Казанскому ханству, затем – и несколько шире. В итоге данных исследований к 1995 г. мне удалось найти еще одно применение теории нашего американского друга – речь идет о раскрытии особенностей этносословной стратифицированности татарских обществ XV–XVI вв., которую невозможно правильно понять без обращения к “системе карачибеков”. К тому времени я был уже знаком и с другими работами, посвященными проблеме карачи-беков (из отечественных исследований

это прежде всего статьи Ф.Ф. Лашкова, В.Е. Сыроековского и труд В.В. Вельяминова-Зернова, из зарубежных – Х. Инальчика, Б. Манс, А. Фишера и др.), что способствовало теоретическому осмыслению проблем этносоциальной структуры татарских ханств. В конечном итоге все эти разработки вошли в мою монографию “От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XVI–XVII вв.)” (Казань, 1998), ставшую позже частью защищенной в 2000 г. докторской диссертации. Главная идея названных исследований заключалась в развитии концепции Ю. Шамильоглу о том, что в Золотой Орде и ее политических наследниках – поздnezолотоордынских тюрко-татарских юртах, кроме податного населения, состоявшего из захваченных в свое время народов и племен, существовало еще и собственно «гражданское население», организованное на племенной основе под главенством находившихся рядом с ханами – Чингизидами – четырех карачи-беков, глав ведущих кланов, наряду с ханами из Чингизидов участвовавших в формировании отдельных “земель”, т.е. государств. Фактически, как можно было понять, под “гражданским населением” и “землей” Ю. Шамильоглу подразумевал по-особому структуризированное государствообразующее ядро чингизидских политий.

Надо сказать, что мысли о существовании данного “гражданского населения” и его этносословной стратифицированности в золотоордынский период благодаря привычке мыслить этнологически приходили ко мне еще в мои аспирантские годы (1977–1980) в г. Москве, кроме прочего, и из-за общения с уже покойным известным татарским историком Ш.Ф. Мухамедьяровым, знатоком татарской средневековой истории, в том числе социальной истории Казанского ханства. Затем, параллельно моим исследованиям по татарским ханствам, исследованиями в названном выше ракурсе, но уже применительно к Улусу Джучи, занялся И.Л. Измайлов. Так как в дальнейшем мы стали соавторами нескольких работ, такое специфическое преломление идей Ю. Шамильоглу попало в ряд наших изданий, впоследствии став ключевым звеном в выстраивании новых подходов к средневековой этнической истории татар с учетом этносословной стратифицированности зоотоордынского и поздnezолотоордынского обществ, вытекающей как раз из теории Ю. Шамильоглу. В конце концов в семитомной академической “Истории татар с древнейших времен” основные теоретические разработки нашего американского друга и базирующиеся на них другие научные идеи, предложенные нами, нашли достойное место (см. тома III, IV, V).

С высоты прошедших лет можно уже сказать, что изыскания этого татарского историка, выросшего в США и посвятившего свою жизнь исследованию одной из самых сложных проблем чингизидских политий XIII–XVIII вв., а именно, их уникально выстроенной социальной базы, базировавшейся не просто на клановой основе – это было известно и раньше, – а на своеобразно организованной через “систему четырех карачибеков” социально-политической структуре, оказались в конечном счете весьма плодотворными, ибо они позволяют совершенно по-другому взглянуть на всю историю Золотой Орды и ее политических наследников, в том числе и в плане понимания этнической истории средневековых татар.

Конечно, защищенная свыше трех десятков лет тому назад диссертация Ю. Шамильоглу сегодня в ряде моментов могла бы быть дополнена, местами – уточнена. Так, явно требует дальнейшей разработки его идея о существовании “духовных карачибек”. Полагаю, что их присутствие в числе четырех основных шейхов в Крымском ханстве действительно связано с “системой карачибек”, за спиной которых были их ведущие кланы. Я думаю, что это были те шейхи, которые обслуживали эти главные племена, их вождей (так называемые бузурги, исламские патроны, такие как Баба Туклес/Чачлы Азиз у мангытов), одновременно спланивая вокруг верховного сейида, в данном случае не просто аналога хана, но лица, вхожего в семью хана – Чингизида (как Сайид-Ата у хана Узбека) в чингизидских политиках. К настоящему времени можно считать установленным и клановую принадлежность (о чем Ю. Шамильоглу не было известно) целого ряда знатных золотоордынских татар, фигурирующих в ярлыках и документах 1340–1350-х годов и могущих быть карачи-беками. Это Кутлуг-Буга и Могол-буга (Мегал-бей), которые были найманами, Товлу (Тоглу-бей) – из клана канглы, Асам (Асан/Хасан)-бей, скорее всего, из клана кунграт, Тулук-Тимур – из кыйатов, как и его сын Иса и внук Алибек и т.д. Если исследования в данном направлении продолжить, то можно будет лучше понять и политическую историю эпохи “Великой замяти”, что еще остается актуальной задачей.

В целом публикация на русском языке докторской диссертации Ю. Шамильоглу будет весьма полезна для историков-медиевистов, ибо даже среди них еще далеко не в полной мере осознаны основные идеи, которые много лет тому назад он предложил в своем исследовании.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевевич Исхаков, доктор исторических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667>, e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**ABOUT THE BOOK OF ULI SCHAMILOGLU
"TRIBAL POLITICS AND SOCIAL ORDER IN THE GOLDEN HORDE"**

D. Iskhakov

Kazan, Russian Federation

monitoring_vkt@mail.ru

Abstract. The article is a review of the book by Uli Shamiloglu "Tribal politics and social structure in the Golden Horde" (Kazan, 2018). The reviewed work of the Tatar historian, who grew up in the United States, is devoted to the study of one of the most difficult problems of the Chingizid polities of the XIII-XVIII centuries, namely, to the study their socio-political structure based on the system of four karachibeks.

Keywords: tribal structure, social structure, Golden Horde, ethnic history.

For citation: Iskhakov D. About the Book of Uli Schamiloglu "Tribal Politics and Social Order in the Golden Horde». *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 146–150. (In Russ.)

About the author: Damir Iskhakov, Dr. Sci. (History), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667>, e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.

Х Р О Н И К А

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ И ПРАЗДНОВАНИЕ 750-ЛЕТИЯ ТАЛАССКОГО КУРУЛТАЯ В 2019 ГОДУ

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru*

Резюме. Данная статья посвящена анализу, проведенных в последнее десятилетие международных золотоордынских форумов. В 2019 году в Республике Татарстан планируется проведение мероприятий по празднованию 750-летия основания Золотой Орды. Одним из центральных мероприятий юбилейных торжеств будет следующий – VI Международный Золотоордынский форум.

Как известно, период Золотой Орды – важнейший этап развития татарской и общероссийской государственности. Без понимания политических, экономических и социокультурных процессов, происходивших в это время, невозможно представить адекватный взгляд на отечественную историю. Празднование 750-летия основания Золотой Орды дает дополнительные возможности для популяризации узловых тем истории, являющихся структурообразующими звеньями национальной идентичности не только татарского и русского, но и других народов края.

Ключевые слова: Золотая Орда, международный форум, Талас, курултай.

Для цитирования: Миргалеев И.М. Международный золотоордынский форум и празднование 750-летия Таласского курултая в 2019 году. *Тюркологические исследования.* 2019; 2(1): 151–158.

Международный Золотоордынский форум – это научное мероприятие Института истории им.Ш.Марджани АН РТ, проводимое раз в два года с участием ведущих российских и мировых специалистов в области изучения средневековой тюрко-татарской истории.

Форум уже давно превратился в главную площадку для координации научно-исследовательской работы по данной проблематике. В процессе его работы решаются многие дискуссионные вопросы и вырабатываются концептуальные решения относительно стратегии дальнейших исследований. Кроме того, одной из важнейших целей форума является внесение существенного научного вклада в популяризацию истории золотоордынской цивилизации и в борьбу с мифологемами, окружающими историю Золотой Орды.

Прошло уже почти десять лет с того момента, когда Ученый совет Института истории им. Ш. Марджани АН РТ поддержал предложение директора, академика Р.С. Хакимова о проведении один раз в два года специализированного научного мероприятия, посвященного истории и культуре Золотой Орды.

Вести непосредственные научно-организационные мероприятия директор поручил одному из инициаторов проекта руководителю Центра золотоордынских исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И.М. Миргалееву, который провел первое заседание форума в 2009 году. Этот центр и стал официальным организатором Форума, его своеобразным интеллектуальным штабом.

Заложенная с первых лет структура научного собрания не раз доказывала свою целесообразность и эффективность. В рамках его программы традиционно предусмотрены конференции, семинары и круглые столы, посвященные отдельным научным дисциплинам: нумизматике, источниковедению, археологии и другим актуальным направлениям.

В то же время рассматриваются и более глобальные темы, такие как изучение цивилизационных особенностей золотоордынской культуры, климатических и эпидемических факторов в евразийских процессах, Шелкового пути – как канала междивизиационного взаимодействия и многое другое.

Стремление к получению фундаментального результата отражает и сама тема I золотоордынского форума, состоявшегося 17 марта 2009 года: «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (<http://www.tataroved.ru/actions/histzol/>). Прозвучавшие доклады и полученные результаты круглых столов обнажили огромный пласт исторических проблем и вопросов, требующих своего разрешения. Ознакомившись, в процессе работы форума, с новейшими исследованиями ученых по истории Золотоордынского государства, участники констатировали ряд важнейших научных позиций. Кроме, целесообразности укрепления и расширения связей между учеными, занятыми золотоордынской проблематикой, были выдвинуты пункты о необходимости включения объективных сведений по истории Золотой Орды в современную учебную литературу, а также необходимости специальных программ по проведению изысканий, выявлению, изучению и публикации нарративных источников и результатов археологических исследований.

В связи со всеми выявленными проблемами и перспективой работы над золотоордынской тематикой, в итоговой резолюции участниками научного собрания был представлен список рекомендаций, обращенных в адрес Академии наук РТ, среди которых особо выделялся пункт о необходимости проведения золотоордынского форума в Казани на постоянной основе.

В рамках II золотоордынского форума 29–30 марта 2011 г. (<http://www.tataroved.ru/actions/zforum/1/>) прошли 2 научные конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды» и «Нумизматика Золотой Орды». Мероприятие собрало более 80 участников. В рамках форума было организовано три круглых стола: первый был посвящен ключевым вопросам истории Золотой Орды, второй – военному делу джучидов, третий – материальной культуре.

19–21 марта 2013 г. в Казани прошел III международный золотоордынский форум (<http://www.tataroved.ru/actions/zforum3/>), в котором приняли участие более 70 ученых, представителей Великобритании, Венгрии,

Сербии, Казахстана, Кыргызстана, России и Украины. При этом форум всегда привлекал внимание не только ученых, но и руководства Республики Татарстан.

Например, на третий форум, посвященный 700-летию принятия ханом Мухаммедом Узбеком ислама, государственный советник, первый президент РТ М.Ш. Шаймиев направил его участникам свое приветствие. В рамках форума были проведены две международные научные конференции и круглый стол. Первая научная конференция – «Расцвет Золотой Орды: правление Узбек хана». Тема конференции была предопределена важным историческим событием – 700-летним юбилеем прихода к власти Мухаммеда Узбек-хана. Тема круглого стола: «Приход хана Узбека к власти и его конфессиональная политика». В обсуждении принимали участие И.М. Миргалеев, И.В. Зайцев, Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов, К.З. Ускенбай, Р.Ю. Почекаев, А.Г. Юрченко. В результате обсуждения были обобщены идеи и мнения относительно данной проблемы. Вторая международная научная конференция «Вопросы монетного дела и денежного обращения в Золотой Орде в свете источниковедческих исследований» проходила в два этапа и объединила вокруг себя ученых-нумизматов из разных стран. Соорганизатором нумизматической конференции выступил Институт нумизматики Центральной Азии (Кембридж) (CANI) (директор доктор Джудит Колбас). Второе заседание было выездным и состоялось в конференц-зале здания «Памятный знак в честь принятия ислама булгарами в 922 году» (БГИАМЗ) в городе Болгар. На нем участники и гости конференции рассказали о своих перспективах и планах в научно-исследовательской деятельности, а также обозначили вопросы, которые могли бы стать темами последующих научных конференций, форумов и круглых столов.

На III международном золотоордынском форуме было принято решение об издании нового журнала «Золотоордынское обозрение» (<http://goldhorde.ru/>). Таким образом, благодаря этому научному мероприятию удалось организовать издание высокорейтингового журнала, который в последствие вошел в ведущие международные базы данных SCOPUS, Web of Science, Ulrichs и др.

IV международный золотоордынский форум состоялся 17–18 марта 2015 года (<http://tataroved.ru/actions/zforum4/>). Участниками форума стали представители стран Европы и Азии: Франции, Польши, Болгарии, Казахстана, Нидерландов, Сербии, России, Турции, Финляндии. В рамках форума были проведены три международные научные конференции, Круглый стол. Первая научная конференция – «Источниковедение истории Золотой Орды: традиции и новации», была посвящена важным вопросам функционирования источниковедческих исследований вокруг истории Золотой Орды и тюрко-татарских ханств. Вторая научная конференция была посвящена вопросам «Монетного дела и денежного обращения в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований» и также объединила вокруг себя ученых-нумизматов из разных стран. Отдельная конференция была посвящена теме «Крымское ханство в международной дипломатии», в которой участвовала делегация из научных центров Крымского

полуострова. Тема Круглого стола Четвертого международного золотоордынского форума звучала так: «Генофонд тюркских популяций как исторический источник». В обсуждении принимали участие Р.С. Хакимов, В.Г. Волков, М.М. Акчурин, О.А. Кравцова, Р.А. Схаляхо, С.А. Думин, Ж.М. Сабитов, Ю.М. Юсупов и др. На этом форуме было принято решение о создании коллективной монографии «Золотая Орда в Мировой истории» (Казань, Институт истории АН РТ, 2016). Этот проект был реализован совместно с Оксфордским университетом, на базе которого в 2017 году состоялась презентация англоязычной версии этого издания («The Golden Horde in World History». Kazan: Sh. Marjani Institute of History, 2017). Таким образом, история Золотой Орды и татарских ханств стала доступна для изучения широкого круга англоязычных читателей. Также были достигнуты соглашения об организации международной конференции в Лейдене (Нидерланды) в 2015 году, которая прошла успешно.

В рамках V Международного золотоордынского форума «История Золотой Орды и татарских ханств» прошло 2 научные конференции («Источниковедение истории Золотой Орды и татарских ханств: текстология, переводы, интерпретации» и «Монетное дело и денежное обращение в Золотой Орде и тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований») и 2 круглых стола («Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии» и «Золотая Орда на Великом шелковом пути»).

В работе форума приняли участие 113 ученых из 18 стран мира и 64 научных центров (Оксфордский университет, университет Сорбонны, Вашингтонский университет, Висконсинский университет, Сегедский университет, Российская академия наук и др.). Данный форум состоялся в рамках плана мероприятий по подготовке и проведению празднования 750-летия основания Золотой Орды на 2016–2019 гг., принятого Кабинетом Министров РТ.

Центральным мероприятием V форума была международная конференция «Источниковедение истории Золотой Орды и татарских ханств: текстология, переводы, интерпретации». Эта конференция длилась два дня (15–16 марта) и состояла из шести заседаний, на которых с докладами и в дискуссиях выступили В.В. Трепавлов, И.М. Миргалеев, А. Узелац, Д.М. Исхаков, И.В. Зайцев, И.Л. Измайлов, А.К. Кушкумбаев, Ц. Энхчимэнг, А.В. Беляков, Э.Г. Сайфетдинова и другие отечественные и зарубежные исследователи.

Ряд докладов базировался на данных источников, не введенных в научный оборот: таких как «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, «Кара таварих» Утемиша-хаджи (список Р. Фахретдина), «Копийная книга Гарской приказной избы» и другие. С одной стороны, подобные доклады представляют сведения, существенно дополняющие картину исторической реальности, и являются новым словом в науке, но, с другой стороны, апробация этих материалов на конференции показывает необходимость углубления критики этих источников в контексте уже известных сведений и современных теорий интерпретации текстов.

В ходе конференции открылись и некоторые неизвестные страницы из жизни элиты Улуса Джучи. В частности, Э.Г. Сайфетдинова изучила судьбу

золотоордынской принцессы Тулунбай, в 1320 г. выданной замуж за мамлюкского султана ан-Насира, и впервые представила фото ее могилы.

Несколько выступлений было посвящено институту аталычества в Золотой Орде и татарских ханствах. В ходе дискуссии по данному вопросу говорилось о глубоких исторических корнях этого явления, неодинаковой его роли в позднеджучидских государствах, а также о том, что этот институт связывал клановую элиту с правящей династией, выступая одним из государствообразующих элементов в Улусе Джучи. Участники конференции предложили даже провести отдельный круглый стол, посвященный институту аталычества в тюрко-татарских государствах.

15 марта 2017 г. в рамках форума прошел и круглый стол «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», в котором участвовали Юлай Шамильоглу, Р.И. Тухбатова, Д.Н. Маслюженко, Т.В. Куш, Т.Ф. Хайдаров, К.А. Руденко и другие. Большая часть докладов была посвящена влиянию «Черной смерти» на политическую и социально-экономическую историю Золотой Орды и сопредельных государств в XIV веке. В своих изысканиях докладчики опирались и на данные климатологии, биологии и медицины, что позволило существенно скорректировать представления о роли экологических изменений и эпидемий в Улусе Джучи. В дискуссионном обсуждении были подняты вопросы исторической эпидемиологии, средневековой медицины, социально-политических и культурных изменений, обусловленных экологическими и эпидемическими факторами.

16 марта 2017 г. состоялся круглый стол «Золотая Орда на Великом шелковом пути», который был организован совместно с Советом муфтиев РФ и при поддержке МИД РФ. С докладами выступили известные ученые, такие как Мишель Балар, М.Г. Крамаровский, Юлай Шамильоглу, Мари Фаверо, Дэниэл К. Уо, Роман Хаутала, Иштван Зимони, Э.Д. Зиливинская и другие. В ходе круглого стола поднимались разные аспекты данной проблематики, начиная от археологических артефактов трансконтинентальных связей, и заканчивая вопросами глобальной экономической и политико-правовой интеграции на евразийском пространстве в Средние века. В выступлениях не раз отмечалось, что завоевания Чингиз-хана и его потомков привели не только к формированию общей политической системы на значительной части Евразии, но и к усилению торговых и культурных связей между Востоком и Западом, чему способствовало учреждение инфраструктуры дорожных станций (ям), значительно ускорившее сообщение между территориями.

Параллельно с упомянутыми мероприятиями 15–16 марта 2017 г. прошла международная научная конференция «Монетное дело и денежное обращение в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований». С докладами выступили Д.Г. Мухаметшин, А.Г. Ситдииков, П.Н. Петров, Л.Ф. Недашковский, Е.М. Пигарев и другие. Наряду с нумизматическим анализом новых кладов участники конференции обсудили вопросы финансовой политики Джучидов и денежного обращения в Золотой Орде и сопредельных государствах.

При подведении итогов форума выступили И.М. Миргалеев, Юлай Шамильоглу, Д.М. Исхаков и П.Н. Петров. Выступавшие подчеркнули, что

все мероприятия прошли на высоком научном уровне, способствовали укреплению международных научных связей, а также позволили существенно продвинуться в решении поставленных проблем и наметить перспективы дальнейших исследований. Заключительными мероприятиями форума стала поездка в г. Болгар, которая состоялась 17 марта, и расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Золотоордынское обозрение» 18 марта 2017 г., где были заслушаны отчеты выпускающих редакторов, а также обсуждены дальнейшие планы по развитию журнала.

Важнейшим результатом этих научных мероприятий является работа по изучению источников. За эти годы Центром исследований истории Золотой Орды и татарских ханств были исследованы и опубликованы такие, значимые памятники письменного наследия как «Зайл-и джами ат-таварих-и Рашиди» Хафиза Абру, «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми, «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, «Дэфтэре Чингиз-наме», а также другие арабские, персидские, тюркские, османские и латинские источники.

В настоящее время, работая над выявлением средневековых исторических сочинений и официальных документов, имеющих отношение к тюрко-татарской истории, сотрудники Центра активно взаимодействуют с зарубежными специалистами из Европы, Египта, Узбекистана, Ирана и Турции. Центр в кооперации с ведущими научными учреждениями Мира запускает проект написания истории всех чингизидских политий. Такой вопрос встал после издания коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории». В данный момент разрабатывается структура книги о Чагатайском улусе.

В итоге, можно констатировать, что идеи, заложенные при создании форума, были полностью реализованы, а полученные результаты продолжают вдохновлять современных молодых ученых на новые научные исследования.

Во многом благодаря Золотоордынскому Форуму, работе центра золотоордынских исследований, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ стал главным и признанным в международном научном сообществе академическим учреждением, занимающимся исследованием истории средневековых тюрко-татарских государств.

В 2019 году в Республике Татарстан планируется проведение мероприятий по празднованию 750-летия основания Золотой Орды. Период Золотой Орды – важнейший этап развития татарской и общероссийской государственности. Без понимания политических, экономических и социокультурных процессов, происходивших в это время, невозможно представить адекватный взгляд на отечественную историю.

Как известно, курултай 1269 года условно считается датой заключения мира между тремя чингизидскими династиями Джучидов, Чагатаидов и Угедеидов (представители великого каана Кубилая (правившего в Китае, в исторической науке известна и как Юаньская империя) и его брата Хулагу (правившего в Иране, государство Ильханов), сыновья четвертого сына Чингиз-хана – Тулуя, данный курултай 1269 года считается заключительным

событием в уже фактически произошедшем распаде Монгольской империи. Это знаменательное событие произошло в Таласской долине, в области Йанги Тараз на территории современного Кыргызстана. Весной 1269 года (667 г.х.) царевицы Хайду, Барак и Беркечар (выступавший представителем Менгу-Тимура) собрались на курултае и держали совет. После этого они разошлись, и каждый отправился в свое государство, получившее в связи с этим независимый юридический статус. С этого момента Менгу-Тимур принял титул хана и начал чеканить свою монету, что в средневековье рассматривалось непосредственным атрибутом независимого государства. Латинские источники золотоордынского правителя начинают называть «императором».

В результате окончательного распада Монгольской империи на карте Евразии официально появились следующие государства:

1. улус Тулуя (позже – династия Юань) на территории Китая и Монголии.
2. улус Угедая, на территории современного Синцзян-Уйгурского автономного округа, Джунгарии, Алтая и Западной Монголии.
3. улус Чагатая, на территории Средней Азии (улус Угедая и улуса Чагатая объединились после смерти Барака в 1271 году).
4. улус Хулагу (Ильханат), на территории Малой Азии, Ирана, Ирака и Азербайджана.
5. улус Джучи (Золотая Орда), на территории от Алтая и р. Иртыш до Венгрии и р. Дунай.

Решения, принятые на курултае, не только юридически подтвердили распад Монгольской империи, но и позволили улусу Джучи стать по настоящему суверенным государством – Золотой Ордой.

Празднование 750-летия основания Золотой Орды дает дополнительные возможности для популяризации узловых тем истории, являющихся структурообразующими звеньями национальной идентичности не только татарского и русского, но и других народов края. Одним из центральных мероприятий юбилейных торжеств будет следующий – VI Международный Золотоордынский форум.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017 (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM
AND THE CELEBRATION OF THE 750TH ANNIVERSARY
OF THE TALAS KURULTAI IN 2019**

I. Mirgaleev

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the analysis carried out in the last decade of the international Golden Horde forums. In 2019, the Republic of Tatarstan plans to hold events to celebrate the 750th anniversary of The Golden Horde. One of the Central events of the anniversary celebrations will be the next – VI international Golden Horde forum. As you know, the Golden Horde period is the most important stage in the development of the Tatar and all-Russian statehood. Without an understanding of the political, economic and socio-cultural processes that took place at this time, it is impossible to imagine an adequate view of Russian history. The celebration of the 750th anniversary of The Golden Horde gives additional opportunities for the popularization of the key themes of history, which are the structural links of the national identity of not only the Tatar and Russian, but also other peoples of the region.

Keywords: Conference, Golden Horde, International Forum, the Talas Kurultai.

For citation: Mirgaleev I. International Golden Horde Forum and the Celebration of the 750th Anniversary of the Talas Kurultai in 2019. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 151–158. (In Russ.)

About the author: Il'nur Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420014, Kazan, Baturin str. 7, Russian Federation), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.